

Аера Аема

Ты будишь.
**ИЗМЕНЕ
ВОПРОСЫ**

Дмитрий Фёдоров — самая первая и самая большая любовь моей жизни. Но вот беда, десять лет назад он изменил мне с моей лучшей подругой и наши пути разошлись. Теперь судьба сводит нас вместе в новом большом проекте. От наших столкновений искры летят, а все вокруг говорят, что он хочет меня вернуть. Но смогу ли доверять человеку, уже предавшему меня однажды?

Глава 1

Знала бы, кого встречу, хоть чулки бы надела.

Утро не задалось. Будильник не зазвонил и теперь, в полной панике перелезая через спящего Лешу, я тороплюсь выбраться из постели. Не очень удачно, надо сказать. Зацепившись за шелковую простыню, я с грохотом приземляюсь на пол.

Какая бесполезная штука, это шелковое белье, тут оно цепляет меня за ногу, а буквально позавчера я буквально соскользнула с него на пол под громкий хохот моего... Лёши.

Ему тридцать два, он старше меня на пять лет, да и в плечах — косая сажень, так что странно называть его парнем. Моего мужчины? Ну да, богатырь под два метра на черном Гелике, который обещает решить все твои проблемы — очень похож на мужчину.

— Ты что, упала? — сонно спрашивает Лёша. — Вес набрала что ли? Грохот, как будто потолок рухнул.

Закатываю глаза. Мой вес неизменен еще со школы, потому что я правильно питаюсь и делаю зарядку, когда не опаздываю. Тоже мне знаток.

Со стоном потирая пятую точку, я поднимаюсь, чтобы продолжить свой забег.

Кофе, пожалуйста, кофе и чистую рубашку. Ну, должна же у меня быть чистая рубашка, иначе, зачем мне такой большой шкаф?

Кофемашина отказывается работать, *ух, несчастный металлолом*, ну еще бы, кто хочет работать по утрам? Приходится найти турку, ибо без кофе из дома выходить не хочу, для меня это залог плохого настроения.

— Что, сломала-таки кофемашину? А я говорил, будь нежнее. И помол должен быть крупнее. Сама ее чинить будешь, — бубнит Лёша. В начале наших отношений он не был таким ворчуном, а в последнее время стабильно цепляется к мелочам.

Еще один залог плохого настроения на сегодня.

— Ты сам знаешь, что она с характером. И ничего я не сломала, просто разобраться некогда.

— Свари мне тоже кофейку. А завтрак где? — он садится за стол и просто наблюдает, как я гоняю по кухне.

И его совсем не волнует, что я опаздываю, что он мог бы помочь мне. Ну, хотя бы не комментировать. Но без этого в последнее время не обходится.

Благо, рубашка найдена, как и подходящий костюм, дежурные каблукки ждут у двери, а губы я накрашу уже в такси.

Приглаживая длинные темные волосы у зеркала, судорожно ищу ключи, которые находятся только через пять минут, почему-то в левой туфле. Такси уже ждет, кофе (*второй, потому что первый пришлось отдать Лёше*) конечно, сбежал. Жизнь — боль.

До офиса компании, которая делает элитную мебель, доезжаю без приключений.

Одним прекрасным утром Андрей Иосифович, президент нашей компании, вызвал меня к себе на чашечку кофе. Он предложил заняться выбором компании-поставщика мебели для одного крупного проекта.

— Сроки горят, кадровики медлят с дизайнером, а тебя природа вкусом не обделила, — сказал он.

Отказаться от предложения не удалось.

Так я, биг босс из совсем другой сферы, оказалась в шоуруме компании «Лес».

Нет, правда, так и называется.

Я жду руководителя компании, удобно устроившись в кресле небольшой переговорной. Она не похожа на безликий белый офис, скорее на кабинет в каком-нибудь особняке в Италии, который передается по наследству уже поколений двадцать. Только вид из окна напоминает, что мы в большом мегаполисе.

— Добрый день, Алиса. Простите, что заставил вас ждать.

Низкий мужской голос с хрипотцой заставляет меня вздрогнуть. Где-то я его уже слышала.

И я даже знаю, где.

Могла ли судьба быть ко мне *так* неблагоприятна?

Вот она, секунда спокойствия, пока я могу представить, что ошиблась. Что этот глубокий голос с хрипотцой принадлежит незнакомому мне мужчине.

Зажмуриваю глаза напоследок и храбро оборачиваюсь.

Вот он, стоит в двух шагах от меня, Дмитрий Фёдоров, моя первая любовь и причина множества бессонных ночей и слёз в подушку. Причина нескладных поэм о синеве его бездонных глаз, о том, как я хотела запустить руки в его густые черные волосы. А о красивых длинных пальцах, моем личном фетише, и вспоминать не хочется.

Но как не вспомнить, когда вот он, прямо передо мной? Возмужал, стал еще красивее, руководит компанией.

А меня больше нет. Я, взрослая женщина, красивая, вся из себя состоявшаяся, с классной работой, толпой друзей, с мужчиной, который дарит мне розы почти каждый день, за секунду превратилась в растерянного подростка.

Пшик — и я уменьшилась в росте, ссутулила плечи, опять забыла, как любить себя и вообще кого угодно, кроме него.

Я опять на секунду превратилась в злую, брошенную маленькую девочку, обиженную на весь мир и жестокого одноклассника, своего парня, по совместительству, которого застала с лучшей подругой.

Я опять падаю куда-то в отчаяние, в безысходность и тоску. Я опять вижу, как он проходит мимо, как он улыбается не мне, игнорирует все мои вопросы. Как будто меня больше нет.

За что он так со мной? Почему?

Нет. Я больше не хочу знать ответы на эти вопросы. Вернись в реальность, Алиса. Он больше ничего не сможет тебе сделать.

Чертов Фёдоров. Стряхиваю с себя наваждение, взамен надеваю дежурную улыбку. Дружелюбием, конечно, она не отличается, но это лучше, чем ничего. Глубоко вдыхаю, как перед прыжком с трамплина.

— Добрый день, Дмитрий. Приятно увидеться вновь.

Он улыбается так, что у меня непроизвольно начинают подрагивать колени. Я же выросла из тебя, *выросла*, самый популярный парень в классе. Ты сделал мне больно, предал меня, и я это пережила. Я даже не вспоминала о тебе почти десять лет. Так с чего такая реакция?

Но он не дает мне додумать.

— *А мне* как приятно, Алиса. Ну что, с официозом закончили, теперь по существу. К тебе или ко мне?

На мгновение я зависаю, слегка приоткрыв рот, и возмущению моего нет предела. Самоуверенный хлыщ. Вон как довольно улыбается по пути к своему креслу. Нет, не так. Самодовольно. Помнит, что меня всегда смущали его шуточки на грани. Думает, что слишком хорошо меня знает.

Мне очень хочется его ударить. Огреть сковородой или кочергой. Интересно, почему именно эти предметы приходят мне на ум? Сумка, наверное, тоже подойдет, она довольно тяжелая. Но не железная. Мысленно взвешиваю сумку, жалея, что именно сегодня вытащила часть ненужного хлама. Но слишком задумываться нельзя, подумает еще, что преуспел в своих глупых шуточках.

— Мы уже у тебя, в мой офис ехать нет смысла. Что ты можешь мне предложить?

Я закидываю ногу на ногу, юбка натягивается на бедрах, притягивая его взгляд. Нет, ну правда, знала бы, кого встречу, надела бы чулки. Просто чтобы помахать перед его носом конфеткой и тут же ее забрать. Жаль, что эта мебель мне, в самом деле, понравилась и пройдет по бюджету, иначе можно было бы разразиться речью о безвкусице и поминай, как звали.

— Дай подумать, — многозначительно протягивает Фёдоров. Не могу называть его иначе, хоть это и плохая школьная привычка, но какой он мне Дмитрий, в самом деле. Мой одноклассник, на год старше, который возомнил меня глупой малышкой. На секундочку, самую умную девушку параллели!

— Что я могу предложить? Контракт на лучшую элитную мебель страны по привлекательной цене, столик в лучшем ресторане, номер в лучшем отеле, самое удобное место в моей постели. Ты предпочитаешь спать слева или справа?

О, как я ненавижу тебя сейчас, Фёдоров, кто бы знал. И себя ненавижу за ту доль секунды, на которую представила этот номер в отеле. Доля секунды — а дверь, одежда на полу, вот простыни и вот мы на них. Большого не успела, жестко обрубив все мысли и всколыхнувшиеся чувства. Буквально сбив себя грузовиком изнутри. Ничего, будет мне уроком, вспомни, Алиса, с кем разговариваешь. Достойный соперник.

Нет. Еще раз я на это не пойду.

— В номере лучшего отеля я предпочитаю не спать.

Лениво приподнимаю уголок губ, заправляя темный локон да ухо. Мой собеседник заметно расслабляется, поудобнее усаживаясь в кресле. Видимо, предвкушает продолжение. Погоди, не радуйся так, красавчик, я тоже умею играть в эту игру, но не так, как ты себе представляешь.

— И мой будущий муж очень любит мне в этом помогать. Люблю старательных мужчин. Целеустремленных. Чтобы достигали своей цели. Снова и снова.

Невинно улыбаюсь, смотря на него из-под ресниц. Совсем не деловое общение, но что поделать, если у людей есть история, она всегда где-нибудь да всплывет. Ну и он первый начал, чем не повод успокоить себя.

Фёдоров становится значительно более серьезным и мрачным, даже слегка сжимает кулаки. Не то чтобы я следила. Ну ладно, может совсем чуть-чуть, все же его руки всегда были моим слабым местом. У него какие-то совершенно потрясающие руки с длинными пальцами, какие бывают у музыкантов. Когда мне было семнадцать, я могла весь урок

наблюдать, как он пишет или жестикулирует. Представляла эти пальцы на своих плечах и... Стоп.

Он ничего не делает для того, чтобы я вот так увязала в своих воспоминаниях, просто сидит в двух метрах. Я сама начинаю себя топить. Алиса, соберись, ты на работе.

Мы обсуждаем его мебель, мою компанию и общий проект, в конце пожимаем руки, как профессионалы своего дела. Отлично, теперь я могу с достоинством уйти и поручить остальное помощнику. Может быть, даже удастся больше его не видеть, сослаться на занятость, да это вообще не моя работа, мебель выбирать. Но его следующие слова заставляют меня на секунду замереть на месте.

— Будущий муж — это такой человек, который мужем может и не стать. Если он вообще существует, Ягодка.

Глава 3

Как я ему Ягодка? Со школы так никто меня не называл! Как я вообще должна доказывать, что у меня есть жених? И что вообще за слово такое, *жених*? Перед глазами проносится сцена, как в детстве бабушки на лавочке говорили, мол, Алиса, посмотри на Артемчика, вот жени-и-и-их! А Артемчику четыре годика, у него куртка на вырост, вязаная шапка на завязочках и ботинки на два размера больше.

И тут Лёша — *жених*? Этот цвет нации, самый настоящий финалист конкурса отборных мужиков?

Мы познакомились три года назад. Такие мужчины сразу бросаются в глаза: красивый, уверенный, очень высокий блондин. Говорит, что его рост сто девяносто, но мне кажется, приуменьшает.

Тогда у него был свой фитнес-клуб премиум класса, а сейчас он в процессе открытия целой сети.

Ах да, а еще он круто готовит, ездит на "Гелике" и у него пресс с кубиками. Сама себе завидую.

Мне его что, надо предъявить Фёдорову? Достаточно фото показать или обязательно за руку привести и попросить подтвердить, что мы вместе?

Конечно, я не задаю ему таких вопросов. Я просто с независимым видом шагаю к выходу на своих потрясающих каблуках, а попеременно злюсь и смеюсь уже дома, под подозрительным взглядом того самого жениха. Ну, надо же, какой детский сад.

И вот я опять еду на встречу, но на этот раз в свой офис. Дома и стены помогают, да? Это было бы очень кстати, потому что волнуюсь ужасно. Ему всегда удавалось задеть меня, иногда даже просто своим видом. Расстегнутой пуговицей на рубашке и взлохмаченными волосами. Или красным пятном на шее, в котором я опознавала засос, хотя никаких доказательств у меня, конечно, не было.

Я тогда еще не знала, что влюблена, но меня страшно раздражало, что он позволяет себе «такое», еще и напоказ выставляет.

Помню, в школе первое время я просто кипела от негодования, хотя раньше всегда гордилась своей выдержкой. До него. С ним я всегда становилась кипящим вулканом, плевалась лавой и огнем на его глупые шуточки, едкие комментарии, при этом где-то на периферии оценивала и его юмор, и его сарказм. Красиво сочетал, чертяка.

И если это так цепляло меня тогда, то что и говорить о нынешнем положении дел. Пара фраз, даже не ко мне обращенных, и я, признанный мастер словоблудства, начала кипеть прямо на совещании.

— Алиса, вам есть, что сказать по теме? — гендир и Фёдоров смотрят на меня вопросительно, и мне становится неудобно. Я так увлеклась злостью и воспоминаниями, что на секунду выпала из рабочей рутины. Что может произойти за секунду? Полжизни, вот что.

Поспешно задаю пару заковыристых вопросов об износостойкости материалов. Кажется, сработало, совещание идет дальше, а я обдумываю только что полученную информацию — дизайном занимался сам Фёдоров. Какой талантливый, гад, надо же.

И этот гад, собственной персоной нагоняет меня после мероприятия.

— Интересный у нас намечается проект, правда Алиса? Столько нюансов, столько деталей! Я постараюсь почаще бывать у вас в офисе.

— Какое рвение, Дмитрий. Очень рада, что вы воспринимаете такой большой контракт серьёзно, ведь пара ошибок и с ним можно попрощаться. Мы компания серьёзная.

— Вы сами будете проводить проверку? Тогда я к вашим услугам. С радостью. Могу показать вам любые документы, сертификаты, вывернуть карманы. Может быть, снять одежду?

Он приподнимает бровь и выглядит эдаким донжуаном, пока я пытаюсь игнорировать лишнюю информацию и придумать формальный ответ. Наверное, пора свалить всё на помощника, становится слишком сложно все время осаждать его заигрывания. Но тут Фёдоров, видимо, увидев хороший знак в моем молчании, решает зайти еще дальше.

— Кстати, не передумала насчет отеля? Нам ведь есть что вспомнить, Ягодка, — он улыбается своей самой лучезарной улыбкой, а мне хочется удавиться. Или удавить его.

Конечно, нам есть что вспомнить, но мои воспоминания далеко не самые лучшие. Очень хорошо помню, как после какой-то пустяковой ссоры он просто исчез, а я бегала по всем его друзьям и вечеринкам нашего района, в поисках его Высочества. А когда нашла в объятиях моей лучшей подруги, на секунду потеряла дар речи.

Я все еще помню это чувство, как падает сердце, бьется о ребра, неритмично, быстро. Мозг еще не понял, ищет версии и оправдания, типа брата-близнеца или собственного внезапного безумия. Но сердце уже знает.

Не могу сказать, что моя жизнь тогда закончилась. Нет. Юность на то и дана, чтобы переживать даже самые сильные страдания быстрее. Жизнь бежит, летит, и вот через две недели ты опять можешь спать, через три — есть. А выпирающие ключицы да впалые щеки — довольно хороший бонус. По крайней мере, этим можно себя немного утешить.

Но это сейчас я знаю, вспоминаю и раскладываю по полочкам. А тогда хотелось только сдохнуть. Казалось, что в жизни больше ничего не осталось, она бесполезна и бессмысленна. И даже лучшей подруги у меня больше не было, пришлось выплывать самой. Учиться заново улыбаться, доверять людям. Закончить школу с золотой медалью, поступить на бюджет в хороший ВУЗ. В конце концов, это ужасное событие многое решило в моей жизни, ведь больше не на что было отвлекаться.

Нет, не надо нам это вспоминать. Кроме того, мы сейчас на работе, партнеры, почти коллеги. Надеюсь, ненадолго. А чтоб неповадно было, надо ответить. С этой мыслью останавливаюсь, скрещивая руки на груди.

— А что бы ты хотел вспомнить? Размер груди Шолоховой? Или ее безразмерные губищи? Ну, давай, удиви меня.

На мгновение мне кажется, что он растерялся. Юля Шолохова — та самая моя лучшая подруга. Такая же бывшая, как и Фёдоров. Не сказать, что она была красивее меня, но смотрелась точно взрослее. Да и как выглядеть ровесницей с девушкой, как будто сошедшей с обложки мужских журналов.

Еженедельно ее вызывали к директору на разъяснительную беседу о том, что школа — не ночной клуб и носить *такие* короткие юбки, футболки с *таким* вырезом, каблуки *такой* высоты совершенно непозволительно. А потом на ковер к директору приходила ее мама и он, большой и грозный мужчина под пятьдесят, с явной военной выправкой, таял на глазах, начинал улыбаться и прощал «милую девочку». Это повторялось каждую неделю, пока они, наконец, не закрутили роман.

Так вот, этими ее губищами, моя подруга пыталась съесть Фёдорова заживо, когда я ввалилась в непримечательную темную комнатку. Меня там никто не ждал, конечно, ведь такие места не для отличниц, вроде меня. Идеальное место для измены.

— Я не планировал напоминать тебе о Шолоховой. И сам успешно о ней не вспоминаю.

Улыбка гаснет на его лице, а голос становится предельно серьезным. Зуб даю, мы вспомнили один и тот же момент. Не думала, что для него это воспоминание хоть что-то значит.

— Вот и не напоминай. Пусть от этой части моей юности останутся приятные воспоминания, их и так совсем немного.

Я опять иду по коридору, в голове мелькают картинки из прошлого, и я никак не могу это остановить. Они отпечатываются под веками, заставляя прогонять их опять и опять. Фёдоров — Юля — Я. Фёдоров — Юля — Я. Я стою и наблюдаю, как он целует ее, не в силах заявить о своем присутствии. Гремит музыка, стены под моими пальцами вибрируют, пол сотрясается или это просто кружится голова. Два моих самых близких человека. Отблески на ее коже, шелковый топ на полу, он без рубашки. Я пытаюсь пятиться назад, спотыкаюсь, и тогда их взгляды, наконец, обращаются ко мне.

Пытаюсь унять дыхание. Федоров зачем-то идет совсем рядом, почти шаг в шаг, но мне все равно. Нужно со всем этим справиться, прямо сейчас. Я не хочу обратно, даже в своих мыслях. Это, оказывается, больно. Сколько бы я ни убеждала себя, что все пережила, сколько бы ни отработывала с психологом, но отпустить до конца не могу. Где-то под кожей сидит обида и непонимание. Мы никогда не говорили о том, почему он так поступил, но сейчас я уже не хочу об этом знать.

Фёдоров вдруг берет меня за руку и осторожно останавливает.

— Столько лет прошло. Я думал, мы могли бы...поговорить? За чашкой кофе. Как старые друзья. Как бывшие одноклассники.

Наверное, это должно было меня разозлить, но я чувствую только бесконечную усталость. Я все это уже проходила. Тяжело, еле-еле, так зачем начинать снова? Зачем заново беречь старые раны, особенно если они так до конца и не затянулись?

— Слушай, Фёдоров, от того, что мы бывшие одноклассники, осталась только привычка звать тебя по фамилии. Все прошло. Я тебя не люблю и не ненавижу. Но это не значит, что я готова с тобой дружить. Давай мы закончим этот проект и разойдемся по своим... не знаю, офисам, частям города? Просто вернемся туда, где были и к тому, что делали, хорошо?

Мы стоим рядом, друг перед другом. Я сейчас совсем беззащитна, не нападаю на него, не скрещиваю руки в попытке спрятаться, просто смотрю на мужчину из прошлого широко открытыми глазами. Я предельно честна. Ну, почти.

Я больше не люблю его, не ненавижу, как и сказала. Но какое-то чувство бьётся в груди, которому не могу найти названия. Тревога, злость, нежность, ностальгия. Да, с Лёшей все хорошо, но иначе. Эта любовь спокойная, понятная, взрослая, немного похожая на привычку. В таких отношениях люди помогают решать проблемы друг друга, а не создают новые и это прекрасно.

Но, кто знает, возможно, мне хотелось бы почувствовать ту, другую любовь опять. Любить так же ярко и необузданно, против правил и условностей, с жаром, предвкушением, бабочками в животе, как это было в мои семнадцать лет.

У меня есть Лёша, у нас все хорошо. Но если рассмотреть тот малюсенький шанс... То уж точно не Фёдорова. Ему я больше не верю.

— Я не знаю, могу ли тебе это обещать, — раздаётся его голос совсем рядом.

Он поворачивается и идет в обратную сторону, а я остаюсь смотреть ему вслед. В растерянности. Я точно знаю, он любил меня, хоть все и закончилось изменой.

Но может ли он все еще любить меня?

Черт.

— Это был потрясающий отпуск! Каппадокия, ооо! Мы чуть не свалились с воздушного шара, сделали тысячу фото, потом поехали к морю. Правда, поплавали с криками, потому что вода еще не прогрелась. Но, Алиса, это же моооооре, — тянет Аня со счастливой улыбкой.

Анна Славская — моя коллега и подруга. Она только из отпуска, улыбается и активно жестикулирует, почти смахивая со стола чашку с чаем. Аня в эмоциях напоминает итальянцев, это очень...сочно.

Перед нами лежит огромная коробка турецкого лукума, который я непременно должна попробовать под ее веселый рассказ. Но, видимо, ей предстоит еще и выслушать мой, не такой радужный.

Аня знает обо мне почти всё, мы вместе отучились шесть лет, потом стажировались в одной компании, да там и остались. Мы вместе тратили первые зарплаты, снимали квартиру на двоих, потом собирали ее замуж. А уж фамилию Фёдоров она слышала не один десяток раз.

— Тысяча чертей и ослик! Неужто сам Фёдоров?! — вскрикивает Аня, а я практически подпрыгиваю на своем стуле. Она умеет быть очень громкой и совсем не сдерживает эмоции, часто оборачивая свою речь в отборный сарказм. Или сумасшедший дом, вот как с чертями и осликом. Первое время меня это даже немного смущало, ведь я всегда себя сдерживала, буквально на автомате. Сейчас я восхищаюсь тем, как она умеет лавировать между эмоциями и официозом. Ну и учусь немного.

— Он владелец компании, у которой мы мебель теперь покупаем. Я выбирала. Черт меня туда понес...

— И что было дальше? Как он выглядит? Чего хочет?

Аня сыпет вопросами, которые я боюсь себе задать, потому что не хочу слышать ответ. Она всегда, всегда так делает, потому что считает, что это помогает мне разобраться в себе. Но, если честно, так и есть.

— Красивый, гад. Еще лучше, чем раньше. Чего хочет пока не поняла, но пару раз звал отужинать и в отель, видимо почву прощупывает. Или считает, что неотразим до такой степени, что с первого же взгляда все особи женского пола должны терять белое и с разбега прыгать к нему в постель.

— И что, он *до такой степени* неотразим?

— погоди, дай проверю... Нет, мои трусики на месте, тебе не о чем беспокоиться! — мы обе хихикаем, пока вдруг не улавливаем приглушенное покашливание.

Я в ужасе оборачиваюсь. Прямо за моей спиной стоит Фёдоров с ехидной улыбкой, а Аня смущается и немного розовеет. Поворачиваюсь к ней, хмурясь. Она что, всё это время видела его? Но Аня делает такие невинные глаза, что кот из известного мультика удавился бы от зависти, и пожимает плечами. Ладно, и не такие темы обсуждали, и не из таких неловких ситуаций выбирались.

— А вы, наверное, Дмитрий Фёдоров? Принято познакомиться, Анна, ассистентка Алисы, — она улыбается и слегка взмахивает рукой. Совсем неформальное приветствие, да и какая на мне ассистентка, такой же начальник, но решаю не спорить.

— Он самый, приятно познакомиться. Простите, помешал вашему разговору. Итак,

позвольте, я не настолько неотразим, чтобы прыгать ко мне в постель с первого взгляда. А насколько тогда? Вы успели выставить оценку моей неотразимости?

В этот момент мне очень хочется провалиться сквозь землю. Это очень, очень непрофессионально обсуждать клиента, да с коллегой, да на рабочем месте. Ну, формально, это мой кабинет и дверь была закрыта, да и время уже нерабочее, ты что мы подруги, а не коллеги. Я решаю, что Фёдоров сам виноват, никакие границы я не нарушила, это сделал он, сам и виноват.

— Ну, видимо, вы достаточно неотразимы для того, чтобы без разрешения подслушать разговор двух девушек, прокравшись в их кабинет вечером, после окончания рабочего дня, и не получить за это по заслугам, Дмитрий.

— О, это довольно высокая оценка неотразимости из ваших уст. Вы же довольно строги и бескомпромиссны, если я правильно помню, Алиса.

Его голос мягкий и вкрадчивый, и, конечно, при коллеге он говорит почти формально. Но невооруженным взглядом видно, что это игра. Каждый жест, каждая его ухмылка буквально говорит о том, что он знает, какое впечатление производит. Знает, как он хорош. И он знает, что я это заметила.

— Думаю, с вашей памятью всё в полном порядке, Дмитрий. Вы что-то хотели? Наверняка у столько позднего визита есть невероятно важная причина.

Я, правда, хочу знать, что он тут забыл. Это уже не первый его приезд в наш офис и, как по мне, эти визиты стали слишком частыми. Пару раз мне удавалось сослаться на занятость, вот как сегодня, но в этот раз что-то пошло не так.

— Конечно. Я хотел бы обсудить некоторые пункты контракта за ужином. Что скажете?

— Думаю, вам поможет наш юридический отдел, я дам вам их номер.

— О нет. Андрей Иосифович сказал разговаривать только с вами, Алиса. Вы руководите этим проектом, так что и спрос с вас. Вас устроит завтра в восемь?

— Хорошо, Дмитрий. Сбросьте место встречи, мы с Анной встретимся с вами.

Ха. А ты думал, я встречу с тобой наедине, красавчик? Выкуси. Вот и «ассистентка» пригодилась. Смотрю, как Аня сдерживает улыбку, а Фёдоров с непроницаемым лицом кивает.

— Принято. Хорошего вечера, дамы.

Когда за ним закрывается дверь, я выдыхаю. Аня с задумчивым видом гипнотизирует дверь.

— Смотри-ка, а Вселенная прямо любит равновесие. Не ты ли недавно говорила, что тебе стало катастрофически не хватать внимания Лёши с тех пор, как он занимается своими фитнесами? Вот, Вселенная подкинула тебе внимания со стороны. Для равновесия. И чем ты недовольна?

Я покачиваюсь на стуле и обдумываю, чем именно недовольна. В самом деле, внимания я сейчас получаю за троих. Бойся своих желаний, ага. Но изначально я не ждала появления в своей жизни бывшего, еще и такого настойчивого. Это немного выбивает из колеи.

— Это не то внимание, которого я хотела. И где ты набралась этих штук о Вселенной и равновесии? — хмурюсь я.

Анька натура увлекающаяся, от нее многого можно ожидать. Но некоторые ее увлечения, например, макраме и танго, проходят быстро, так что нужно просто переждать. Однажды она целый месяц пыталась вытащить меня на курсы по актерскому мастерству, а потом тренировалась падать в обморок на моей кровати, потому что своего мужа Женю успела довести до нервного тика такими репетициями. Увлекающаяся натура, что поделать.

— Не надо менять тему! Он просто языком треплет. Это безобидное, довольно приятное внимание. Да, оно исходит от твоего бывшего, но... сколько лет прошло. Просто где-то там, в голове, где у тебя все еще живет мысль, в чем же ты была не достаточно хороша, поставь себе жирную галочку. Достаточно хороша, все окей, вот он Фёдоров у твоих ног, явно флиртует и, вероятно, жалеет о содеянном.

У меня точно входит в привычку хмуриться. Так и до морщин недалеко. Ерунда это все, ни о чем Фёдоров не сожалеет, он просто всегда был...таким. Всегда любил красивые жесты, долгие умные речи, люди шли за ним. Было в нем что-то от безумного гения, а это всегда привлекает. Собственно, привлекает и сейчас. Но я точно знаю, что это внимание не безобидно. Для него самого это, вероятно, ничего не значит, а вот меня может привести к плохому результату. Слишком я его любила, слишком страдала, всё в наших отношениях тогда было слишком, но мы были старшекласниками, так и должно быть в семнадцать. А вот в двадцать семь лучше не надо.

Но в чем-то она права. Во мне, в самом деле, живет вопрос, в чем же я тогда была недостаточно хороша. Чего ему не хватило?

— У меня есть мужчина. Может, мы даже поженимся скоро. Просто он сейчас очень занят.

— Послушай, хоть я и давно говорю, что Лёша не совсем твой формат, но я очень рада, что у вас все хорошо и ты его любишь. Считай, что я просто шучу.

— В каждой шутке есть доля шутки. Говори уже, я же вижу, тебя все еще разрывает от вселенской мудрости.

Аня на секунду замолкает, как будто собирается с духом и продолжает.

— Дело в том, что у твоего Лёши эмоциональный диапазон, как у зубочистки. Он же считает, что любые женские страдания это ерунда и происходят они исключительно от недостатка занятости. Он такой... прямой, грубоватый. И эти качели от идеального мужчины до «надо расставаться, нам не о чем говорить» случаются уже каждые пару месяцев, если не чаще. Может быть, стоит дать себе шанс? Ну, вернее, дать этот шанс кому-то другому?

Она замолкает и вопросительно на меня смотрит. Да, все верно, мой идеальный мужчина не совсем идеален. Вернее, я думаю, он идеален для всех, кроме меня.

Помню, как он сказал, что моя работа это такая игрушечная занятость, чтобы платья было куда выгуливать. Конечно, имелось в виду, что мне работать не обязательно, и он

спокойно сможет меня содержать. Но то, как это прозвучало, знатно меня тригернуло. И расстроило. Потому, спустя год отношений, я начала видеть в нем обесценивание того, что я делаю, что чувствую, что мне нравится.

Я вдруг открыла глаза и стала замечать важные мелочи. Вот, например, выбранный мной фильм — дрянь, будем смотреть другой, который *он* считает хорошим.

Крутая картина на стене, которую я нарисовала на мастер-классе — баловство. Ну, почему нет, детка, раз у тебя так много свободного времени.

Ну что ты дуешься, на обиженных воду возят. Почему злишься на критику? Ах, не спрашивала? Ну, разве я должен молчать, как вижу что-то не то? Надо реагировать как взрослый человек, поблагодарить и подумать, как это исправить.

Да, мелочи. Мелочи, к которым привыкаешь. И не такие уж частые. Да и оправдание у них есть. Он очень устает, сутками работает, открывает целую сеть фитнесов, конечно, не каждый бы выдержал такой темп. Просто перепсиховал, вот результат.

Но однажды дошло до того, что я спросила Аню, все ли у меня нормально. *У меня*. И сейчас он так занят, что я его почти и не вижу. Но расставаться из-за этого... Нет. Все нормализуется, просто надо подождать.

— Да все нормально у нас, Ань. Это же отношения, в них не бывает, чтобы всё совсем гладко.

— Конечно, нет. Но бывает, когда вы на одной волне, а мужик — не токсичная свинья с охапкой роз, извини, пожалуйста.

Мы обе смеемся. Она имеет в виду случай, когда Лёша, провинившись, не признал свою вину, не извинился, а просто молча появился на пороге с огромным букетом роз, буквально с меня ростом. Протянул мне его, молча сунул в руки и пошел дальше. Букет был таким большим и тяжелым, что я долго искала ведро, в которое он может поместиться. А Лёша буквально через пятнадцать минут завалился спать, так и не сказав мне ни слова.

Он очень недоумевал утром, почему я все еще обижена. Ведь миссия выполнена, он принес розы. И это всегда, *всегда* розы. Но, наверное, я придираюсь.

— Ох, дорогая, ты к нему несправедлива. Он хороший, надежный, решает все мои проблемы, а не создает их. Я ему доверяю. И у него получается шикарный ростбиф, — улыбаюсь я.

— Да, вкусная еда всегда была твоей слабостью, — смеётся Аня в ответ. Очень ее люблю за то, что она никогда не настаивает, никогда не позволит себе сказать «я же говорила». Если мне плохо, потому что Лёша меня обидел, то он козел. Если мы помирились и он опять в фаворе, то «я за тебя рада». Я всегда могу рассчитывать на нее, приехать с ночевкой или попросить приехать ее. И я всегда знаю, что она приедет. Мне кажется, именно такой должна быть настоящая подруга. Ну, хоть раз в жизни мне повезло такую найти.

Мы еще полчаса пьем чай, обсуждая разную ерунду. Я смотрю фото с поездки, слушаю историю про воздушный шар, про подштанники. О, эти подштанники. Но как только мы расстаемся, мысли возвращаются к Фёдорову. Сердце сжимается, по телу пробегает теплая волна. И все-таки он меня задевает. Его взгляды, его слова. Когда вдруг появляется наше прошлое, это всегда очень соблазнительно, потому что приносит возможность спросить, что же было не так. *Понять*. Я думаю о том, что же ему от меня нужно, всю дорогу домой.

А дома меня ждет Лёша с очень недовольным лицом.

— Почему у нас дома такой свинарник? — спрашивает меня Лёша, хмурясь.

Вот уж чего не ожидала. Вчера у нас был клининг, дома всё просто вылизано, полы, окна и зеркала блестят. В вытяжку можно вообще как в зеркало смотреться. Ну, Лёше можно, а мне только если подпрыгнуть. Окидываю пространство придирчивым взглядом, но не нахожу ничего предосудительного.

— Ты о чем, Лёш?

Этот вопрос действует на него, как красная тряпка на быка. Мой мужчина весь подбирается, сощуривает глаза и становится большим злым воздушным шариком. С кубиками пресса, да, они все еще угадываются под футболкой, но если ткнуть в него иголкой, он точно лопнет от злости. Увы, меня это не веселит.

— А ты сама не видишь? Всё валяется! Посуда в посудомойке не разобрана. Я прихожу домой уставший, а у нас пустой холодильник. Чудесная жизнь, ничего не скажешь.

Я в ступоре пытаюсь найти, что же у нас валяется, игнорируя раздражение. Наконец, нахожу блокнот для записей на столе и ручку на нем.

— Вот это валяется, по-твоему? Блокнот оставила тут, чтобы в сумку вечером положить. Иначе забуду. Посудомойка, конечно, не разобрана, ведь я ее загрузила утром, а пришла с работы только что. Хотя, зачем я оправдываюсь, ты чудесно видишь, что я только пришла, ведь прямо с порога нападаешь на меня! Если тебя это так разозлило, мог бы разобрать посуду сам. Холодильник у нас не пустой, есть паста с курицей и цуккини, все для салата и множество нарезок. А на верхней полке лежит стейк, который заранее не приготовишь. Так что я сейчас не понимаю твоих претензий. Давай, дорогой, заново и по одной.

Он не находит что сказать и просто уходит в другую комнату, хлопая дверью. Я злюсь, я страшно, ужасно злюсь, потому что это довольно привычное дело. Лёша старше меня, хоть и совсем немного, но почему-то пытается учить уму-разуму.

Если какая-то вещь лежит не на своем месте, это неизбежно приводит к стычке. «Свое место» он определяет сам.

Я довольно рассеянна, так что часто оставляю вещи на видном месте, чтобы не забыть их утром. Для меня чистый стол — это чистый стол. А для него он чистый только когда совсем пустой. Идеальная поверхность, без препятствий на ней. Раньше я думала, что это просто быт, мы притремся, и всё будет хорошо. Я, правда, старалась. Но сейчас понимаю, что стараться в одиночку бессмысленно. Это вообще не старание, а прогиб. В конце концов, он остынет и признает, что был не прав. Это просто перегруз и усталость. По крайней мере так говорит во мне разум. А темперамент хочет его отшлепать, как минимум.

Хорошее настроение испаряется, остается только горький привкус на языке. Алиса. Ты умная женщина, взрослая, состоявшаяся, ну ладно тебе дуться! Он просто устал и вот так вышло. Ну с кем не бывает.

Ох, все-таки очень хочется пойти поскандальить, рассказать ему, как он неправ, какой он тиран и деспот, и как меня это раздражает. Я взрослая девочка, незачем учить меня жизни! А, к черту! Вот пойду и скажу.

Но Лёша опережает меня. Он выходит из комнаты и с решительным видом протягивает мне чемодан. Смотрю на него вопросительно.

— Я устал от наших размолвок, что-то не складывается. Думаю, будет лучше, если ты

поживешь в другом месте. Вот, сюда можешь сложить свои вещи. А я пойду, проветрюсь, пока ты собираешься.

И оставляет меня наедине с чемоданом. Ну и с собственной отвисшей челюстью.

Вот же ты свинья токсичная, Лёша... Права была Анька. И в названии, и в характеристике, и вообще во всем права. Надо мне уходить, но куда? Неделю назад я взяла в ипотеку квартиру моей мечты. Она просторная, с хорошим расположением, а из окна видно закат. Ну, то есть, будет видно. Там пока есть только фундамент, я вложила в нее все свои сбережения, всю последнюю зарплату и вообще сейчас на мели. По сути, у меня денег на неделю довольно экономной жизни, с трудом до зарплаты. Уж точно не время снимать квартиру...

Как же я зла, такое чувство, что злость течет по венам, и ей же я дышу. Гад какой. Я-то думала, Фёдоров гад, а тут мужчина, с которым я прожила три года, думая, что мы вот-вот поженимся, детей заведем и всё такое, значительно больший гад. Когда я разучилась разбираться в людях?

Телефон пищит. Ну вот, вспомнила Федорова и он явился, не живьем как в смс.

«Привет. Давай завтра встретимся в Жан-жаке? А нам точно нужен кузнец? Очень хочу поговорить с тобой лично».

Отлично, он назвал Аню кузнецом. Улыбаюсь. Злость немного сбавляет обороты, и я даже могу дышать чуть реже, немного расслабляюсь. Печатаю в ответ:

«Фёдоров, Анна не кузнец, она аналитик. А я интеллектуал. Мы ходим парой, смирись!».

Почему-то это вызывает улыбку. И проблемы ненадолго уходят на задний план. Кузнец, надо же. В планах пойти с ним на свидание только в паре с Аней. О боже, я назвала это свиданием! Нет, нет, точно нет. Это большая, большая оговорка. Ошибка. Ну, так ведь иногда бывает, да? И тут телефон опять пищит:

«Боюсь представить, что за внедренец. А на интеллектуала ты похожа. У этого слова есть модный феминитив или можно оставить красивое звучание в мужском роде?».

Хм. Ладно, он ведь не слышал, как я назвала нашу встречу, так что можно спокойно об этом забыть.

«Я сама вполне себе феминистка. Не боишься угодить под мой каблук? Но феминитив тут не нужен, мне нравится слово интеллектуал таким, каким оно есть.»

Так. Нужно собрать вещи. Я тут вроде съезжаю. И позвонить Ане. Или написать. Хотя, она никуда не собиралась, так что можно набрать ее из такси.

«А мне нравишься ты, такой, какая ты есть»

Боже, ну зачем он это делает? Это просто какой-то сахарный сироп, смешанный с воспоминаниями и ностальгией. Смешать, не взбалтывать. Ну и глоток свежего воздуха тоже. Сердце опять бьется о подошву кроссовок, румянец покрывает щёки. Что-то есть в этом растерянном состоянии, однозначно. Но мне нельзя. Нельзя.

И я продолжаю собирать чемодан, думая, что ответить ему, чтобы он понял, что писать больше не нужно.

«Дим, я думаю нам не нужно общаться. Бизнес есть бизнес, но личное общение я хочу прекратить. На этом всё.»

Он не отвечает. А у меня резко портится настроение и снижается работоспособность. Вернее, способность собирать чемодан.

— Ну, извини, я был не прав. Давай уже закончим эти рассуждения и пойдем спать. И розы заberi.

Лёша стоит в коридоре, рядом с моим собранным чемоданом. Он передумал, а я вот совсем нет. Я пытаюсь обойти его как-нибудь, чтобы сесть в такси и уехать к Ане.

Да где это видано, после трех лет отношений выгонять свою девушку на улицу? А ведь в его квартиру разве что официальное приглашение не было выдано. И я переехала сюда после его долгих, доооолгих упрасиваний и уговоров. Даже небольшого шантажа. Выдать мне чемодан, вечером, после возвращения с работы. Да еще и какой повод! Просто сюрреализм какой-то. Кривое зеркало.

— Я на тебя не просто обижена, я в ярости. И этот веник в твоих руках ничего не исправит. И твое «ну, извини» тоже. Ты уже несколько месяц пропадаешь на работе, я тебя почти не вижу, а когда это происходит, мы ссоримся. Вот до выселения уже дошли. Мне не нужны такие отношения.

— И куда ты пойдешь? В ипотеку свою, ночевать на голом бетоне? Хотя нет, твой этаж еще не возвели.

Моя челюсть, и без того отвисшая, теперь грозитя пробить пол. Ну, надо же, какой интересный человек у меня под боком был целых три года. И сарказм тут, и злорадство, и обесценивание. Ну, куда ни плюнь, вылитый рыцарь.

— Да ты хам, Лёш. Тебя не должно волновать, куда я пойду. Тебя, собственно, час назад это и не волновало. У меня друзей достаточно.

Я прокручиваю в голове, к кому бы могла пойти, кроме Аньки, но итог неутешителен. Знакомых у меня — горы, а вот близких друзей, к которым бы я завалилась ночевать — только она одна.

Лёша тем временем стоит посреди квартиры с выражением вселенской грусти на лице. Такой весь уставший от жизни.

— Ну, заканчивай уже, детка. Поздно, я устал, ты устала. Ну, прости, что психанул, очень сложное время сейчас, работы по горло, одни проблемы. Ты слишком близко к сердцу всё воспринимаешь. Я же вернулся, цветы принес. Не нравятся?

Он искренне недоумевает, почему его привычным способом ничего не решается. Обычно комбо «извини» плюс цветы дает хороший результат. Но сейчас я слишком обижена.

— Лёш, я люблю цветы. Но они ничего не смогут исправить. Ты ведешь себя по-свински, я к такому не привыкла и никогда не привыкну. Нам лучше сделать паузу.

Он подходит ко мне, садится передо мной на колени и берет за руки. Со стороны выглядит как сцена из мелодрамы, и я немного смягчаюсь. Что-то щемит в груди. Лёша не умеет извиняться, но это не значит, что не пытается. И это, наверное, делает ему честь.

— Я извинился уже раз сто. Неужели тебе мало? Дай мне немного времени, не уходи. Я уверен, всё исправится. Я тебя люблю, детка. Давай попробуем еще раз?

Я выдыхаю и сдуваюсь. Прямо возле Лёши и своего собранного чемодана, я теряю боевой настрой и просто хочу, чтобы жизнь вернулась в привычную колею. В конце концов, я не планировала расставаться с Лёшей. Я планировала выйти замуж и родить детей.

— Ладно. Но медленно и с самого начала.

Я плетусь в спальню. За мной идет Лёша и катит тот самый чемодан.

Я сижу в кресле, в своем кабинете и перебираю бумажки, чтобы занять руки. Рядом сидит Аня с чашкой кофе и выразительно на меня смотрит. Мы только что обсудили вчерашний вечер, и она сетует, что я до нее не доехала. Говорит, давно пора проучить одну токсичную свинью. А я не знаю, что делать. Перемены это всегда очень сложно. Под кожей зудит, живот скручивает чем-то вроде предвкушения. Раньше мне нравилось это ощущение, но сейчас оно совсем не радует.

Сообщение пиликает.

«Ты сегодня очень красивая».

Мы виделись на совещании, и он был предельно корректен, всё только по делу, никаких шуточек и сарказма. Я уж было решила, что все стабилизировалось, но, видимо, поспешила с выводами.

Сердце бьется быстрее. Почему-то не могу оставаться равнодушной к тому, что он мне пишет, хотя это просто сообщение. Ну, сотри его и не отвечай больше. Сделай вид, что не было никакого сообщения.

Но руки сами набирают ответ:

«Легкие пути не для тебя?»

Аня наблюдает за мной с приподнятой бровью.

— Герой-любовник не сдает позиций?

Я давлюсь воздухом. Мне не нравится слово «любовник», да и слово «герой» тоже ему не очень подходит.

— Виртуальный поклонник, скорее. Почему любовник-то?

— Да просто к слову пришлось. Перестань думать о мужиках и сосредоточься на важных вещах. У тебя зубной сегодня.

О, как я боюсь зубных! Прямо до обморока. Я из тех людей, которые трясутся у кабинета с видом сумасшедших и все время пытаются сбежать. Поэтому Лёша всегда доводит меня до зубного и доводит прямо до нужной двери. Но что-то уже десять минут он не берет трубку.

— Ань, а у тебя не получится поехать со мной, если я до Лёши не дозвонюсь, а? Прости. Я большая девочка, но так боюсь. Вот на тарзанке через пропасть не боюсь, с аквалангом не боюсь, а тут ступор и чистый ужас. Прямо какая-то ахиллесова пята.

— Вообще у меня сегодня все грустно с расписанием, я через пятнадцать минут еду мелкого забирать, потому что больше никто не может. Сейчас Жене позвоню, может, получится переиграть.

Но ничего не выходит, все заняты, няню искать поздно. Я заверяю Аню, что все обойдется и я найду себе компанию на неприятную поездку. Ну, в конце концов, можно попробовать побороть свой страх, но он очень, очень давний. Я и так хожу только к одному врачу, который носитя со мной, как с хрустальной вазой, но страха моего это не убавляет.

Я судорожно набираю Лёшу, но длинные гудки никак не заканчиваются, а потом его телефон уходит в оффлайн. Ну, чудесно.

И тут, неожиданно даже для самой себя, я открываю совсем другой контакт.

«Отвезешь меня к зубному через полчаса?»

Экран телефона загорается ответным сообщением спустя полминуты:

«Буду ждать тебя у входа».

Когда я спускаюсь на улицу через двадцать пять минут, входа меня, в самом деле, ждет Фёдоров.

У него оказывается пижонская машина, черный Porsche Panamer, с золотыми дисками. Да уж, видимо его мечты сбываются, а бизнес идет хорошо. Вспоминаю свою ипотеку и слегка хмурюсь. Большой босс, ага, а на карте денег кот наплакал, даже квартиру не снять.

По дороге Фёдоров развлекает меня разговорами. Вернее, пытается. Я сижу бледная и зажатая, в ожидании мучений, так что не особенно разговорчива. Но как только мы подъезжаем к зданию клиники, я в ужасе замечаю знакомую фигуру.

Мой стоматолог ждет меня прямо у клиники. Наверное, Аня ему позвонила, чтобы он встретил и довел меня до места, где я расплачиваюсь за грехи юности раз в квартал. Не так давно мне сняли брекететы, теперь дело за мелкими недочетами. Да, многие говорили, что у меня ровные зубы и незачем их править, но у меня были свои мысли на этот счет. Осталось совсем немного и улыбка мечты будет у меня в кармане. Вместо большой пачки денег и километров нервов.

Сергей Шамилевич — мужчина без возраста, очень трепетный и аккуратный стоматолог. Я ему доверяю, он со мной уже несколько лет, но иррациональный страх не проходит. И вот сейчас он за руку, как маленькую девочку, поведет меня в свой кабинет.

Фёдоров улыбается и кивает мне на прощание. Окей, сейчас я соберу все свои силы и не впаду в истерику.

Я выхожу из стоматологической клиники спустя час, вполне адекватная и даже в приличном настроении. У меня еще не отошел наркоз, так что губа двигается плохо. Большим сюрпризом становится знакомая машина на парковке. Он меня дождался. Неожиданно.

Фёдоров выходит, чтобы открыть мне дверь. Сама галантность, надо же. Мне всегда казалось, что для него это слово неприменимо, но, видимо, люди меняются. Я ищу в нем того самого парня, каким он был десять лет назад. И сюрпризом становится то, что в нем очень много осталось неизменным, но столь же многое стало совсем другим. Я узнаю его и не узнаю.

Тяжело опускаюсь на сидение и тяну на себя ремень безопасности ровно в тот момент, когда он решает мне с этим помочь. Мы неуклюже сталкиваемся лбами, и я страшно смущаюсь, как самая настоящая школьница. Немая губа, шишка на лбу... Но, в мое оправдание, смущаемся мы оба. Фёдоров даже розовеет немного, впервые такое вижу.

— Куда тебя отвезти? Только не говори, что на работу, тебе бы домой, отлежаться или выспаться. Я видел, как тебе сложно дался этот поход к врачу. Есть какая-то особая причина?

Он выглядит заинтересованным, заботливым и взволнованным одновременно. Это приятно, но своими скелетами в шкафу я делиться не готова. О чем и говорю медленно, с трудом.

— Давай не сейчас. Это долгая история, у меня не то настроение и рот не в самом разговорчивом состоянии, — указываю пальцем на онемевший угол губ. — Может, когда-нибудь потом.

— Это меня очень устраивает. У нас, наконец, появилось «потом».

Он улыбается, я тоже, как могу. Наверное, очень криво, но прямо сейчас это не важно. Да, у нас появилось «потом», некоторое отложенное будущее. Какое-то подобие приятельства. С этим вполне можно жить. Я обдумываю, а не попробовать ли мне звать его по имени, но ни к чему не прихожу.

Дальнейшая дорога проходит в уютном молчании.

Лёша является домой к вечеру, опять раздраженный и хмурый. Я не пытаюсь спросить его, что произошло, но он сам рассказывает, какой сложный был день, как партнеры прогибают его с контрактами, как строители не умеют строить, а бухгалтеры — считать.

— Да я на объекте был, орал там как потерпевший, всё не так, плевать они хотели на план, на сроки. И тут мне названиваешь. Я итоге телефон упал с третьего этажа и умер. Вот новый купил, но еще не разобрался с ним. А у тебя как дела? — и Лёша погружается в новый аппарат.

— У меня был зубной. Ты обещал повезти меня, но не приехал.

— Забыл совсем с этой свистопляской. Ну ты же нашла с кем съездить? — пожимает плечами он.

Ну да, нашла. Но тебе не понравится, кто сработал заменой.

Неделю у меня все стабильно. Целую неделю, подумать только! Все ведут себя понятно и предсказуемо, никаких сюрпризов и вольностей. Как я люблю эту жизнь.

Сегодня вечером большая вечеринка в честь открытия нового филиала, туда позвали всех партнеров и крупных клиентов. Я купила потрясающее платье еще месяц назад, так что теперь не мучаюсь выбором, как Анька.

— Господи, это самый настоящий кошмар. Ну как можно выбрать? Три платья, в каждом какая-то засада. В этом у меня жирные ляжки, тут декольте до пупа, а в этом я вся становлюсь одноцветной. Смотри, от носочка до макушки один красный цвет.

Аня стоит перед зеркалом в моей спальне и заламывает руки, а я выгибаю бровь. Угу, передо мной женщина, которую и словом женщина-то не называют, только девушка, да в основном в паре с каким-нибудь чудесным эпитетом. Девушка, к слову, с идеальной, на мой взгляд, фигурой и рыжими волосами.

— Эй, подруга, ты издеваешься? Где там жирные ляжки, можно мне такие же? Вот уж кто-то нарывается на комплименты и получит их. Прямо по попе и получит.

Аня смеется так заразительно, что я и сама еле сдерживаю улыбку. В итоге решаем, что зеленое платье с декольте — лучший вариант, если под него надеть чуть более закрытие боди. Тогда и волки сыты, и овцы целы, и муж Женя спокоен. Моё платье — черное, все переливается, где-то просвечивает, но, самое главное, у него есть *карманы*. Обожаю карманы.

Мы едем на одном такси, чтобы не скучно было провести целый час в пути. Раньше мы ездили вместе, чтобы сэкономить деньги, потом перешли на индивидуальное такси, чтобы не подстраиваться друг под друга, а теперь вот вернулись к истокам. Встречаемся у меня утром, перекапываем гардероб, готовимся, а потом радостно едем на место.

Лёша должен подъехать через час, а Анькин муж уже ждет нас на месте. Он иногда еще недоумевает, почему его жена вдруг уезжает собираться к подруге, но, по-моему, уже смирился. В конце концов, хаос происходит не у него дома, мы приезжаем красивые, расслабленные и довольные. И главное — не дергаем его *целый день*. Однозначно, это win-win.

В зале всё сверкает и переливается настолько, что любое строгое и сдержанное платье тут же превращает его обладательницу в бедную сиротку. Я бывала тут раньше, так что успела оценить эффект помпезной, тяжелой красоты. И платье мое так переливается только по этой причине.

Обычно я предпочитаю совсем другие вещи. Оказаться тут в платье принцессы — не моя мечта, но довольно интересная роль на один вечер.

В толпе замечаю Фёдорова и сбиваюсь с шага. Аня смотрит на меня вопросительно, пока я пытаюсь справиться с неприятными ощущениями. Он очень хорош в своем черном костюме. Он красив, высок, но есть одна вопиюще неправильная деталь: на его руке

буквально висит сочная девица в розовом платье.

Глава 10

— Смотри-ка, а герой-любовник притащил какую-то девицу. Пойдем, поздороваемся! — не успеваю я среагировать на предложение, больше похожее на приказ, как Аня бодро тащит меня к Фёдорову и его пассии. Ну, отлично, теперь мне еще и лицо держать.

Хотя, с чего, вдруг, мне должно быть дело до его девушки? Просто неприлично так цепляться за локоть мужчины, вот и всё.

— Дмитрий, день добрый! Отличный вечер, не правда ли? — Аня улыбается во все свои тридцать два зуба и эта улыбка совсем не походит на оскал, которым их награждаю я. Да, тридцать три вида улыбок — это обо мне. Секунда на разгон от вежливой холодной улыбки, через искреннюю и милую, до хищного акульего оскала.

Наши новоиспечённые собеседники синхронно поворачиваются. Фёдоров тоже расплывается в улыбке. Они с Аней хорошо поладили, весь наш совместный ужин подтрунивали друг над другом, обсуждали дела, свежие новости и то общее, что у них оказалось — меня. Это был странный вечер, одним словом, а потом мне было сказано — «хороший мужик, была бы ты свободна — я бы за него болела». Ну, судя по всему, в итоге Аня за него и так болеет, и это я еще не рассказала ей о Лёшиной выходке.

— Добрый день, дамы! Вы прекрасно выглядите. Позвольте представить мою спутницу. Это Алина, моя сестра. Алиса, вы раньше были знакомы.

Я банально теряю дар речи. Вот эта красивая взрослая девушка его сестра? Я ее знаю, это правда, но я помню ее совсем малышкой. Она училась в младших классах десять лет назад, носила два хвостика, а портфель был большее раза в два! А теперь поглядите, я приняла ее за новую пассию моего бывшего.

— Алина, как приятно тебя увидеть! Я помнила тебя совсем еще ребенком. Ты просто потрясающе выглядишь! И, кстати, отлично платье.

Оказывается, что она помнит меня. Мы обсуждаем ее чудесное платье, поступление в университет и немного подтруниваем нам ее братом. Но через некоторое время мое чудесное настроение начинает портиться. Леша должен бы уже приехать, но его все еще нет, а телефон молчит.

— Мне кажется, Лёша опять решил меня подвести, — негромко говорю Ане. — Это уже входит в привычку. Очень и очень неприятную привычку.

— А ты забудь, что он должен был приехать. Давай просто развлекаться, насколько это вообще возможно на таком мероприятии. Вон, твой герой-любовник несет напитки. В таком контексте вечер становится очень неплохим!

И вечер, в самом деле, получается хорошим. Мы разговариваем, шутим обо всем на свете, слушаем речь президента компании и даже смотрим файер-шоу.

— Тебе очень идет это платье, главное не подходи к артистам слишком близко, я не переживу порчу эдакой красоты.

— Переживешь. Тут вообще не так уж хорошо видно, я как раз планировала подобраться поближе

— Тогда я иду с тобой. Буду спасать тебя от огня ценой своей жизни и твоего платья. Чтобы в последний миг посмотреть на тебя в неглиже!

Как только перестала бурно реагировать на такие шуточки, наше общение стало

значительно более комфортным. Мы все-таки не чужие люди. Мы — бывшие. Со своей историей, своей болью и своей радостью. Скорее всего, я не смогу простить ему измену. Но мне и не нужно этого делать, чтобы просто иногда расслабиться и плыть по течению. Мы можем просто общаться, раз это приятно и приемлемо для нас обоих. Ведь так?

— Не мечтай увидеть меня в неглиже. Фу, Фёдоров, это же удел подростков.

— Ну, извините, Ваше Высочество! Любви все возрасты покорны.

Он улыбается опять, видимо эта детская игра слов показалась ему удачной. А я опять впадаю в ступор, потому что не знаю, что и думать. Что я говорила про приятие его шуточек? Забудьте! Он опять вышиб меня из зоны комфорта, и я превратилась в колючего ежика. Мне очень трудно опять поднимать эту тему, даже намек на нее сбивает, заставляет судорожно искать хороший ответ и впадать в панику. Это я, считающая себя взрослой женщиной, да. Опять провалилась в выпускной класс. Понять бы еще, зачем он так шутит, понимает ли, что это мое слабое место?

Нет, однозначно нужно это выяснить.

— Ты специально так шутишь?

— Конечно. Когда я говорю что-то, что напоминает тебе о нас в школьные годы, ты очень забавно реагируешь. Как будто у тебя остались ко мне чувства. Как думаешь, есть такой шанс?

— Конечно, Фёдоров! У меня остались к тебе чувства — это раздражение и желание дать тебе подзатыльник! А еще одному чувству я даже названия не знаю, но оно тоже подбивает меня делать всякие гадости. Так что не нарывайся.

У него такой красивый смех, кто бы знал. Низкий, с хрипотцой, хочется и самой улыбнуться, но нельзя. Он ведет себя нечестно, не просто двигает мои границы, не пытается их разрушить, а вообще их не видит. Возмутительно.

Телефон вибрирует в сумочке, оповещая о новом сообщении. Надеюсь, это Лёша пишет, что уже приехал. Опоздать на два с половиной часа — это сильно.

«Не получается приехать, развлекись там хорошенько».

Раздраженно блокирую телефон, а потом решаю его вообще выключить. Ну, Лёша, ну, молодец. Развлекись, говоришь?

— Фёдоров, ты на машине?

Он стоит в двух шагах и явно не понимает, к чему я веду. Логично, ведь еще пару минут назад я рассказывала, как он меня раздражает.

— Да, планирую вернуться домой на ней. За Алиной заехала мама, они решили совместить приятное с полезным и заказали фотосессию, так что я совершенно свободен.

— Отлично. Поехали смотреть вечерний город!

Я возвращаюсь домой далеко за полночь, расслабленная и довольная. Если честно, очень, очень далеко за полночь, уже и рассвет занимается.

Мы с Фёдоровым объехали весь город, ели потрясающую пиццу, примостив ее прямо на капот его пафосной машины, заезжали в один мой любимый ресторан, чтобы взять десерт с собой, искали самую красивую клубнику, а потом фотографировали меня на смотровой площадке. В итоге, домой я зашла в потрясающем настроении.

Лёша вышел ко мне еще более злым, чем я когда-либо его видела. И вот опять сцена на пороге, с выяснением отношений и повышенным тоном.

Лёша не хочет ничего слушать, он думал, что я вернусь часов в десять, как если бы мы пошли на мероприятие вместе. Ведь он всегда начинал тащить меня домой сразу, как только это становилось более или менее приличным, то есть через час или два. Получалось, что на подготовку я всегда тратила в несколько раз больше времени, чем на пребывание на самом событии.

Но на этот раз я решила повеселиться, как он и предложил. Только вот телефон выключила, а включить просто забыла. Слишком весело было, слишком хорошо. Такой запоминающийся и насыщенный был вечер.

Увы, разговор не задался, Лёша успел обвинить меня во всех возможных и невозможных грехах, сказал, что мне только и нужно — отделаться от него, чтобы гулять и... ну, в общем, повторять подвиги Маты Хари. Не знаю, правда, только ли шпионство он имел в виду, но опустим этот момент.

На самом остром моменте он внезапно разворачивается и уходит спать, хлопнув дверью. Наверное, с посылом «не ходи за мной», но я и так планирую лечь на диване, чтобы немного подумать.

В последнее время у нас не ладится. И дело тут не во мне и даже, наверное, не в нём. Для кого-то он будет совершенно идеальный мужчиной, просто не для меня. Слишком много непримиримых разногласий в последнее время, а люди, как известно, не особо-то меняются.

А утром мне привозят цветы. Потрясающий, огромный букет розовых пионов. Они как облачко, невесомые, кружевные, нежные и такие, такие особенные. Я провожу по лепесткам кончиками пальцев и чувствую трепет. Я точно знаю, от кого этот букет, потому что он неотрывно связан с моим детством, юностью и первой любовью.

Десять лет назад, узнав, какие цветы мои самые любимые, Фёдоров нашел единственные пионы в городе у одной бабушки, где-то на окраине. Близился мой день рождения, но для пионов было еще рано, взять их было вообще негде, даже самые дорогие цветочные салоны их не возили. И вот вдруг, они находятся.

Пионы росли у бабули в теплице, в маленьком дворике, и он несколько дней уговаривал ее срезать букет. Приходил каждое утро и каждый вечер, обещал помощь, деньги, что угодно. Рассказывал, что на день рождения хочет подарить своей девушке ее любимые цветы.

И вот она сжалилась, срезала пять распутившихся пионов, самых красивых, а за это взяла все деньги, что у него были. Ну, не так и много у него было денег, если честно, мы же были школьниками. Но добирался он на перекладных и пешком, несколько часов, а в полночь подарил мне букет.

Самый лучший букет в моей жизни.

И вот теперь я держу в руках огромный букет, значительно больше прежнего, но щемит в груди у меня не только от него, но и от воспоминаний о том дне. От чувства, что я особенная. Опять.

Я ставлю цветы в воду, расправляю каждый листочек и каждую ленту. В комнату входит заспанный Лёша, застывает, стискивает зубы на мгновение, а потом снова начинается скандал.

Мне кажется, от его крика дрожат стены. Его обвинения, кажется, ударяясь, отталкиваются от стен, так их много, такие они звонкие и обидные. Я никогда не видела его таким, никогда не слушала от него столько ужасных, болезненных слов. Он бьет ими наотмашь, а я почти чувствую это физически. В груди зарождается паника.

— Лёш, остановись. Я не делала ничего того, в чем ты меня обвиняешь. Но я думаю, что нам нужно сделать паузу. Это уже просто невозможно. У нас давно не ладится, но сейчас просто переходит все границы, мы же взрослые люди.

Он вдруг застывает, щурит глаза и кривит губы в злобной усмешке.

— Вот как ты заговорила. Знаешь что, Алиса? Ничего подобного. Тебе просто нужно слушать меня и делать так, как нужно. Как правильно. Как делают нормальные бабы. Готовить ужин, заботиться о доме, ждать своего мужчину домой, не спорить с ним и не лезть в мужские дела.

О, отлично, теперь я должна заткнуть свои чувства и обиды поглубже, сидеть дома и ждать, когда он решит приехать, глотать всего упреки, драить квартиру каждые пять минут и дышать через раз, вдруг ему что-то не понравится и, главное, помалкивать? Это рождает во мне небывалую злость. Просто ярость. Ага, уже! Я, было, открываю рот, чтобы возразить, но Лёша перебивает меня:

— Я ведь могу испортить твою карьеру. Что будет, если я напушу на твою драгоценную фирму проверку? — вкрадчиво спрашивает он, а у меня кожа покрывается мурашками. Он ведь *может* это сделать.

— Налоговые ой как любят проверки! Не зря мой отец там работает, не последний пост занимает. А мать моя знаешь, кем работает? — продолжает он. — Ну конечно, ты знаешь. Она верховный судья. И у нее столько нужных людей в должниках, что тебе и не снилось. Я по ветру вашу шарашкину контору пушу, если захочу. Судиться будут годами, утоплю их в исках, не выпугаются.

— Лёша, ты мне сейчас угрожаешь? — я пытаюсь держать себя в руках и не дать голосу дрогнуть. Но это, в самом деле, пугающе.

— Угрожаю? Ну что ты. Просто констатирую факт. Я очень люблю факты, против них не пойдешь. Их можно использовать, что бы подвести человека под статью. И хахаля твоего, который эти веники тебе присылает, я тоже под статью подведу, будь уверена. Не бывает человека без греха, а я его найду быстро, у мен на такое нюх, — Лёша в подтверждение слегка морщит нос и почему-то это совсем не выглядит комично, как раньше.

— И куда ты пойдешь, к кому прибежишь? — продолжает он, отчаянно жестикулируя. — Конечно, ко мне. Без работы, без денег, без крыши над головой. И я еще подумаю, пускать ли тебя домой, поняла? Так что мы не расстаемся. А теперь подумай хорошенько о последствиях и о своем поведении, *дорогая*.

Последнее слово он буквально выплевывает, потом резко разворачивается к столу, берет букет вместе с вазой, и с размаха швыряет о стену. Я только и успеваю, что взвизгнуть и прикрыть руками лицо.

Ваза разлетается на тысячу мелких кусочков, нежные пионы приземляются на пол, все изрезанные и помятые. Лёшка кивает каким-то своим мыслям и выходит из комнаты.

Спустя пять минут хлопает дверь квартиры, и я остаюсь одна, в полном шоке и ступоре, на кухне, усыпанной осколками стекла и моих надежд на счастливое будущее.

Может ли Лёша сделать то, о чем говорит? Конечно, может. На самом деле, у него очень непростая семья, богатая и страшно влиятельная. Семья, которая души не чает в единственном сыне. А бизнес его, фитнесы, это всё пошло от увлечения спортом и жажды показать всем, что способен и сам всего добиться. У него все получилось, надо отдать должное. Ну, вот сейчас сеть фитнес клубов откроет, и цель достигнута.

Но я никогда, никогда не слышала от него угроз. Да, мелкие обвинения. Да, он мог поворчать или придрататься к мелочам. Но чтобы так... Это меня очень пугает. Я тру виски руками, в попытке прийти в себя, но ничего так и не получается.

Букет валяется на полу, пионы вперемешку с осколками вазы. Я вдруг очень злюсь на Фёдорова. У меня ведь была такая спокойная, хорошая жизнь. Все шло по плану! И тут он явился, сказал пару своих этих многозначительных фразочек и вот к чему все привело.

И что в итоге я потеряю из-за него? Дайте подумать.

Мужчину, с которым уже три года, а вместе с ним и планы на свадьбу, детей и вот это вот всё.

Карьеру. Потому что этот самый потерянный мужчина может ее быстро разрушить.

Жилье. На съём денег нет, своя ипотечная квартира не достроилась. О, кстати, если потерять работу, не с чего будет платить ипотеку. Следовательно, и квартиру тоже можно потерять.

Чудесно, просто чудесно.

А что взамен? Возможно, Фёдоров. Если вдруг его намерения серьёзны. Но, с другой стороны, как доверять человеку, который уже раз меня предал? Я не могу, не могу. Да, я поступала глупо, когда давала ему надежду, когда гуляла с ним до утра, но у нас ведь ничего не было и не планировалось. Только дружеское общение.

Нужно дать нам с Лёшей еще один шанс и посмотреть, что будет.

Да, он повел себя ужасно. Да, в последнее время он все время меня подводил. Но, скорее всего, все, что он сказал, было на эмоциях. Сорвался. У него тяжелое время, еще и я прихожу на рассвете, а утром получаю цветы. Ну и терять все, что у меня есть — последнее дело. Вообще перемены — это очень сложно. Мы с ним вместе уже три года, это просто еще один кризис.

И хоть в эту минуту я сама себе кажусь трусливой тряпкой, я беру веник и начинаю убирать осколки.

..

Две недели мы с Лёшей живем, как будто, на стопе. Когда он вернулся, то сделал вид, что ничего не произошло. Примерно тоже самое сделала и я. Но отношения дали явную трещину. Мы стали вежливы, холодны, в квартире расходимся по разным углам, засыпаем, отвернувшись друг от друга.

Я больше не отвечаю на сообщения Фёдорова, заблокировала его номер и пытаюсь жить дальше. Не задерживаюсь, не хожу гулять с Аней. Лёша отвозит меня на работу, а потом забирает. Я ношу его любимые платья, готовлю на ужин его любимые блюда и натираю полы до блеска. И помалкиваю. В общем, делаю всё то, что так возмущало меня еще совсем недавно. А внутри всё, как будто, заледенело.

— Алиса, с тобой всё нормально? — спрашивает Аня, придвигая ко мне чашку кофе.

Она всё видит и всё знает. Ну, кроме шантажа. И ей совсем не нравится девушка, в которую я превратилась.

— Более чем. Сегодня готовлю лазанью и профитроли, — я выдаю подобие улыбки, но она выходит какой-то... надтреснутой. Всё это время я не чувствую себя счастливой. Я чувствую только холод, но очень надеюсь, что это пройдет. Я же взрослая девочка, да и человек ко всему привыкает. У нас ведь всё было хорошо. Если переждать, всё вернется, правда?

— Детка, перестань, пожалуйста. Ты похожа на Степфордских жен. Такой робот в платье, еще передник повязать и бантик на голову. Идеальное сходство. Что с тобой случилось? Почему герой-любовник больше не приходит к нам в офис?

При упоминании Фёдорова и эта хилая улыбка гаснет. Я заблокировала его, ничего не ответила про пионы, а когда мы встретились на работе, сказала, что не хочу его больше видеть, слышать, читать и встречать. На оставшуюся неделю поручила всё ассистенту и позорно сбежала прятаться в свой кабинет.

Так что, как только проект закончился, он перестал приезжать. Так нужно было.

— Проект закончился, что ему тут делать? — бубню себе под нос. Отпиваю кофе.

В самом деле, выгляжу как робот, чувствую себя как робот. Вернее, ничего не чувствую, как робот. Решаюсь.

— Я не знаю, что делать, Ань, — смотрю на нее снизу вверх и рассказываю, как всё было. О прогулке ночью, о цветах, о Лёшиных истериках и его угрозах. В деталях. О том, что боюсь себя, его, перемен. Всего боюсь.

Аня молчит некоторое время. Видно, что наш разговор ее шокировал, и она не может найти слов. Или просто просчитывает варианты. Наконец, ее взгляд становится осмысленным.

— Я бы на твоём месте собирала чемоданы. Он ведет себя как тиран, деспот и сумасшедший. Нормальный человек не станет угрожать любимой женщине, даже если она его обидела. А готовя ему пироги и вылизывая кухню, ты ничего не решишь. И ничего этим не исправишь.

Аня выглядит решительно, и я немного приободряюсь. Наверное, мне нужно было с кем-то поделиться этим. А с кем еще?

— Тут дело не в Фёдорове, и не в любом другом мужчине. Дело в тебе. Ты пытаешься сломать себя и подогнать под Лёшу, потому что думаешь, что обидела его. Но ты ему не изменяла. И ничем ему не обязана. Он всё это время хотел сделать из тебя другого человека: с другими привычками, другими взглядами, другим опытом. Но это не любовь. Любовь — это принимать человека таким, каким он есть. Я вот тебя люблю, и живчика, и Степфордскую жену, и Джульетту. Предлагаю собрать-таки чемоданы. Поживешь у нас пока. А с другими его угрозами по ходу дела разберемся. Ну, чего ты?

А я сижу и начинаю хлюпать носом. Эмоции, такие редкие в последнее время, меня просто затапливают. Выливаются слезами, шумным дыханием, бешеным стуком сердца. Эмоции — это хорошо. Это значит, что я жива и весь мир, вся жизнь еще впереди.

Мне двадцать восемь, а я рыдаю в своем кабинете. Дожили. Надо срочно взять себя в руки. И никакой лазаньи на ужин. Только чемодан. Только хардкор.

Я не разбираю чемодан. За последний месяц собирала его уже дважды. И пристанище у Ани — не мой финальный пункт. Я вообще пока не понимаю, куда пойду, что буду делать. Я очень боюсь, но всё же чувствую себя свободной. Как будто на мне были наручники или кандалы, и вот вдруг упали, раскрылись сами собой. Я лёгкая, как пёрышко.

Тем же днем я приехала домой, собрала те вещи, без которых не хотела уезжать и отправила к Ане, а сама уселась ждать Лёшу.

Не думала, что за три года жизни в этой квартире у меня соберется так мало вещей. Да, я часто отдавала ненужную одежду и обувь, но дело даже не в этом. Ни одной личной, особенной кружки. Ни одной рамки с фото. Всего пара книжек.

Это был наш дом. А сегодня я вдруг поняла, что дом всегда был Лёшиным, но, похоже, так и не стал моим.

Лёша пришел не очень поздно. Он не сразу заметил, что я собрала вещи, зато быстро возмутился отсутствию ужина. На то, что я съезжаю к Ане, он среагировал не сразу. Не поверил.

Я говорила, что больше так не могу, что ему нужна совсем другая женщина и, конечно, мне плохо и больно, что перемены — мой страшный кошмар. Но я не хочу больше думать, что вот на этом моя жизнь закончилась.

— Ты думаешь, без меня тебе будет лучше? Увидим. Не говори, что я тебя не предупреждал, — сказал он.

Он подумал обо мне самое плохое. Как и всегда. Я пыталась объяснить, но как говорить с человеком, который не хочет тебя слышать.

Я все еще невыносимо боялась, но больше не могла чего-то ждать.

И вот я сижу на диване, пью чай, пока Аня выскивает мне постельное белье, выдает полотенце и вообще создает правильную, уютную суету. Всё для меня, поразительно. *Не* я мечусь по квартире, чтобы угодить Лёше. Аня суетится, чтобы мне было комфортно. Я ловлю себя на мысли, что все три года не ощущала заботы.

Я чувствовала... принадлежность. Мои проблемы решались, если я просила об этом. Правда, только такие проблемы, которые можно было решить по-мужски.

Но я никогда не получала чашку чая, например, и поддержку, когда мне было плохо. Хлопок по плечу и «не парься», а чаще просто «что у нас на ужин?».

Я должна была заботиться, потому что я женщина, никак не наоборот.

— Ну как ты? Все нормально? Мне надо, чтобы ты чувствовала себя как дома. Тебе всего хватает? — Аня, наконец, плюхается на диван рядом со мной и выдыхает.

— Впервые за три года, когда я ушла из своего... жилища, я почему-то и правда чувствую себя *дома*. Спасибо. Как думаешь, это очень странно?

Аня улыбается в ответ. Почему-то у нее на всё есть ответ. На все есть какое-то решение. По крайней мере, на все, что связано со мной.

— Нет, вообще не странно. Дом там, где ты. Где тебе спокойно. И где о тебе позаботятся. Все совпало.

В самом деле. Пару месяцев назад я думала, что у меня идеальна жизнь. Отличная работа, идеальный мужчина, квартира как со страниц журнала. Забавно, сейчас я понимаю, что где-то внутри было пусто и холодно. И вот сейчас я начинаю отогреваться.

Неделю я живу у Ани, хотя уже получила деньги, чтобы снять квартиру. Аня пытается говорить, что я совсем не мешаю ее семейству. Верю, верю. И считаю, что пора и честь знать.

Но дело не только в этом. Мне отчаянно нужен кусочек этого мира, где я смогу побыть одна. Решить, как буду жить дальше. Понять, кем я стала, чего хочу. И хорошо ли мне с собой.

Я три года жила с мужчиной, к которому притерлась так, что, за мелким исключением, забыла, какой была, чего хотела, что любила. Пора знакомиться с собой заново.

Обещаю остаться, пока не найду то, что нужно. И остаюсь. Но варианты, как назло, или далеко, или с бабушкиным ремонтом, или стоят как вилла в Италии. Так что пока я продолжаю жить у Ани и ныть, что мне неудобно ее стеснять.

Однажды вечером я получаю сообщение с незнакомого номера. Двух секунд хватает понять, кто это, так что мой ответ не заставляет себя ждать.

«Федоров, блин! Я сказала, на этом всё. Ты обещал, что мы больше не увидимся, не услышимся, не прочитаемся и вообще все возможные «не» в этом мире. Что, черт возьми, тебе не понятно?»

Я печатаю сообщение, потом стираю и печатаю снова. Пальцы дрожат, ни то от злости, ни то от волнения, и очень хочется поднять голову к небу и покричать хоть немного. Выкричаться. Но вместо неба над головой потолок, а в соседней комнате спит приютившее меня семейство.

Чертов Фёдоров, 10 лет — никакого покоя. Только начнешь забывать — опять по кругу. И каждый раз сердце ноет, а рука тянется в пустоту в надежде сжать его руку, положить голову на плече, потому что он всегда пах счастьем, до которого не дотянуться.

Каждый раз я теряю себя и нахожу где-то в сопливых розовых облаках, рядом с ним, нашим теоретическим домом с заборчиком, голубыми занавесками и дюжиной лопухих детей, собак и черт его знает чего еще. Каждый раз рыдаю в подушку, потому что мы не закончили, почти и не начали, и эта незавершенность тянет где-то в животе, холодной волной пробирается от коленок куда-то под ребра. Раньше это казалось даже приятным. Предчувствие, предвкушение, как будто знаешь — что-то вот-вот случится, что-то очень важное, даже волоски на руках как будто электризуются и становятся дыбом.

Но потом ты познаешь другую сторону, когда от этого чувства не можешь уснуть. Когда ночью, смотря в потолок, не можешь закрыть глаза, ведь закрыв их, упадешь куда-то вниз, хотя куда еще ниже. Когда внутри головы одновременно вертолеты, его глаза и жестокие слова, которые значат только одно — не подходи ко мне больше.

Несколько лет Лёша защищал меня от этого. Отвлекал. Сбивал с толку. И вот его больше нет рядом. Что мне делать теперь?

Злость уходит, приходит бессилие, а с ним и бессонница. Я разучилась засыпать одна. Все ищу тепла рядом. Хоть оно, как выяснилось, совсем меня и не грело.

Я проваливаюсь на 10 лет назад. Я опять одинокая и несчастная школьница в тщетной попытке уснуть.

«Я так соскучился», пищит сообщение.

И теперь я не только страдающая школьница, я еще и желе.

Желе у меня в голове, тягучее, розовое и сладкое, топит в себе мысли и остатки здравого смысла. Желе — мои трясущиеся ноги, как после первой пробежки в парке, после которой

еще долго обещаешь себе завтра выйти еще раз, но нет.

Желе — мои пальцы, которые дрожат еще сильнее, больше не попадая по кнопкам. \

Желе — моя сила воли, которая тает и тает, как будто на солнце, от подсветки телефона. Предчувствие. Предвкушение. Холодная волна от мизинцев до кончиков ресниц. И что-то сжимает разом все внутренности судорогой, такой болезненной и такой сладкой.

«Я тоже скучала».

Черт.

Спокойствие, только спокойствие. Это просто Фёдоров. Просто Фёдоров, который встретился мне в торговом центре. Какого, кстати, черта он тут делает? Так, Алиса, держи себя в руках, естественно, не дергайся и спокойно иди дальше, проходи мимо. Может он еще меня не заметил и есть шанс...

— О, Алиса! Какая встреча!

Я застываю, напряженно приподняв плечи, даже на секунду зажмуриваюсь. Натягиваю улыбку и поворачиваюсь.

— Фёдоров, надо же. Как неожиданно.

Неловко прижимаю руки к груди. Пфф, в самом деле, какая внезапная встреча, какая неудобная. Особенно после того. Как я его заблокировала, потом получила сообщение, сказала, что скучаю и опять разблокировала. Непонятно как реагировать и как себя вести. Ненавижу такие ситуации. Но видеть его немножко рада. Самую капельку.

— А мы Алине платье выбирать приехали. Скоро ее лень рождения, а наша мать, как всегда, занята больше меня, — он театрально разводит руки и улыбается. Где-то там был сарказм, а значит, ничего за эти десять лет не изменилось и он всё так же заменяет сестре отца, мать, репетитора, психолога, охранника и, кажется, подружку. У них с матерью всегда были странные отношения. Вся такая одухотворенная, Анастасия Семеновна обращала внимание только на себя, пропадала в театрах, на выставках и семинарах, занималась благотворительностью, иногда проводила какие-то лекции о прекрасном. В это время Фёдоров решал проблемы младшей сестры.

Забрать у хулиганов ее портфель, поставить им пару синяков, чтоб больше так не делали. Сходить на родительское собрание. Заказать пиццу на ужин. Проверить уроки. Это все лежало именно на его плечах, так что мы часто гуляли не вдвоем, а с маленькой Алиной. И вот теперь он идет покупать с ней платье.

— Ты очень занята? Мне явно требуется помощь. Плохо разбираюсь в этих ваших женских штучках.

Я готовлюсь ответить, что страшно занята, но тут из-за угла практически вылетает Алина. И ее вид говорит о том, что я точно иду с ними, хочу того или нет.

..

— ...а потом он пришел домой весь пунцовый, недовольный, с упаковкой прокладок в руках. И весь вечер я слушала истерику о том, что даже для своей девушки никогда такого не делал, вся аптека смотрела только на него и вообще теперь нужно искать психолога, чтобы искоренить эту страшную моральную травму.

— А что понесло его в аптеку? Супермаркет — это всегда проще, там даже просить ничего не нужно, взял и пошёл на кассу, — я искренне веселюсь, слушая историю Алины. Не думала, что нынешних мужчин можно этим смутить, прокладки же круглосуточно крутятся в рекламе, разве что в кино в главных ролях не снимаются.

Мы сидим в ресторанном дворике, в ожидании, пока рыцарь дня принесет нам кофе и колу. Людей мало, так что мы сидим вдалеке от других людей и это почти уютно. Платье куплено, а к нему еще туфли и новые серьги, так что мы ждем, пока за Алиной придет мать, которая совершенно случайно оказалась в получасе езды и совсем свободна.

— Она кричала, что умирает, что если сейчас я ничего не сделаю, то она вообще

скончается в муках. Аптека была в двух минутах, супермаркет — в десяти. Ну, я и побежал, куда поближе. И вообще, нашли тему, — Фёдоров с подносом в руках хмурится и кривит уголок губ одновременно.

Ну не знаю, по-моему, это очень хорошая тема. Смешная, неловкая для него, что вполне уравнивает в неловкости меня.

Спустя двадцать минут Алина, увешанная пакетами, отчаливает, а я начинаю вызывать такси.

— Давай подвезу? Чтобы время не тратить.

— Ладно, — киваю чуть нервно. Ну не съест же он меня, в самом деле. Называю адрес, он кивает и открывает мне дверь.

..

— Это же не то место, куда я отвозил тебя в прошлый раз, — озадаченно говорит он, когда мы въезжаем во двор.

— Верно, не то. Мы с Лёшей расстались, и я теперь живу у Ани. Деталей не будет.

Я кожей чувствую, как накаляется обстановка. Думаю, лучше бы уже выйти из машины и сбежать в подъезд, но он опережает мои мысли.

— Это из-за меня?

Глубоко вдыхаю и выдыхаю. Плохая тема.

— Извини что вопросом на вопрос, но почему ты думаешь, что всё в этом мире происходит из-за тебя? У пар случаются проблемы. Кто-то их переживает, кто-то нет, — я пожимаю плечами, всем своим видом пытаюсь дать ему понять, что это нормально и продолжать разговор не нужно.

— А вашей проблемой стал я, — не спрашивает, а утверждает. Ну, с чего такая самоуверенность? Я ему только и написала, что тоже соскучилась, как будто это можно принимать за признание в любви! Злость накатывает волнами, и я судорожно сжимаю зубы.

— А нашей проблемой стало обесценивание, беспочвенная ревность и свинское отношение. Люди иногда вырастают друг из друга, а иногда начинают считать своих партнеров детьми, которым можно указывать, которых нужно учить, тыкать в ошибки или что-то, что они делают «не так».

— Ревность, говоришь? Ну вот, а говоришь что я тут не при делах, — он многозначительно поднимает брови, смотря на меня, поворачиваясь ко мне всем корпусом. Ну, насколько позволяет его водительское сидение.

— Боже, Фёдоров, ну серьезно. Ты только это услышал из всех причин? Он ревновал меня даже к табуретке, причем тут ты? — меня в самом деле раздражает его самоуверенность и вот эта нулевая посылаемость. Слышит только то, что хочет слышать. И настаивает на своем.

Но в следующем своем предположении он, нельзя не признать, оказывается прав:

— При том, что табуретка не сможет катать тебя по городу до рассвета, и на утро прислать цветы. А они были красивые, правда?

Самоуверенный индюк. Да сдались мне твои цветы! Мы все еще сидим в его машине. И мне бы уже идти, но что-то держит, а разговор тем временем сворачивает на всё более кривую дорожку.

— У вас было серьезно? — спрашивает Фёдоров. И я задумываюсь.

В целом, конечно серьезно. Мы вместе жили, ходили на всякие семейные торжества, выбирали подарки его и моим родственникам, говорили «мы». Обсуждали, что жениться пока не стоит, время неудачное, но оба не сомневались, что в будущем обменяемся кольцами. Я даже задумывалась о детях. Но, с другой стороны, мы не обзавелись общими друзьями, не купили кота, не нашли общих увлечений, как я вижу теперь.

— Да, было. Я думала, он мой будущий муж.

В этот момент мне становится грустно и холодно. Возможно, я уже не так грущу, но привычка — грозная сила. Я каждую ночь просыпаюсь и шарю позади себя рукой, что бы найти там Лёшу. И, конечно, не нахожу. Но, всё же, я знаю, что это не любовь. Уже нет.

— Десять лет назад я думал, что я — твой будущий муж, — произносит Фёдоров и это просто вопиющая наглость и неправда. Я держу себя в руках. Держу. Но раздражение всё равно сквозит в голосе.

— О, да брось. Ты никогда так серьезно ко мне не относился. И планов строить не умел.

— Ну откуда тебе знать, что было в моей голове и что в ней сейчас? — он как будто даже обижается. В целом, он прав. Да, я ничего не знаю о том, что у него в голове. И что там было в его восемнадцать — тем более. Но, бьюсь об заклад, там не было свадеб и розовых пони, как это было у меня. Хотя, даже тут, о своих мыслях, вру — *пони* были, свадеб не было.

— Хочешь сказать, ты думал предложить мне замужество в семнадцать? *Серьезно?*

— Почему нет? Я и сейчас готов тебе его предложить. Но ты же не согласишься, правда? — Фёдоров говорит это нарочито спокойно, просто как понятный факт, аксиому. Вообще без эмоций.

Зато меня просто взрывает в этот момент. Я перевожу на него пристальный взгляд, и он даже вздрагивает. Наверное, очень многое сейчас отражается в моих зрачках. Надеюсь, ему привиделось, как я в мыслях распиливаю его на сто тысяч частей.

— Как я могу серьезно думать о будущем с человеком, который уже изменил мне однажды. Твоя репутация говорит сама за себя — ты ловелас и бабник. Я только что из сложных отношений. Мне это зачем? Я семью хотела. Детей. Спорим, в реальности, что бы ты ни говорил, ты и не думал о таком никогда?

— Спорим, Алиса! Давай! Вообще-то я давно созрел для семьи, и детей люблю. Да, я грешен, да, у меня было много женщин. Что с того, если сейчас я у твоих ног и ни на кого больше смотреть не хочу?

Вот это да. У моих ног. Я так возмущена и так потеряна, что даже не пытаюсь перебить его. Мне нужно всё это переварить. *У моих ног. Ни на кого не хочу смотреть.* Что все это значит?

— Самое главное — ты изменила мне первой. А я не смог сделать того же.

Что? *Что?!* Мои глаза становятся похожи на блюдца. Что значит, я изменила ему? И что значит, он *не смог*? Я же сама видела их. Это отпечаталось на обратной стороне моих век на долгие годы!

Однако он продолжает говорить, опять и опять. Наверное, ему нужно выговориться и что-то рассказать мне, но я не подписывалась на это! Слишком высокая цена за поездку!

— Шолохова вешалась на меня и до наших отношений, и во время, за твоей спиной. Я не хотел говорить тебе, она же была твоей лучшей подругой, да и какой в этом был смысл? Я просто говорил ей, чтобы отстала. Что у нее нет шансов. И тут я узнаю, что ты мне изменяешь. Я видел вас с Плотниковым. Чертов слюнявый романтик, такой «я спою тебе серенаду под луной», да? Я разозлился. Пошел развеяться. Тут она, показывает ваши фото на телефоне, как вы обнимаетесь, как он целует тебя. Я думал, он таскается за тобой, а тебе все равно. Ты должна была быть на конкурсе, а в итоге... Это уже совсем не важно...

Он смотрит вперед, прямо перед собой. Плечи опустились. Он как будто сдувается, а вот я наоборот преисполняюсь воинственностью. Я хочу знать всё, в подробностях. Задать ему все вопросы, что мучали меня всё это время. Устроить допрос, чего бы мне это ни стоило. И рассказать, как он ошибается.

— Ты дурак? Я и была на конкурсе. С Плотниковым. Мы готовились несколько месяцев, потому я с ним часто виделась. И мы выиграли. Он меня поздравлял, потому обнял. Что ты видел на этом фото? Как ты мог видеть поцелуй, которого не было? Я тебе не изменяла! Я тебя любила.

— Там было фото со спины, мне показалось... — он, наконец, поворачивается ко мне, смотрит пристально, как будто что-то ищет в моем лице. Может быть, надежду? Но я не даю ему договорить.

— И что значит ты не смог? Я вас видела! — я перебиваю его. Скорее, Фёдоров. У меня слишком много вопросов. Слишком. Я не могу ждать.

— Она поцеловала меня, стала снимать рубашку. Я тебя не видел... Я был растерян, зол. А потом понял, что не могу. Это же Шолохова, твоя подруга. Что я был бы за человек? Я тебя любил.

Я на секунду застываю, замолкаю и просто впадаю в ступор. Он тоже. Мы сидим в тишине, даже не двигаясь. Боже, всё это большая, огромная ошибка.

— Ты даже не думал мне объяснить, — я говорю медленно и устало. Почему зачастую мужчины не умеют разговаривать? Открой он рот тогда, на следующий день, через неделю, мы могли бы всё обсудить. Я пыталась всё обсудить. Но он не дал и шанса.

— Я поверил, что ты мне изменила. Пытался тебя ненавидеть. И Плотников так тебя утешал...

— У нас ничего не было. И не могло быть. погоди, — тут я застываю еще раз, потому что понимание просто ослепляет, — Юля тебе показала фото?

— Да. И много. Говорила, что влюблена в меня и потому не хотела говорить, но...

Это поразительно. Продуманная акция одного единственного человека, которому я так доверяла. Шолохова...

— Ну, отлично. Мои поздравления, мы оба идиоты. Нас просто развела моя лучшая подруга. Супер. Фёдоров, ты не мог просто поговорить со мной? Язык бы отсох?

Он ничего не отвечает. Спустя десять лет всё то, что у нас произошло, вдруг оказалось двусторонней ложью. Каждый из нас думал, что другой ему изменил. Шолохова не получила его, но, по крайней мере, достигла состояния «так не доставайся же ты никому». Она не выиграла, но и не проиграла, получается.

Я очень, очень зла. Это меняет всё. И одновременно не меняет ничего.

Он не изменял мне. Но хотел. Превращал мою жизнь в ад пару месяцев до окончания

школы. Испортил выпускной. Подорвал мою веру в людей.

Но это все можно оправдать, если захотеть. Вспомнить, что ему тоже было больно. Просто отзеркалить всё то, что пережила я, на него. Вдруг он тоже не спал, не ел, страдал, как и я?

Да, все можно оправдать.

Но хочу ли я это сделать?

Я беру тайм аут. Такой большой, жирный перерыв, чтобы выдохнуть. В конце концов, в моей жизни достаточно проблем, чтобы не думать о мужчинах. Правда, сами мужчины, кажется, хотят, чтобы о них думали.

Дима присылает огромный букет цветов. Как бы намекнуть ему, что в данной ситуации ко мне лучше идти с припасами? Цветами сыт не будешь. С другой стороны, ходит, что внутренне я уже дала добро на цветы и подарки. Только вылезла из сложных отношений и даже не пытаюсь уделить время самой себе? Печально.

Принимаю решение больше не называть его по фамилии. Фёдоров — это конечно хорошо, но то, что мы прояснили некоторые вещи из общего прошлого, странно повлияло на меня. Я отпустила этот кусочек себя, и тут же потребность называть его по фамилии пропала. Странное чувство, будто выросла, наконец.

Лёша звонил спросить как дела. Может, хотел воссоединения, может, убедиться, что я одна. Начиналось все неплохо. Он спросил как дела, живу ли я у Ани, нужна ли помощь.

Я, если честно, не хотела расходиться врагами. Не из-за его высокопоставленных родителей, нет. Мы прожили вместе три года, я любила его, я *знала* его. И если что-то пошло не так, в этом наверняка была не только его вина, но и моя. Уж не знаю, насколько я тянула на идеальную женщину, но он на идеального мужчину вполне тянул. Сначала. Но нужен ли кому-то идеал? Думаю, нет. Нужен кто-то, кто подходит именно тебе. Человек, с которым легко и не нужно притворяться кем-то другим.

В итоге разговор закончился криками. Его разозлило, что я не планирую возвращаться, что вот так просто закончила отношения длинной в три года и забрала у него будущее. Он планировал со мной дом и множество детей. И собаку. И я виновата, что ничего этого не будет. А он-то думал, я нормальная, приличная женщина, а не вертихвостка какая-то. Жаль было его разочаровывать.

Когда он разошелся так, что слушать стало невозможно, я просто положила трубку. Но это его не остановило. Он прислал мне интересное сообщение.

«Ты еще пожалеешь».

А это еще что должно значить? Угрозы? Странно, сын судьи, а пишет угрозы в сообщениях. И чему его мать учила...

Решаю не брать все это в голову. В конце концов, укрепляюсь в свое решении расстаться. Это было правильно. Что бы у нас было еще через три года? Похоже, ничего хорошего.

— Что, прямо так и написал? — Аня удивленно поднимает брови. У нее очень выразительная мимика, как и у меня. Лёша пару раз просил меня «не обезьянничать», это было очень обидно.

— Да, даже сообщение в итоге не удалил, — демонстрирую свой телефон подруге.

Удивительно, я знала этого человека пять лет, встречалась с ним — три. Он всегда казался таким добрым, щедрым, открытым. И тут такие открытия.

— Он реально может что-то сделать? — спрашивает Аня, попутно заваривая нам чай. Кофе уже не лезет, да и пульс от него учащается. Помню, была на нервах и выпила несколько чашек, потом бегала и тряслась, спать не могла всю ночь. Ну ладно, несколько чашек это восемь. Наверное, многовато. И на нервах была после расставания с Лёшей. Так что просто

учесть это на будущее. Собственно, уже учла, вот, чай пьем.

— Ты же знаешь кто его родители. Странно будет, если он и правда пойдет к ним. Но в таком состоянии... Он как будто в состоянии аффекта, злится, кричит. Ужасное зрелище. Ну, вернее. Сегодня я его не видела, только слышала, но и ушам моим это не понравилось. Но что я могу сделать? Не бежать же из страны теперь из-за проблемного бывшего?

— Не бежать. Но подстелить соломки, раз знаешь, что есть шанс упасть, — хитро тянет Аня. Прищуривается, как лиса.

— Что ты имеешь в виду? — отпиваю глоток чая и от неожиданности обжигаю язык, потому что именно в этот момент слышу ответ.

— Компромат, конечно, — Аня говорит спокойно, растягивает губы в улыбке, но выглядит в этот момент, как всемирное, глобальное зло. Как хорошо иметь такую подругу!

..

На работе всё тихо, хоть я и предвкушаю апокалипсис. Все выходные мы думали, чем бы затормозить Лёшу и, хотя идеи возникли, дело это сложное. Наверное, если бы он решил действовать, наверное, уже стал бы?

После нескольких встреч с клиентами, иду в большой конференц-зал, где уже начинается общее совещание. У нас привычка проводить эдакую планерку на неделю. Очень удобно, сразу обсуждаешь, что было и что планируется. Сажусь рядом с Аней, кладу записную книжку на стол, ставлю рядом чашку с кофе и настраиваюсь на брейнсторминг.

Внезапно в помещение забегают группа людей с закрытыми лицами и криками «все на пол». Тех из нас, кто в стрессе соображает медленнее других, на пол кладут сами захватчики. Кофе проливается на стол и ежедневник, а меня с размаху опускают на стол, ровно сверху.

У меня на работе маски-шоу, понимаю это не сразу, но раз людей фиксируют на месте и идут к компьютерам и документам, видимо, это такая проверка. Устрашающая.

Я лежу грудью на столе для переговоров, вверх пятой точкой, ноги на каблуках немного дрожат от непривычной нагрузки, а сердце выскакивает из груди и бьётся уже где-то в шее.

Унизительная поза. Ловлю мысль, что мне просто повезло выйти из дома в штанах.

Все остальные просто лежат на полу с заведенными вверх руками, а я вот так. Мои руки держит какой-то мужчина и всё это очень, очень страшно. Вокруг гробовая тишина, только гендир пытается что-то говорить. У него в крови умение вести переговоры, но как можно договориться с грубой силой? Через стекло вижу, как люди без опознавательных знаков уносят некоторые компьютеры и папки с документами, как бегают кругами главный бухгалтер, размахивая руками. Кроме меня, на нее никто не обращает внимания в суете, видимо, продуманной до движения.

Ну не мог же это всё организовать Лёша, правда?

И в насмешку моим мыслям, мужчина, фиксирующий мои руки, наклоняется ниже и тихо шипит мне в ухо:

— Привет от бывшего!

Когда Андрей Иосифович, президент нашей компании, вызывает меня на ковер, я понимаю, что дело плохо. Вызывает он не только меня, на совещании присутствует еще пара человек, но я знаю точно — по мою душу.

Что еще думать, если мне совершенно точно дали понять, что это дело рук Лёши. Наверняка, кто-то слышал и сказал боссу. Но, я и сама бы сказала, рано или поздно, такое не утаишь.

Вспоминаю вчерашние события, содрогаюсь. Спина покрывается липким потом. Не хотела бы пережить такое еще раз, этот страх и беспомощность.

Мы говорим о наших нарушениях, придумываем линию поведения, вводим в курс юристов. Да, в теории, все это могло бы случиться и без моего участия. То есть, это могли бы быть проделки конкурентов или просто рейд по крупным компаниям. И пути решения примерно одинаковы. Только вот судиться, откупаться или что угодно еще — не панацея. Это же Лёша. Он может хотеть, чтобы я уволилась. Или чтобы я боролась до конца, но не смогла выиграть.

Телефон пищит, вырывая меня из раздумий.

«Ты в порядке? Только что услышал о вчерашнем.»

Задумываюсь. На самом деле, я почти в норме. Вздрагиваю немного, когда слышу громкие звуки, но даже паранойи нет, что удивительно. Зато есть злость. Много, много злости. Примерно это и пишу. Приятно, что Дима поинтересовался.

Позже мы обсуждаем ситуацию с Аней, она настроена очень решительно, но не понимает причин всего этого действия.

— Ну, мы расстались не очень хорошо. Понятно, что он злится, — пожимаю плечами. Я уже не удивляюсь, вот совсем. Лёша в какой-то момент стал меняться и далеко не в лучшую сторону, но это уже что-то экстремальное.

— То есть, напускать на бывшую девушку маски-шоу это прямо нормально после окончания отношений? Чтоб жизнь медом не казалась. И еще потом разорить компанию. Что-то не сходится. Он ведет себя, как будто это вендетта. Обычно поводом для нее служит что-то серьезно. Измена, допустим. Но ведь измены не было. Не понимаю.

Аня ходит по комнате взад-вперед, как пума в клетке. Мозгует, примеряет варианты.

— Может он думает, что была? Я ему объяснила всё раз двадцать, но он же не слушает. Просто не слышит. Но, все равно, такого я не ожидала. Не знаю, что делать. Можно, конечно, просто ждать и смотреть, но однажды причина проверок станет явной. Да он сам запросто заявит к Иосифовичу и скажет, или увольняй чикулю, или прощайся с компанией. И что он выберет?

— Он называет девушек чикулями? Серьёзно? Фуууу, — она кривится. Да, мне тоже никогда не нравилось это слово. Оно какое-то... подростковое и довольно неуважительное. Но Лёшу никогда не интересовало, что я думаю по этому поводу.

— Есть еще вариант, что они замучают тебя допросами, — раздумывает вслух Аня. — Подкинут какую-нибудь бумажку, притянут это за уши, а там вытащат что-то нелicenseприятное. Или выдумают. Он знает, что ты работаешь тут с самого начала, сколько успела сделать, сколько всего знаешь. Для тебя это место — если не дом, то база. Вот и хочет напакостить.

Она права. Это моя база, моя тихая гавань, отдушина, за которую я еще и деньги получаю. Он хочет мучить меня, вынудить уйти, не оставив другого выхода.

Что ж.

Тогда нужно просто ускорить события.

— Ань, пошли, поговорим с Иосифовичем вместе. Я увольняюсь.

..

К концу дня я любовно оглядываю свой кабинет напоследок. Мне выдали зарплату за три месяца, посочувствовали и отпустили с миром. Выбора другого никто из нас не нашел. И вот я прощаюсь с родным креслом, ставлю в коробку свой комнатный цветок и гордо иду на выход.

Антуриум, такой красный и брутальный, цвел у меня с первого дня. Потом кто-то сказал мне, что без пары к нему, похожего белого, женского счастья мне не видать. Что ж, впору поверить в приметы...

С работы меня порывается забрать Дима, но я отказываюсь. Ехать мне все равно домой к Ане, а если за мной слежка, не стоит его впутывать.

Не знаю, с чего я вообще об этом подумала. Может и правда паранойя, но я чувствую настойчивый взгляд в спину, хоть никого в итоге и не замечаю.

Дома меня накрывает откат. Но, вот счастье, это не мой дом, а Анин, она рядом со мной. Так что следующие несколько часов мы обсуждаем всё на свете, смотрим старый популярный сериал и пытаемся вывести меня в позитив.

— Не понимаю, почему Наташа так долго не знала о романе Кэрри и Бига? Если мужчина пропадает по ночам, задерживается, весь такой «у меня работа, не трогай меня», то это пахнет неверностью, — хмыкает Аня.

— Наверное, она ему не изменяла, потому и не думает, что он может. Люди же всех меряют по себе, — я улыбаюсь о ответ и вдруг замираю.

Вот она мысль, которая не давала мне покоя. Вот она, ускользающая и гениальная до смешного. Он сам изменял мне! Сам изменял, потому и обо мне так начал думать. И скандалы начала закатывать потому, что стал с кем-то меня сравнивать. Конечно, в отелях, на съемных квартирах не будет пыли и случайных вещей на столе, ведь там не живут постоянно. Эти места не могут быть *домом*.

Я выкладываю свои мысли Ане, и она совершенно смотрит на меня в немом удивлении, разве что рот не открыв.

— Вот что сериалы животворящие делают. Потрясающе. Пошли искать швабру, с которой он тебе изменяет!

И мы, как заправские детективы, начинаем копать его соц. сети. Наконец, спустя час, мы находим девочку, у которой мелькает недавнее фото с Лёшей. Анфиса, девятнадцать лет, блондинка с длинными волосами, в короткой юбке под школьницу. Вот она показывает новые часы, вот сумочку известного бренда. «Любимый подарил». Вот ее фото в Лёшином фитнесе полтора года назад. Похоже, она была той самой приглашенной моделью, которая должна была заниматься весь день в открытой одежде, потом участвовать в небольшой рекламе. Мы обсуждали такие варианты продвижения, я помню. Вот ее фото из шикарного отеля, там Лёша проводил встречу с партнерами, даты совпадают. Чувствую себя юным Шерлоком.

И тут вспыхивает внезапная идея. Интересно, а пароль на виртуальном диске он поменял? Я суюсь туда без особой надежды, этот пароль был актуален два года назад, Лёша

дал мне его, когда был на рафтинге, а сбросить бизнес-план партнеру нужно было вотпрямщас. Не мог же он его не поменять?

Мог. В ответ система показывает десятки папок с разными названиями. А в папке «Детка» меня ожидает настоящий сюрприз.

Раньше я бы решила, что моя жизнь разрушена. Что она катится под откос, любимый человек изменил мне, спустя три года отношений и сердце мое разбито.

Но неееееет. Сейчас же мне хочется рвать и метать, потому что этот человек имел мне мозги так долго, так качественно, обижал сравнениями и подозрениями. И все почему? Потому что у самого рыльце было в пушку. Вот такой идеальный мужчина. *Женщинышх.* Будущий муж. Тьфу, спасибо не знаю кому, что не случилось.

Спутаться с малолеткой, начинающей моделью, блогером, блондинкой... что может быть банальнее? Но, главное, почему? Я всегда думала, что такое происходит, когда в паре всё плохо, жена ходит в халате и бигуди, у нее всегда болит голова, десять детей по лавкам и всё такое. Ну, нет времени, настроения, мало ли.

Но, если разбирать по кусочкам, выходит странная картина. Я работала, домохозяйка по вечерам и выходным, у меня никогда не болела голова, и детей мы завести не успели. Выглядела я всегда хорошо, халаты у меня были только шелковые и кружевные, да и те пылились на полке. Я не ханжа, не брюзга, красивая девушка, мозг не выносила, если он мне его не выносил.

Ну и где шаблонная логика? Вот, пожалуйста, завел себе любовницу, пока я еще и женой-то не стала. *Ух, как я зла.*

Но все это наводит меня на вполне полезные мысли. Вот тут и надо искать компромат. На этом диске.

Нелегальные сделки, взятки, налоги... Ну и фото этой Анфисы надо сохранить.

Все-таки, не я это начала, бодаться не хотела, но он первый начал. Будет мне на черный день шантаж на один раз.

..

— Думаешь, он успокоится, узнав, что ты уволилась? — спрашивает Аня. Выражение ее лица говорит о том, что она сильно в этом сомневается. Но мне очень хочется верить в лучшее.

— Я очень на это надеюсь. Ему наверняка пришло сообщение, что в его аккаунт вошли с другого устройства. Должен поостеречься.

— А мне кажется, он не подумает на тебя. Он вообще недооценивает женщин, судя по тому, что я о нем знаю.

— Может быть. Женщин он недооценивал, сколько я его знаю. Только сначала это было что-то вроде *«настоящий мужчина, который решает мои проблемы, наконец-то»*. А сейчас я понимаю, что он был уверен, что я сама их никогда не решу, а вляпала по глупости. Хотя, и по глупости бывало, да.

Я смеюсь и вспоминаю несколько особо глупых случаев, когда ему приходилось меня выручать. Но это были просто самые дурацкие в мире совпадения. Ну, правда. Такое нарочно и не придумаешь.

Был момент, когда я осталась на плоту, среди довольно большого озера, в одних трусах, потому что мою одежду смыло волной от проезжавшего катера. Плавать я не умела, солнце жгло нещадно, Лёша вернулся через час и плыл меня спасать. Обгорела я тогда знатно.

Или вот в горах. Когда я приняла большую хозяйскую собаку за волка и залезла на ёлку, а слезть не смогла. У страха глаза велики, а собака, правда, была похожа. Я таких больших

собак вообще никогда не видела. Был вечер, я вышла погулять у дома, снег, луна...

Ловлю себя на мысли, что рада, если от этих отношений остались хоть какие-то хорошие воспоминания.

..

Спустя пару дней я сижу в кафе и пью кофе со сливками, пока Дима, сидящий напротив, предлагает мне поработать в его компании.

Поразительно. Пару месяцев назад я бы и предположить не могла, что судьба подкинет мне такой шанс. Я была в отношениях, с любимой работой, жила в классной квартире и не собиралась менять в своей жизни ничего. Вообще ничего.

И вот я одинокая... Нет, *свободная*. И вот, я свободная, безработная девушка, живу у подруги, хоть и активно подбираю себе жилье, а моя первая любовь, Фёдоров, предлагает мне работу. Зарплата выше ожидаемого, ответственности даже меньше, чем прежде. Это очень, очень неожиданно.

— Дим, давай проясним. Я не встречаюсь с теми, с кем работаю. Просто чтобы ты понимал, — я улыбаюсь и приподнимаю бровь. Это может выглядеть флиртом, но, на самом деле, это чистая правда. Я не встречаюсь с клиентами, партнерами и коллегами. И до этого момента у меня даже мысли не возникало, не то, что соблазна. Но сейчас что-то неумовимо меняется.

— Дима? Не Фёдоров? Кто ты и что сделала с Алисой Брусникиной, которую я знал? — его глаза округляются от удивления и он, конечно, шутит, но как-то неуверенно. Вау! Надо записать в блокнотик эту дату. Я, наконец, удивила Фёдорова.

— Да, тебе невероятно повезло, что я оказалась свободна ровно в тот момент, как у тебя появилась нужная вакансия, да и зарплата на уровне. Но тебе это зачем? Хочешь мне помочь? — свожу брови. Мысль, что он занимается некоторой благотворительностью, мне не нравится. Я классный специалист, предложения были, но я всегда держалась своего места работы. Сжилась со своей компанией. Никуда не планировала уходить. Но, жизнь непредсказуемая штука.

— Ты просто классный специалист, — повторяет он мои мысли. — А мне повезло, что мы знакомы, я был рядом, что бы перехватить тебя в нужный момент. Схантить, как говорит мой hr-отдел. Они чуть не передрались из-за того, кто будет вести твою адаптацию, если ты согласишься. А ты согласишься, верно? Только не думай, что я прекращу за тобой ухаживать. У нас это не запрещено. Да и из любого правила всегда возможно исключение.

У него такой потрясающий голос. Только у него. Почему я не могу ни о чем больше думать, когда он *так* говорит? Взрослая женщина, надо же. Даже как-то стыдно. *Ухаживать*. Давно не слышала этого слова в таком значении.

— Не думай, что я стану помогать тебе в столь сложной задаче, как убеждение меня в том, что ты исключение из правил, окей?

— О, я даже не сомневаюсь, что это будет в стиле «Укрощения строптивой», — Дима улыбается еще шире, а я поражаюсь его самоуверенности. Наверное, у него есть какое-то тайное оружие. Пионы он уже использовал. Что еще? Я долго думаю над этим, никак не могу найти подходящий вариант. Когда звонит телефон, я на автомате беру трубку, не смотря на экран.

— Думаешь, раз ты уволилась, то всё закончилось? Ошибаешься, дорогая.

— Думаешь, ему пора предъявлять компромат? — я стою на Аниной кухне и варю кофе. У нее классная турецкая турка, такая маленькая и золотая, ровно на одну чашку, причем микроскопическую. И кофе турецкий, раньше такой не любила, а теперь вот распробовала. Аня вообще любит Турцию, даже турецкий язык учила, довольно успешно. А я знаю только, как сказать спасибо.

— У тебя будет только один шанс. Пока это пустые угрозы. Тем более, ну что он еще может сделать?

— Не знаю, — я ловлю момент, когда кофейная пена норовит вырваться из золотистой емкости и снимаю ее с огня, наливая кофе в чашку. — Я прохожу собеседование у Димы, но это скорее формальность. Скоро выйду к нему работать. Интересно, Лёша и там устроит маски-шоу?

Не смешно, на самом деле. Вопрос остается без ответа. Делаю первый глоток кофе, вдыхаю аромат, перекаत्याю горечь на языке. Мммм. Лучше начало дня. И середина дня. И конец, иногда.

Конечно, чудесный момент портит воспоминание о Лёше. Оно приносит какую-то неприятную незавершенность. Это как все время видеть пятно на стене и хотеть его закрасить, но не иметь краски. Или каждое утро замечать лишний волос под бровью, но не вовремя — нет времени или пинцета. Наверное, когда все закончится, я вздохну с облегчением. Закрашу пятно, выдерну волос и заживу нормальной жизнью.

Хотя, все это ужасно обидно. Хочется звонить ему и ныть в трубку «за что ты так со мной, я не заслужила». Но, конечно, я этого не делаю. Просто глотаю эту обиду и печаль, и иду дальше.

Сегодня последний день у Ани, завтра я съезжаю на съемную квартиру недалеко от новой работы. Микроскопическая студия, но зачем мне сейчас нечто большее? Когда Аня впервые ее увидела, то не смогла обойтись без комментариев.

— Не пойму, ты теперь будешь есть в спальне или спать на кухне? — посмеялась она. Я тоже посмеялась, почему нет. На самом деле это напоминает домик для Барби на минималках, только всё бело-серое, а не розовое. Спасибо, что ванная и туалет отдельно, а то видела я такие квартиры, с душевой кабиной прямо на кухне. И ничего, живут же люди. А тут отдельная ванная, нормальная кровать, да еще и хороший вид из окна. Зачет.

..

Новый офис даже красивее, чем я помню. У меня отдельный кабинет, маленький и уютный, потрясающий офисный стул собственного производства и хороший вид из окна. Да, не за видом мы приходим на работу, но это отличный бонус. Как и ваза с цветами, которую мне только что принес Дима.

— Решил оставить пионы для особых случаев, — он улыбается, пока я ищу идеальное место для ирисов. Отлично, Дима, молодец, не розы! С некоторых пор перестала их любить.

— Очень красивые, спасибо, — я улыбаюсь в ответ. — Надеюсь, это не подкат. Иначе придется отказаться, а мне они так понравились.

— Это приветствие в первый рабочий день, коллега. А чтобы совесть тебя не съела живьем, могу sluкавить, что они от отдела персонала.

— Не надо. Я их все равно оставлю. А ты соблюдай субординацию, — я сурово качаю

указательным пальцем, как воспитательница в детском саду. И улыбаюсь, да, потому что цветы уж очень подняли мне настроение, да и вообще, сегодня отличный день! Новая работа, впервые в моей жизни.

— Ты знаешь, где меня найти, если захочешь посильнее отругать, — Дима машет рукой и выходит, а я остаюсь. Самое время заняться делом.

..

— Эй, Ягода, нельзя столько работать. Давай подвезу тебя домой? — заглядывает Дима ко мне в конце рабочего дня. Ну, на самом деле, этот конец был часа два назад, но я немного увлеклась.

— Если ты не надумаешь себе лишнего, то не откажусь. Я переехала вчера, наконец. Надоело Аньку стеснять, хоть она и говорила, что я не мешаю. Но есть же вещи, которые лучше делать без гостей. Ой. В смысле...

— Да, да, есть такие вещи, — Дима перебивает меня и улыбается. Я смущаюсь.

Уже и забыла, когда так смущалась в последний раз. Это всё страшно некстати. И, главное, ничего особенного он не говорит, я сама несу какую-то чушь.

— Ну, ты понял, выйти из ванной в полотенце или выбежать на кухню воды попить...

— В неглиже? — он играет бровями, а меня всю заливает краской. Да что ж такое, я совсем не это имела в виду. Но это прямо та самая ситуация, когда, чем больше говоришь, в попытке исправить сказанное, тем хуже становится. Отлично, осталось ляпнуть про занятия любовью, и останется только мечтать провалиться сквозь землю.

— Фёдоров, не зарывайся. Ты же знаешь, что я имела в виду.

— Ты имела ввиду занятия любовью, но сказала другое, — невозмутимо отвечает он. Я чертыхаюсь про себя. Ну, надо же, каков наглец. Мысли читает, прямо дословно.

Ну а что, я девушка свободная, могу говорить что хочу, но... Нет. Мы так не договаривались. На работе я работаю, а не вот это вот всё.

— Всё, закрыли тему. И, если повезешь меня домой, то давай без вот этого. Иначе я лучше на такси, — предупреждаю его.

— Принято. Я буду паинькой, не переживай. Пять минут на сборы, буду ждать тебя внизу.

Он выходит. Я чувствую облегчение и быстро сбрасываю в сумку всякие мелочи со стола. Но не могу отделаться от мысли, что мне немного, самую капельку жаль, что он согласился быть этим самым паинькой.

— Кать, ты обещала статистику к концу дня. Готова? Отлично, пока кофе попью, спасибо, — я вешаю трубку и откидываюсь на стуле. Все-таки новая компания — новые подвиги. И это чудесно.

Я работаю в компании «Лес» всего две недели, но уже привыкла, в том числе к названию, над которым когда-то смеялась, настроилась, занимаюсь своим делом и собираю первые результаты. Каждые два дня цветы в красивой стеклянной вазе меняются. Дима таинственно улыбается, делая вид, что это не он, но я же знаю... В целом, меня всё устраивает. И то, что он ни разу не повторился, тоже делает ему честь. Были ирисы, ромашки, какие-то особенно мохнатые розовые хризантемы, кружевные кремовые гвоздики, охалка разноцветных тюльпанов, а вот сегодня на столе красуются маки. Маки! Где вообще такое берут и сколько это стоит? Нет, пожалуй, ограничусь первой частью вопроса. Если там есть подснежники, я просто снимаю перед ними несуществующую шляпу.

Катя, моя коллега из отдела аналитики, который состоит аж их двух человек, но все равно гордо называется отделом, приносит обещанный отчет. С первых строк вижу, что он хорош. То, что нужно. Катя остается, пока я листаю графики.

Я считаю себя динозавром потому, что люблю распечатанные отчеты. Не все, только крупные, итоговые, с самыми важными выжимками. Для меня это как читать книгу, такую шуршащую страницами, с неповторимым запахом. Кладешь ее на колени, листаешь и чувствуешь счастье.

Наверное, с отчетами когда-то что-то пошло не так, но я испытываю примерно те же чувства. Графики в экселе, они не живые. А на бумаге они приобретают форму, фактуру, по ним можно провести карандашом, оставить заметку от руки...

Ну, не суть. Я просто смирилась со своим пунктиком и теперь очень, очень хорошо отношусь к людям, которые не косятся на меня из-за него. Вот как Катя. Совершенно невозмутимая девушка.

На третьей странице, когда я как раз рассматриваю большой цветной график посещаемости сайта, что-то вдруг меняется. Мой кабинет катастрофически мал для того, что бы я успела оценить происходящее быстро и правильно.

Я вдруг лечу на пол, вслед за своими таблицами и графиками, следом приземляется Катя. Воздух выбивается из моей груди чьим-то толчком, руки больно ударяются о ламинат.

Вокруг шум, кто-то кричит и ругается, со стола падает ваза с маками, заливая пол и нас водой. Цветы разлетаются по комнате, по ним ступают грубые ботинки. И я понимаю, что все это случилось опять.

Маски-шоу, которое заказал Лёша. Я не поднимаю голову, что бы посмотреть на эти людей, я и так примерно представляю, как они выглядят.

На этот раз никто ничего мне не говорит, а когда все уходят, мы со всхлипывающей Катей еще пару минут просто лежим на полу. Я бы тоже с удовольствием поплакала, но слез нет. Внутри всё ноет, ком подкатывает к горлу, и было бы значительно проще разреветься, но я физически не могу. Не могу выжать из себя и слезинки.

И подняться тоже не могу. Сажусь на мокром полу, подтягивая к себе колени, и Катя повторяет мои движения. Мы обе немного в шоке, но она значительно больше. Еще бы, даже месяц не прошел, как я прочувствовала на себе такое же действие. Во второй раз уже не так

страшно. Вру. Страшно точно так же.

Дверь вдруг резко открывается и ударяет об стену, а рядом со мной приземляется Дима. Я совсем не ожидаю его увидеть сейчас, впрочем, я вообще не понимаю, чего теперь ожидать.

Он становится передо мной на колени, и берет мое лицо в ладони.

— Алиса, ты в порядке? Ягода, скажи мне, не молчи, пожалуйста. Они ничего тебе не сделали?

Его глаза широко раскрыты, они почти круглые, надо же. И светлые, потому что зрачок напоминает крошечную точку. Я зависаю, рассматривая его глаза и в груди, наконец, разливается облегчение. Теперь я понимаю, что всё закончилось.

Мое платье кое-где промокло, да и он тоже стоит на коленях в воде, но это не важно. Важно, что он тут, это *его* руки на моих щеках, а вот это *его* брови хмурятся.

— Все уже хорошо, — хриплю я в ответ. Со значительной задержкой, надо сказать. И он судорожно выдыхает.

— Это всё Лёша. Никак не оставит меня в покое, — я почти шепчу. Дима улыбается и качает головой, мол, это не так важно. Мы очень близко, смотрим только друг на друга и, наверное, это немного неуместно, но сейчас мне плевать.

— Разберемся. Я тоже не пальцем деланный, знаешь? — в его словах нет улыбки, он не шутит, просто говорит мне таким образом, что переживал. Что я не уволена. Что мы вместе справимся и с этим тоже.

— Знаю. Но я тоже не так проста, как ему кажется, — шепчу Диме в плечо, потому что он успеваешь рывком меня обнять.

Поздно вспоминаю, что мы не одни и рядом сидит опарашенная Катя. Но, когда я перевожу на нее взгляд из-за Диминого плеча, она только слабо улыбается. И даже уже не выглядит такой бледной.

Так мы и сидим еще какое-то время, на полу, в воде, но в обнимку.

А к Лёше у меня теперь есть один неприятный разговор.

— Привет. Мы можем встретиться поговорить? Нет, к тебе я не приеду. Да, вот такая пугливая. Нет, только людное место. Подойдет. До встречи.

Все тридцать секунд нашего разговора я так напряжена, что когда кладу трубку, чувствую себя. Как после марафона. Даже ноги подрагивают.

Аня стоит рядом со мной, как группа поддержки. И утвердительно кивает. Все верно. Встреча, не дома, в людном месте. Страх в голосе реальный, как и его предложение в парке погулять. Ага, в Битцевский, самое место. Ладно, главное, с кафе решили, там мне не придется нервничать еще и по поводу его замашек маньяка.

Следующим утром я, одетая в джинсы и кроссовки, что бы сбежать, если что, еду на место. Это обычная сетевая кофейня, довольно приличная, с фирменными блинчиками и салатом Цезарь. Ничего необычного.

Лёша уже сидит за столиком, перед ним стоит остывший кофе. Он ничем не выдает нервозность или напряжение, зато я со стороны смотрюсь невротиком, который выпил с десяток чашек кофе. Все верно. Он еще не знает, что у меня есть козырь в рукаве.

— Ну, здравствуй. Пришла спросить, замешан ли я в твоих неприятностях? — Лёша самодовольно улыбается и откидывается на стуле.

— Ты ведь не ответишь мне на этот вопрос, — я сажусь на краешек стула и рассматриваю бывшего мужчину своей мечты. Удивительно, в нем ничего не изменилось, но одновременно изменилось всё. Холодный, самоуверенный, совсем неприятный сейчас человек. От моего Лёши ничего не осталось. Зато я явно вижу перед собой Алексея Санникова, бизнесмена, лет эдак тридцати двух отроду. Безликая характеристика — это всё, что о нем можно теперь сказать.

— Совсем немного времени без приличного общества, и ты разучилась здороваться. Где тои манеры, крошка? — он морщит нос и это смотрится до того неприятно, что я опускаю глаза.

— Если ты считаешь приличным обществом себя, то это очень грубая лесть. Человек из приличного общества не стал бы натравливать маски-шоу на бывшую девушку. Особенно учитывая причину расставания.

В этот момент приходит официантка, и я прошу большой капучино. Всегда любила сливочный кофе, особенно в кофейне у моего бывшего дома. Но, хватит о грустном.

— О, ту причину, где ты продажная женщина, наставившая мне ветвистые рога? На секунду замираю. Спокойно, Алиса. Ты была к этому готова.

— Нет, ту причину, где я ушла о тебя из-за тирании и морального абьюза. А сейчас у меня есть еще одна фееричная причина. Немного запоздалая. Зовут её Анфиса, и ты встречался с ней за моей спиной *доооолгое* время. Изменял мне, пока я тебе завтраки готовила и квартиру вылизывала. Так жаль, что я не узнала раньше! И конечно, дорогой, я почти не злюсь, что ты назвал меня продажной женщиной. Странно, что так мягко, а не с помощью Великого Русского Матерного. Ведь ты судил меня по себе. А ты тот еще...

В этот момент передо мной аккуратно приземляется чашка кофе с великолепной молочной пеной. Я делаю первый глоток, проглатывая вместе с ней и сочное ругательство. Все верно, приличной девушке не пристало использовать такие слова.

На лице Лёши читается удивление. Не знаю, что его так впечатлило: то, что я знаю имя

его любовницы или то, что я ему не изменяла. В любом случае, я это сказала, а он может и не верить, его право. Мне уже все равно.

— Что такая дерзкая стала? Где та милая курочка, что жила со мной три года и так хорошо прятала свое настоящее лицо?

Он намеренно выводит меня, потому что ему нечего сказать. И нечем крыть. Не надо вестись, Алиса. Спокойно.

— Лёш, я просто пришла сказать, что знаю, откуда эти люди в масках. И прошу прекратить это. Я ничего тебе не сделала, ушла мирно. Не к кому-то, а просто ушла. Жила у Аньки долго, пока не наскребла денег на съемную квартиру. Я хотела с тобой будущее, кольцо, детей. Просто... ну не подходим мы друг другу. Ну, нельзя просто взять и вылепить человека по-другому. Мы бы через пару лет развелись все равно, так зачем это все?

Я заламываю руки, говоря все, что думаю, на одном дыхании. Предельно откровенно. Мне кажется, он должен понять. А что злится — это понятно. Может какие-то крупницы чувств у него ко мне и остались.

— Затем, что ты — моя, Алиса. И я решаю, расходится нам или свадьбу играть. И я ничего не собираюсь прекращать. Ты лгунья. Я видел твоего нового хахалю. Так вот держись от него подальше, иначе он пострадает.

Лицо Лёши бледнеет, а глаза наоборот темнеют. Я никогда не видела, что бы человек за три секунды сливался цветом со стеной, и выглядит это зловеще. Угрозы, угрозы. Чем он пригрозит мне в следующий раз? Делаю вдох и решаюсь.

— У меня есть доказательства, что ты крутишь роман с этой девкой. А она не только модель, но и в стрип-клубе работает, ты знаешь? В девятнадцать-то лет. Твоим папе и маме это очень не понравится. И карьере их повредит. Но, конечно, не так, как информация о твоих отмытых деньгах, оффшорах, неуплате налогов, подделке био-добавок и протеина, что продаются в твоём клубе. Плохая у тебя память, Лёшенька. А у меня, наоборот, очень хорошая.

Я осознаю, что это просто случайное везение, но не могу его не использовать. Он угрожает мне и моим близким. Не знаю, когда включила Диму в круг близких мне людей, но он уже там, отступить поздно. Лёша темнеет лицом, сжимает зубы и почти скрипит ими. Мне кажется, более злым и опасным, я его еще некогда не видела.

— Мы еще посмотрим, чья возьмет. Берегись, Алиса. Ты играешь во взрослые игры и можешь горько об этом пожалеть.

— Я отдам весь компромат журналистам, если ты еще раз решишь сделать мне пакость. Или тронешь дорогих мне людей. Не зли меня, Санников, ни то познакомишься с еще одной версией меня, которая очень тебе не понравится.

Я выхожу из кафе на негнущихся ногах, заворачиваю за угол и тут же начинаю падать.

Не помню, что бы раньше у меня темнело в глазах. И потерь сознания за собой тоже не припоминаю. Фу, прямо как в мыльных операх, где героини то и дело шлепаются в обморок. Но все это я обдумываю уже позже. А сейчас, открывая глаза, я не понимаю где я, что произошло, и почему надо мной склонился Дима. Конечно, память быстро подбрасывает мне последние кадры, где я встречаюсь с Лёшей и потом выхожу на улицу.

Окей, тут более или менее понятно. Мне стало плохо. Я потеряла сознание. Но вот вопрос — каким боком тут Дима?

— Ты что тут делаешь? — я почему-то хриплю, как будто неделю не разговаривала. Дима смотрит на меня с беспокойством и сомнением, но в итоге помогает встать. Я пошатываюсь, он придерживает меня за талию, удерживая на месте. Он кивает в сторону своей машины, эти золотые диски сложно не узнать.

Соображаю я туго, направление держу еще хуже, так что мы вместе, почти в обнимку, идем к его машине. Медленно ползем, если быть точной.

— Я приехал подстраховать. Знал, что у тебя серьезный разговор, — отвечает он на мой красноречивый взгляд. Думал, я забуду, о чем спрашивала? Ха.

— И откуда знал? — уточняю у него, садясь в машину.

— Аня сказала. Переживала за тебя.

В целом, что-то такое я и представляла. Посмеиваюсь про себя.

Аня никогда не могла поладить с Лёшей. Ну, то есть, она всегда делала вид, что всё окей, могла поддержать какую-нибудь ненавязчивую тему, вела себя предельно тактично. Но что бы подружиться, попросить о чем-то — никогда. Ну и если я рассказывала о каком-то его нелицеприятном поступке, то обычно получала от нее сочный комментарий. Не в его пользу, конечно.

Лёша тоже никогда не шел на сближение. Он вообще никогда не хотел знакомиться с моими друзьями, подруг планомерно отваживал, кроме Аньки.

И вот тебе на, уже который раз я замечаю, что с Фёдоровым они ладят просто отлично. А теперь вот и информацией делятся. Я почти уверена, что Аня попросила его за мной присмотреть.

— Когда вы успели сдружиться?

— Мы еще не совсем сдружились. Но у нас есть нечто общее — ты. Не удивлюсь, если вскоре начнем дружить семьями.

Сердце опять предательски выдает кульбит. Ну что такое, я только что в обмороке побывала, а до этого на важной встрече с шантажистом! Ну, дадут мне расслабиться когда-нибудь или нет?

Я отворачиваюсь к окну и просто проглатываю этот комментарий. Да, он кажется мне крайне многозначительным, но сил совсем нет. Даже мысли крутятся медленно и с надрывом.

Надо бы к врачу сходить, просто так сознание не теряют. Но это всё потом. А пока я позволяю себе заснуть на переднем сидении Диминой машины.

..

— Тебе нужно пойти к врачу, — так начинается уже третье мое утро. Мы с Аней больше не работаем вместе, живем тоже отдельно, но утренний созвон — это святое. И, конечно,

она права, но все руки не доходят. Тут рекламная компания, куча аналитики, просто завал. Новое место работы это в том числе новая репутация, которую очень сложно заработать.

Мы обсуждаем все мои оправдания, и все они терпят поражение, раз за разом. Торжественно обещаю записаться сразу после нашего разговора. Собственно, так и поступаю. В конце концов, у меня новый, классный ОМС, вот и пригодился.

— Тебя отвезти к врачу? — говорит дверь голосом Димы. И только в середине фразы появляется он сам, красивый и довольный.

— Да откуда ж тебе про врача-то известно? Ты следишь за мной что ли? — праведно возмущаюсь я.

Ну, в самом деле, что это за патронаж такой? Ничего особенного не случилось. По первой рабочей версии, у меня просто сдали нервы. Ну, почему бы им и не сдать, учитывая, что из трех лет отношений, они подтачивались и качественно расшатывались два с половиной? А в последние пару месяцев вообще акция была — три нападки по цене одной. Ну и запишем сюда еще расставание, бой посуды, два маски-шоу за короткий срок, увольнение с работы, шантаж и переезд на новое место.

Удивительно, что это случилось только сейчас, и я не пускаю слюни в ближайшей психушке. Вполне могла бы.

— Я знаю только, что ты записалась. Тебя сдала подруга и сказала мне проследить, что ты доедешь до врача. Это проще всего сделать, если я сам тебя повезу. Сдавай время и место.

И, конечно, я сдаю время и место. И возмущаюсь, что Аня строит из себя мою заботливую бабушку, хотя, если честно, мне приятна ее забота. И личный водитель на пафосной машине мне тоже льстит. Так почему бы и нет?

..

В очереди у врача я сижу, нервно качая ногой. Неприятно, конечно, в самом расцвете сил идти обследоваться, не зная, что именно нужно искать.

На ожидание в итоге уходит десять минут, терапевт — женщина средних лет, говорит логичные вещи и уповает только на доказательную медицину. Она задает сотню вопросов о моем организме, привычках, прошлых болезнях, образе жизни и последних событиях. Задает их так мастерски, что я практически всю свою жизнь ей выкладываю за десять минут.

Мы с ней явно сработаемся.

Так я думаю до тех пор, пока она не предлагает мне сдать кровь на ХГЧ, подозревая беременность.

Все, чего мне сейчас хочется — стереть последние три года своей жизни. Я бреду по улице, иногда наталкиваюсь на прохожих. Скорее всего, я выгляжу городской сумасшедшей.

Я вся вибрирую от тревоги, в голове миллионы мыслей и пустота одновременно. Сердце стучит так быстро, что, наверное, натягивает майку в попытках прорвать грудную клетку.

Меня ведет. Ноги движутся тяжело, как будто тянут за собой кандалы, зрение плывет. Я хочу, чтобы все это закончилось. Я просто хочу знать, да или нет. Прямо сейчас.

Самое ужасное чувство. Самое ужасное — незавершенность, бессилие и страх. Смешать, не взбалтывать.

У меня может быть ребенок. Ребенок от тирана. Деспота. Человека, изменявшего мне, шантажировавшего меня. Ребенок, которого я хотела, и которого теперь боюсь, как огня. И что мне делать, если так? Что делать?

Я брожу так час или два, время течет в каком-то только ему понятном ритме. Вижу себя в витринах и каждый раз напрягаюсь. Такого пустого взгляда у меня еще не было.

Потом все-таки беру себя в руки. Не все еще потеряно.

— Ань, — сиплю я, как только она поднимает трубку. — Купи десяток тестов на беременность и приезжай ко мне.

Я знаю, она не станет задавать вопросов, просто купит и приедет. Не важно, что у нее были за планы. Я никогда так не делаю. Вернее, никогда так не делала до этого дня.

Но сейчас другое дело. Моя жизнь вот-вот изменится навсегда.

..

Не могу собраться. Не могу себя заставить. Сажу на диване и просто смотрю на этот дурацкий тест в розовой блестящей упаковке. На полу их валяется еще девять, все запечатанные. Напротив сидит Аня и терпеливо ждет.

Я не могу его открыть, физически не могу. Это будет означать, что я сейчас узнаю ответ, процентов на девяносто пять точный. Это меня убивает. Пожалуйста, не надо. Почему это происходит со мной?

Я, в самом деле, могу быть беременна. У меня, правда, задержка.

С другой, более радужной стороны, это стресс и перегруз. Феерично. Называть это радужной стороной — уж точно не от хорошей жизни.

— Хочешь, я его открою? — предлагает Аня. Она не давит, спасибо за это. И это первая ее фраза за двадцать минут.

— Нет. Я должна сама.

Я, наконец, надрываю упаковку и с каждым шелестом пленки, с каждым хрустом картона на голове, кажется, появляется новый седой волос. Перед смертью не надышишься, всегда говорила моя бабушка. Но так хочется. Так хочется надышаться.

Я шагаю, как на заклятие, в направлении ванной комнаты и мысли бьются надоедливыми мухами в стекло, в белый кафель стен, в мрамор раковины и белую дверь, закрывающуюся за мной.

..

Я не понимаю, как мне реагировать. Сердце бьется где-то в горле, дыхание сбивается. Приходит истерическая радость, мне хочется смеяться и прыгать. И обессиленно опуститься на пол. Все вместе.

Тест показывает одну полоску. И второй. И третий. И десятый.

Я свободна.

Я, в самом деле, свободна. У меня опять впереди вся жизнь, не связанная с этой ужасной семейкой. Я могу выбирать, где жить, что делать, никто больше не может указывать мне. Никто не отнимет у меня ребенка. Я сама могу выбрать, когда его родить. Могу выбрать ему отца. Могу заработать денег, покрасить детскую или уехать в другой город. В другую страну.

Я могу всё.

И никакой Лёша не будет стоять у меня на пути.

— Я свободна, Ань. Я теперь точно свободна.

— Конечно. Я рада, что всё это случилось не сейчас. Хоть ты и была бы самой лучшей мамой на свете.

Аня смотрит на меня с какой-то нежностью и теплотой. Она, правда, в это верит. И я тоже верю. Просто сейчас не самое лучшее время.

— Я еще ей стану. Позже. Обязательно.

..

Мы немного отмечаем это событие. Именно сегодня я чувствую, что все ниточки, ведущие меня к Лёше, оборвались. Стерлись, как и не было. Я больше не скучаю, не тоскую, не ищу его на другой стороне кровати. Мне становится все равно.

Результат ХГЧ подтверждает все мои десять тестов. Так что, у меня сдали нервы, теперь официально. Это логично и понятно, учитывая последние события моей жизни.

Я решаю, что мне нужно от всех отдохнуть и думаю, как это можно безболезненно сделать. Прикидываю, что спа мне будет недостаточно, отпуск — это слишком. А вот небольшой загородный отель, красивый и тихий, с небольшим озером и потрясающим парком — самое то.

Выходным за городом быть. В полном одиночестве. Побывать с собой.

Я долгое время не могла понять, чего мне хочется. Что мне нравится, к чему я стремлюсь, как отношусь к вот этому человеку или вот этой ситуации. Все это принимало масштаб полноценных загадок, которые время от времени нужно разгадывать. Что может быть лучше вечера с собой?

Я собираю вещи заранее и готовлюсь к поездке моей мечты.

Заслужила.

В самом деле, этот отель как будто сошел с картинок каких-то детских сказок. Небольшой, кирпичный домик с настоящей трубой, из которой идет дымок. С большими конами и балкончиками, которые утопают в цветах. Работница ходят в милых цветочных платьях и передничках с кружевом по краю. Настоящая идиллия. Пастораль. Уверена, тут где-то и поле с овечками есть. И шерсть их наверняка белая и пушистая, как облачко. И блеют они музыкально.

Я и сама переодеваюсь в цветастое платье, ровно такое, какие никогда не одобрял Лёша. Его будущая жена должна одеваться в основном в бежевый. Ее гардероб — это одна сплошная капсула, где каждая вещь подходит к другой, даже если она вытащена из шкафа в три часа ночи, с закрытыми глазами и вообще, левой ногой. Откуда бы там взяться цветастому платью. Но вот оно. И очень, очень идет мне и этому дому.

Чемодан поскрипывает, когда я везу его по мощеной дорожке к своему малюсенькому домику на одну спальню. Он такой же, как главное здание, где находится ресторан, но в несколько раз меньше. Гостиная и небольшая кухонька, эдакий прованс. Сквозь большие окна свет падает на круглый обеденный стол, играет на светлой скатерти. Ваза с полевыми цветами отбрасывает радугу на льняные салфетки. Этой мой маленький рай, я уже чувствую.

Большая мягкая кровать только подтверждает мои мысли. И простыни. Нормальные, льняные простыни, какого-то теплого, уютного цвета, где-то между бежевым и горчичным. Не вычурные шелковые. И вышивка на подушках, как нас когда-то учили в школе.

Все это говорит о доме. О тепле. Все это пахнет солнцем и счастьем. И свежей сдобой Боже, спасибо. Я так хотела отдохнуть. Я тут, что бы выдохнуть и начать всё с чистого листа.

..

— Да, тут потрясающе. Чувствуется, как точка между сказкой и домом. Аааань, — я тяну ее имя и сама немного потягиваюсь, — тут такой воздух, такие виды. Мне кажется, по дороге на ужин в меня врежется толстозадый купидон, возможно верхом на кудрявой овечке, но это не точно. Пастораль, да, прям как на картинах Буше. Нет, где куча людей и ничего непонятно — это Босх. Ну ладно тебе, ты в курсе с кем я жила. Он считает, что приличная женщина обязана знать краткий гид по художникам наизусть. Ань, балерины это Дега. Давай не будем об этом, ладно? Я приехала отдохнуть. Нет, слоны на тонких ножках это Дали. Ну, хватит уже!

Мы говорим и смеемся еще полчаса, пока я лениво щипаю булочку с корицей на лавочке в местном парке. Больше смеемся, чем говорим.

У них тут свой парк вокруг небольшого озера, круглого, как тарелочка. Я устроилась на резной деревянной лавке под березой, с телефоном и булочкой. Что взять с нашего поколения, никуда без телефона. Но я не жалею. Я немного побаиваюсь оставаться наедине со своими мыслями, как и большинство моих немногочисленных друзей.

На ужин ожидается пир горой, так что остатки булки я скармливаю уткам. Да, мало того что озеро само по себе сказочное, тут еще и утки есть. Упитанные и воспитанные, даже особо не крикают, вылавливают кусочки булки в порядке живой очереди. Очень странное зрелище.

..

На ужин заказываю перепелку. Мне кажется, в сказках именно так ужинают. Перепел,

осётр, какие-нибудь «блюда заморские» и запивают каким-нибудь потрясающим вином.

Ну, в целом, с перепелом я угадала и к сказке точно приблизилась. И платье надела подходящее, длинное, затейливое, из красного шелка с золотой вышивкой. Ну чем я сейчас не царевна? Мне кажется, в сказках все было именно так. Ну, или в мультфильмах, которые я смотрела в детстве.

Прекрасной царевне еще полагался то ли принц, то ли князь. Интересно, от чего это зависело?

И почему именно на этой моей мысли в зал заходит Дмитрий Фёдоров собственной персоной?

Дальнейшие мысли утрачивают связность. Сердце делает кульбит от неожиданности. Благо, на этот раз неожиданность довольно приятная. Я чувствую себя еще более сказочно, как будто именно такого финала для этого чудесного вечера мне не хватало.

Вот он идет по залу, красивый и статный. Излучает уверенность.

В руках пионы, которые он обещал беречь для особых случаев. Сосредоточенный и серьёзный, пока не замечает меня.

— Здравствуй. Я присяду? — он останавливается возле меня и указывает на свободный стул. Я киваю.

— Здравствуй. Не ожидала тебя тут увидеть, — многозначительно говорю я. В самом деле, я никому не говорила, куда поеду. Это был большой и страшный секрет, дабы позволить себе выдохнуть и не думать, что тут меня найдут нежелательные люди. Но и желательных я тут не ждала.

— Знаю. Но я должен был тебя увидеть, — он улыбается и, спохватившись, протягивает мне цветы.

На этот раз пионы кроваво-красные, я и не знала, что такие бывают.

— Спасибо, они очень красивые. Это мои любимые, ты знал?

— Я надеялся.

Он заказывает себе стейк и салат, а потом еще кофе. Он все еще пьет эспрессо, а я вот всегда предпочитаю капучино. Мы болтаем о том и о сем, смеемся, я получаю тысячу комплиментов и сотню двусмысленных, но приятных шуток. Я расслаблена, спокойна и счастлива. Чудесно провожу время.

Но вот уж чего не ожидаю, так это его руки, внезапно опустившейся на мою.

Вау, прямо как в кино.

В шаблонной сцене, где герой признается героине в любви. Они сидят за столиком, все очень красиво, потом он кладет руку на ее руку и разражается пламенной речью о том, что жить без нее не может и это точно любовь. Потом, возможно, становится на одно колено и протягивает кольцо. Или он уже стоит на колене с кольцом, когда это говорит. Или они это пропускают и едут в отель. Или! Или они уже в отеле и просто поднимаются наверх. И тут финальные субтитры. Или итог сего действия. Зависит от рейтинга фильма.

Но у нас явно не тот, что с отелем. Мы и не целовались-то уже десять лет, и предполагалось, что этого больше никогда и не случится. Правда губы предательски покалывает и мне очень хочется их облизать, но понятно, как это будет выглядеть. Провокационно и как приглашение. Нет-нет, Алиса, стоп. Ничего не надо делать и додумывать. Пусть всё сам.

— Ты сейчас выглядишь, как будто достанешь из-под стола бейсбольную битку и побьешь меня, — говорит он. Но руку не убирает.

Видимо, на моем лице отобразились какие-то не такие эмоции. Что я вообще хочу услышать? Ох, голова идет кругом, я совсем не готова сейчас к новым отношениям. И к старым, наверное, тоже. Но, все же, губы покалывает, голова слегка кружится, а в животе порхают бабочки, прямо как в мои семнадцать лет.

— Я еще раздумываю, но цветы явно сыграли тебе в плюс.

Он улыбается, я улыбаюсь, неловкость рассеивается. И рука все еще на моей руке.

— Я вообще не мастер высокопарных речей... — начинает Дима, а я опять смеюсь.

— И поэтому используешь слово «высокопарный», — перебиваю его я. Мне опять неловко, а в такие моменты я все время говорю. Нервно и не очень в тему.

— Вроде того. В общем, не знаю, с чем начать, — пытается продолжить он.

— Всегда лучше начать с самого начала и по порядку, — опять перебиваю его я. Нервы, да, грешна.

— Ну, если бы ты дала мне шанс и не перебивала, возможно...

— Прости, я что-то нервничаю. А когда нервничаю, много и быстро говорю. И перебиваю, видимо, тоже, — я смущенно улыбаюсь и смотрю на него из-под ресниц.

Как только он открывает рот, что бы ответить, официант приносит нам кофе и десерт. Я тихонько смеюсь, он криво улыбается тоже.

— Видимо, стоит перенести этот разговор. Весь мир против меня, — он говорит это с интонацией, театрально, как будто играет в пьесе Шекспира. *Быть или не быть*, или что-то вроде.

И я понимаю, что больше не переживаю.

Спустя час мы прогуливаемся вокруг озера. Дорожка подсвечивается тусклым светом фонарей и все выглядит донельзя уютно. Сказочно. Это слово сопровождает меня весь день и я мечтаю, что бы сопровождало и дальше.

Рядом идет Дима, красивый и задумчивый, рассказывает что-то о звездах, которых тут в избытке. Жестикулирует, показывает почти диковинные фигуры своими невозможными руками. Ну как у мужчины могут быть такие руки? Одно движение пальцев и хочется нервно сглотнуть. Что еще он умеет делать этими пальцами?

Нет. Плохой вопрос. Алиса, спокойно.

Я слушаю его, практически открыв рот. Ни одного шанса заскучать, о чем бы он ни рассказывал. Уверена, расскажи он мне о квантовой физике, я бы тоже шла рядом в полной прострации и слушала, слушала... Возможно, немного больше отвлекаясь на его руки, да.

Я резко останавливаюсь. Вот оно что. Я им увлечена! Это же логично, я просто не давала себе думать об этом, пока была несвободна. И вот теперь, когда я поставила финальную точку в своих отношениях, я это понимаю. Это не ностальгия, я увлечена им в настоящем времени.

Все логично. Он нравится мне внешне, совершенно мой типаж. Он был рядом все это время, дарил мне цветы, возил к врачу, взял к себе на работу, пытаюсь помочь.

Я отпустила прошлое, пережила его, хоть и вспоминала иногда с горечью. Но выходит, что он не изменял мне, а вел себя по-свински, потому что думал, что я его предала.

Мы расстались по ошибке. Это было десять лет назад. Стоит ли ждать еще, что эту ошибку исправить?

Всё это мой мозг обдумывает молниеносно, буквально за секунду. Дима останавливается, поворачиваясь ко мне. Я стою в двух шагах от него и широко раскрытыми глазами смотрю на него. На его широкие плечи, на растерянное выражение лица, пока он пытается понять, почему я вдруг отстала.

Робко улыбаюсь, хотя робость мне и не свойственна, но рядом с ним у меня настолько больше чувств и эмоций, что я в них теряюсь.

Он, видимо, что-то решает для себя в тот момент, потому что вдруг выдыхает и резко делает эти два шага ко мне.

Я вижу всё, словно в замедленной съёмке. Сердце замирает на эти два шага.

Через бесконечно долгую секунду наши губы сталкиваются, и я судорожно вздыхаю, вцепляясь в ворот его рубашки. Мне холодно и жарко одновременно, голова кружится, дыхания не хватает, но он крепко прижимает меня к себе.

Мы стоим в тусклом мерцании фонарей, обнимаясь так крепко, что ноют мышцы. На небе яркая россыпь звезд и отрывок растущей луны. Вода плещется.

С трудом выныривая из урагана чувств, я понимаю, что вот теперь всё *правильно*.

Так всё и должно было быть.

Но долго думать Дима мне не дает.

Ночь удалась. Впервые за долгое время я выпалась. Матрац показался мне периной, одеяло — облачком, а льняные простыни оказались самым лучшим бельём на планете. Ненавижу шелк, вот так вот.

Вообще мое мнение о многих вещах за последние месяцы изменилось. Например, теперь я знаю не только, что шелк — явно не мой фаворит, но и то, что я не люблю розы, яичницу-глазунью, бежевую одежду и жемчуг. Вместе с моим статусом «свободна» появилась куча новых привычек и неожиданных событий.

Вот, например, теперь я почти каждый день получаю цветы. И это не розы. А еще я каждое утро собираюсь спокойно и выхожу из дома в отличном настроении, даже без кофе. Ношу красную помаду и веселые платья. А на телефоне у меня теперь крутой розовый чехол. *Несерьёзный*. Так бы сказал Лёша.

«Набери меня, когда проснешься, Ягода»

После вчерашнего губы распухли, но я все равно растягиваю их в улыбку. Да, мы сокращаем дистанцию, но будем делать это медленно. Я уже взрослая девочка, гормоны теперь мои друзья, нетерпением не страдаю.

Стоит мне увидеть Диму с красочным подсолнухом в руке, как я беру свои слова обратно и спешно влетаю в его объятия. Где только достал это желтое солнышко! Его глаза искрятся, да и сам он выглядит каким-то... довольным. Обычно сарказм и какое-то нахальство шли впереди него, а теперь вот спокойный, довольный жизнью человек, в уголках губ угадывается улыбка. Обнимать его и обнимать. Отличный план на сегодня.

Мы неспешно завтракаем вместе. Оказывается, что оба любим омлет и неспешно пить кофе. Наслаждаться каждой минутой, если это возможно и не корить себя, если нет.

Мы сидим друг напротив друга за маленьким столиком у окна, и я никак не могу отвести от него взгляд. Впрочем, и он от меня тоже. Красивый, чертяка. Все такой же, и совсем другой одновременно.

— Потрясающее место, да? Как со страниц сказки, — говорю я.

— Да, тут здорово. Правда, в сказках не бывает овербукинга, — улыбается Дима в ответ, отпивая кофе.

Я тоже пью кофе, наслаждаюсь каждым глотком, пейзажем за окном, обществом человека напротив. Мне немного жаль, что ему придется уехать, все-таки тут та самая сказочная атмосфера и я чувствую себя очень счастливой.

— Да ладно, неужели на сегодня нет свободного номера?

— Я пытался решить этот вопрос разными способами, но даже подкупить портье не удалось. Тут только домики и они все заняты.

Ну, да. Я бронировала домик на выходные за несколько месяцев, и то оставалось очень мало вариантов. Мне говорили, что сюда сложно попасть. Тут даже аншлаги выглядят так, как будто людей совсем немного, что бы не разрушать вот это настроение сказочности. Отдохнуть в тишине.

— О, как грустно, что тебе придется уехать, — расстроено хмурюсь я. Не хочется отпускать его так быстро.

— Ну, не придется. При одном условии, — он наклоняется ко мне поближе и почти шепчет. —пустишь меня переночевать на коврике?

— Вот это ты ловелас! — я пораженно округляю глаза и посмеиваюсь. — Ты же знаешь, там двухспалка и всё, даже дивана нет. Реально будешь спать на коврике, Фёдоров!

— Ради тебя я готов на всё, — Дима улыбается своей самой невинной улыбкой.

Как я могу не согласиться? В конце концов, мы не подростки, что мне стоит просто быть спокойной и не поддаваться на провокации.

Вечером я стою в ванной, поправляя свою самую целомудренную пижаму и страшно себя ругаю. Самоуверенная, глупая Алиса. От напряжения даже трясутся поджилки, мурашки покрывают кожу, а сердце опять убегает в пятки. Как же, мы взрослые, какие могут быть проблемы, просто поспать ночь рядом!

Днем я умудрилась заявить, что нельзя ему на коврик. Кровать достаточно большая, поместимся вдвоем, а чтобы он не покушался на мою честь, я положу между нами подушку. Ооооо какое необдуманное решение.

Между нами искрит так, что в одной комнате находиться и то опасно, не то, что лежать в одной кровати, в тонкой пижаме. Подушка — тоже мне крепость.

И самое обидное, непонятно кто еще на кого будет покушаться.

Когда он вышел из ванной пятнадцать минут назад, в одних пижамных брюках, у меня перехватило дыхание. Все те мышцы, которые я замечала раньше, списывая на воображение, оказались реальностью. Капельки воды, блестящие на его торсе, влажные волосы и вот эта самоуверенная улыбка. Чёртов Фёдоров.

Выходя из ванной, я решаю для себя — делай, что должно и будь что будет.

Дима лежит на кровати, прикрывшись одеялом и что-то читает. Это просто отлично, потому что мне все еще не по себе. Мурашки пробегают по всему телу, пульс учащается. Ну конечно, ведь одеяло только что сползло и я наблюдаю самые верхние кубики пресса. А думаю о самых нижних.

Он замечает меня и улыбается, и я начинаю нервничать еще больше.

— У нас ничего не будет, ты же понял, да? — выпаливаю я и даже прикрываю глаза от разочарования, как ужасно это прозвучало. Хуже не бывает.

— Вообще об этом не думал, — он спокоен и продолжает улыбаться. А можно мне тоже так круто владеть своими эмоциями? Где этому учат? Но вместо того, что бы закончить этот бесполезный диалог, я умудряюсь продолжить его.

— И потому в одних штанах тут разгуливал?

Дима удивленно смотрит на меня, его улыбка спадает, брови приподнимаются. Ну да, я себя тоже удивляю, что поделать.

— Я вообще без одежды сплю. Тебе бы неудобно было, потому штаны надел.

Видимо я незаметно вхожу в раж, мне хочется обвинить его хоть в чем-нибудь, потому что он кажется слишком идеальным рядом с растерянной и неуклюжей мной.

— Вот же ты бессовестный ловелас!

— Ты это уже говорила. И причем тут ловелас? Я просто не люблю спать в одежде, она сковывает, — он пожимает плечами и пытается вернуться к чтиву, но не тут-то было. Мне *нужно* это обсудить. Прямо сейчас.

— Ты не мёрзнешь? — ухмыляюсь я, вплетая в голос капельку сарказма, но он мой вопрос принимает за чистую монету.

— Конечно, нет, — отвечает Дима растерянно. — У нас же цивилизация. Есть обогреватели, есть кондиционеры. Для чего они еще существуют?

— А я вот в пижаме сплю, — отвечаю я невпопад. Я хочу поговорить еще, заставить его растеряться еще больше, потому что...боюсь. Чувствую себя неуверенно и мне в этом чувстве очень нужна компания.

— Ну и отлично, у тебя очень милая пижама. Погоди, — именно в этот момент он понимает, что к чему, и пораженно смотрит на меня. — Ты что, нервничаешь? Ты боишься со мной спать?

— Это очень двусмысленно звучит, — хмурюсь я. Ну вот, опять преимущество на его стороне, а я снова неуверенная в себе девочка, провалившаяся на десять лет назад. Не люблю это чувство.

— Ты точно боишься! Но почему? Я отлично себя контролирую, я приличный мужчина и вообще джентльмен. У тебя нет причин мне не доверять, — он посмеивается и пытается убедить меня в своей безопасности одновременно. Но дело ведь не только в этом.

— Я *себе* не доверяю, — выдыхаю я и смущенно смотрю на него, подходя к кровати всего на один небольшой шаг. Этого хватает, что бы он схватил меня за руку и опрокинул на мягкие простыни.

Поцелуй. Еще один. Подушка, которая должна была служить барьером, валится на пол. Ну и черт с ней, с подушкой. И с барьерами тоже черт.

Неуверенность куда-то исчезает, тут ей места нет, как и сарказму. Мне сейчас так

хорошо, так жарко и правильно, что я прошу только не останавливаться. Вряд ли я делаю это вслух, но прикосновения Димы почему-то становятся еще жарче, еще нежнее.

Я помню, как он целовал меня раньше, десять лет назад. Помню наш первый поцелуй, когда мы столкнулись лбами, одновременно потянувшись друг к другу. Ничего не изменилось, и одновременно изменилось всё. Он целует меня — и я теряюсь в чувствах и эмоциях, сгораю и возрождаюсь, что бы опять гореть.

Он везде, его губы касаются моей кожи беспорядочно, в диаметрально противоположных местах. Я чувствую его где-то под кожей, на кончиках ресниц и щекоткой на пальцах. Я даже дышу им. Он всюду. Но мне и этого мало. Я хочу еще больше.

И тут вдруг на нас обрушивается звук и свет, дверь распаивается с небывалым ускорением и бьётся в стену. Мы замираем и отскакиваем друг от друга, путаясь в подушках.

Сначала я думаю, что что-то случилось, может быть, пожар или какая-то тревога. Судорожно поправляю свою целомудренную пижаму и встречаюсь глазами с разъярённой блондинкой.

Она стоит в дверях, ее грудь тяжело вздымается, натягивая и без того тесное платье, волосы спугались, лоб блестит. Не понимаю, откуда эта девица могла взяться в моем домике. Не могла же она при таком хрупком телосложении выломать дверь?

От растерянности я не сразу понимаю, что она тыкает в меня пальцем и что-то требовательно выкрикивает. Голова кружится, от Диминых губ я чувствую себя пьяной и растерянной, и никак не могу сконцентрироваться.

Я вопросительно смотрю на Диму и понимаю, что он тоже растерян, но явно ее знает. Он судорожно переводит взгляд с нее на меня, стремительно бледнея.

И тут, наконец, я улавливаю смысл ее криков. В основном это нецензурные слова, и все они обращены ко мне.

— Рита, какого черта? — почти рычит Дима и тут же сбивчиво обращается ко мне, поворачиваясь. — Алиса, нет, это... Мы расстались! Как только ты пришла на встречу, мы сразу расстались, несколько месяцев назад!

Он тяжело дышит, и я даже в этой суматохе могу рассмотреть, как бьется жилка у него на виске. Нервничает. Злится. Говорит правду?

— Ты что тут делаешь? — чуть спокойнее спрашивает он у блондинки, пытаюсь взять себя в руки.

— Вырываю своего мужчину из лап какой-то голддигерши. Отодвинься от него, шваль, ни то я за себя не отвечаю! — ее голос все равно срывается в тонкий визг, который, наверное, мог бы раскалывать стаканы. Растерянно рассматриваю ее, пытаюсь осознать, почему меня называют голддигершей. У меня есть деньги! Я не из-за них оказалась с Димой в одной постели. Я и не знаю, на самом деле, как так вышло. Он просто приехал и так получилось.

Но как я могу обдумать это всё, когда вокруг кипят такие страсти. Дима отвечает ей спокойно и четко, я даже удивляюсь этой перемене. Он, наконец, смог взять себя в руки, чего я сделать никак не могу.

— Рита, остановись. Мы взрослые люди. Это Алиса, я тебе говорил о ней. Я ее люблю. Не выставляй себя сумасшедшей.

Теперь я впадаю в полнейший ступор. Не хватало тебе, Алиса, впечатлений, так получи какую-то агрессивную женщину, вломившуюся к тебе в номер. Не хватало нервов и страхов на тему совместной ночевки, отлично, так получай же вдобавок признание в любви. Что с этим теперь делать? Как реагировать?

Блондинка застывает на секунду, как и я, но возвращается в реальность быстрее.

— Я этого так не оставлю, — бросает она и выбегает за дверь. А мы остаемся.

— Что это было? — растерянно спрашиваю я. Этот вопрос дублируется несколько раз в моей голове. Что это было, говорю я, имея в виду эту девушку, взлом моего домика, оскорбления и признание в любви.

— Моя бывшая девушка. Я узнал, что ты приедешь ко мне обсуждать новый контракт и порвал с ней. Да, так бывает и да, я такой самоуверенный, — отвечает он четко и бесцветно. В голосе нет эмоций, все лаконично, он просто предупреждает мои вопросы.

— То, что ты сказал... это правда? — внутри все сжимается от предвкушения. Да, я не оценила его признание сразу, потому что оно застало меня врасплох. Но, может быть, нужно просто повторить его еще раз? Или парочку, для точности.

— Что мы расстались пару месяцев назад? Конечно, — кивает Дима.

— Не это, — я смотрю на него и всем своим видом даю понять, чего жду. Конечно, он понимает. Скорее всего, понял с самого начала.

Дима двигается чуть ближе, словно боясь спугнуть, и улыбается одним уголком губ.

— Что люблю тебя? Да. С самого начала. Все эти десять лет, — он отвечает тихо и хрипло. И совершенно искренне. Когда говорят *так* — это просто не может быть ложью.

— Даже когда думал, что я тебе изменила? — осторожно пытаюсь уточнить я.

Все-таки самые глупые, самые сумасшедшие и неправдоподобные ситуации всегда вызывают приступы откровенности после. Когда напряжение отступает, приходит она.

Искренность.

— Да. Злился очень, простить не мог. Были женщины, — он запускает руку в волосы, взъерошивает их еще больше и говорит на грани слышимости, но я ловлю каждое его слово. — Много. Но когда я узнал о встрече с тобой ... Подумал, *судьба*. И решил попробовать еще раз. Ты, судя по всему, не хотела, но я товарищ настойчивый.

Дима пытается улыбаться, но я вижу, как тяжело ему даются слова. Он встает, подходя к двери, проверяет что-то и закрывает ее сначала на ключ, а потом на задвижку.

— Она, похоже, открыла ключом. Не отмычкой же. Кто мог его дать... — начинает рассуждать Дима. Но я не готова сейчас к еще одному разговору. И думать больше тоже не хочу.

— Дим, — зову я тихо, но он тут же поворачивается. — Давай спать.

Его плечи расслабляются, кулаки разжимаются. Теперь я вижу, как он был напряжен и всего лишь три моих слова дали ему возможность расслабиться. Он громко выдыхает.

— О большем я и просить не мог.

Он опять забирается на кровать, такой растерянный и тихий. Ложится аккуратно, боясь меня спугнуть. Но я больше не испугаюсь. Теперь нет. Я сама двигаю руку поближе к его, и Дима ловко переплетает наши пальцы.

На большее сегодня я не способна, судя по всему, и он тоже.

Так что мы просто засыпаем, взявшись за руки.

Я просыпаюсь, когда небо еще только окрасила утренняя заря. Меня разбудила какая-то непривычная тяжесть и, открыв глаза, я что это Дима перекинул через меня руку. Очень привлекающую меня руку, надо сказать. А мужская рука может быть привлекательной?

Мы с Лёшей никогда не засыпали в обнимку, и уж точно никогда не касались друг друга во сне. Для нас было нормальным отвернуться на другой бок и пожелать друг другу спокойной ночи. Зимой мы спали под разными одеялами, а в момент какой-нибудь внезапной нежности он мог погладить меня по руке или приобнять на минуту, не больше. Я никогда не задумывалась об этом раньше, даже когда мама сказала, что одна кровать и два одеяла — это кривая дорожка к расставанию. Это казалось мне такой ерундой, ну просто смешнее некуда, в самом деле, ну какая разница, как спать. Не храпит, и на том спасибо.

И вот теперь я вдруг понимаю, как ошибалась. Как мне отчаянно не хватало вот таких сонных, случайных посягательств на личное пространство. Он просто перекинул через меня руку, видимо, подтягивая во сне поближе, что вполне понятно в свете последних событий. Видимо, подсознание работает в режиме «хватай-тащи» и не мне это осуждать.

Я лежу, лениво рассматриваю его пальцы, считаю вдохи, и вообще всеми силами стараюсь не сделать лишнего движения, чтобы не разбудить его. Вспоминаю его бывшую, блондинку в красном, пытаюсь представить ее лицо, но понимаю, что ничего толком не запомнила. Ее глаза были яркими и темными, она разве что молнии ими не пускала, и все время задевала руками длинные светлые волосы. Рита, так ее зовут. Очень красивая женщина, признала бы я в иной ситуации.

Верить Диме или нет, я решила еще вчера, так что даже анализировать все это не собираюсь. Одна только деталь смущает — почему она так легко открыла дверь? Кто дал ей ключи? И может ли в этом быть замешан Лёша?

Диминая рука вдруг движется ниже и обвивает мою талию, и я вздрагиваю от неожиданности. Вот тебе и рассвет, кто просыпается так рано, особенно после насыщенного вечера?

— Никогда бы не подумал, что ты жаворонок, — теплое дыхание обдает шею, и я предательски покрываюсь мурашками.

Он отлично знает, какое влияние на меня сейчас оказывает, какое впечатление производит, и ему явно плевать. Его голос совсем не сонный, только чуть более хриплый, чем обычно и это очень волнует.

— И правильно, не думай. Я махровая сова, дай мне волю, буду спать до часу дня, и мне даже не будет стыдно.

Мы оба остаемся на месте, не движемся, как будто застыли в янтаре. Конечно, я боюсь как-то не так вынуться, повернуться к нему лицом, но самое страшное, если он уберет свою руку. Благо, он даже на миллиметр ее сдвигает, но я чувствую, что он весь напрягся, как будто тоже решает в уме сложные уравнения.

Если неловкость умножить на растерянность, что получится? Среди двух переменных, которая боится больше? Что нужно сделать с терпением во второй части уравнения, если в первой мы его отнимаем?

Все верно, мы две переменные, значение которых друг другу только предстоит узнать. И терпение что у него, что у меня, точно заканчивается.

В какой-то момент его рука исчезает и я, повернувшись вслед за ней, оказываюсь в ловушке. Дима нависает надо мной и ждет какого-то подтверждения, наверное, а я его, сама того не зная, даю.

Он целует меня так, что голова начинает кружиться, потолок и пол меняются местами, кружатся и растворяются в его глазах, его дыхании, движении его рук, тех самых, от которых я с ума сходила в семнадцать лет. Я точно знаю, что все именно так и должно было быть. Паззл складывается, и все вокруг — это его части, так что я вижу всю картинку, наконец, впервые в жизни я ее вижу.

Мне хочется сказать ему что-то важное, слова рвутся из груди, из горла, но почему-то никак не могут обрести форму.

— Ты уверен, что любишь меня? — спрашиваю я на выдохе. И слова выходят глухие, еле слышные, мне кажется, что это больше похоже на шепот.

— Конечно.

Он целует меня опять, еще горячее и крепче, а я все пьянею и пьянею от его губ. И не верю, что он целует меня, а я его.

— Я не уверена, но по-моему я тоже... Тоже тебя люблю.

Меня заливает краска, сказать это было даже страшнее, чем лечь с ним в одну постель. Я зажмуриваюсь, но он так нежно гладит меня по щеке, заставляя открыть их, что я нерешительно подчиняюсь.

— У нас еще очень много времени, чтобы убрать из этого предложения все слова, кроме трех самых главных, — выдыхает он в мою шею.

А я только согласно киваю. Да, все верно, у нас очень много времени, чтобы всё уточнить и понять. Но, наверное, для этого понадобится всего-то минут пять.

Или две.

Или вот этот поцелуй меня уже убедил...

А потом он ведет руку ниже, целует меня крепче, вздыхает как-то особо хрипло и весь мой мир медленно, *меееее* медленно уходит на второй план, а потом и вовсе меркнет.

Любовь между мужчиной и женщиной бывает разная, я пришла к этому только в свои двадцать семь. Я наблюдала за родителями, потом за мамой и отчимом, и видела совсем разные модели отношений. Я не знала, какая из них правильная, но хотелось изобрести какую-то свою.

Потом появился Фёдоров, там хоть и была любовь, такая юная, почти подростковая, но никаких моделей в ней, конечно, не было.

Лёша задал какую-то свою, новую модель, которая заключалась... в *отсутствии* модели.

Это был какой-то странный взаимоисключающий микс. Было и партнерство, и отношение свысока, как к ребенку, и «детка, я решу все твои проблемы», и «это вообще не проблема, чтобы ее решать». Были и цветы без повода, и серые, безликие подарки, типа сертификатов в крутые магазины, где я никогда не была. Зная, что я хочу велосипед, он мог подарить мне курс тенниса, потому что решил сам на него ходить, а потом высмеивать модель велосипеда, который в итоге я покупала сама. Он мог легко пропустить важную для меня встречу без особых предупреждений, никогда не хотел забирать меня с работы, даже если я просила, и страшно не любил вместе фотографироваться.

Ничего совсем уж плохого, до последнего времени, конечно, но и вовлеченности никакой.

Какую модель отношений задаст Дима, и могу ли я на это повлиять? Вот это вопрос так вопрос.

Пока вместо роз у меня цветы всего мира, частые сообщения, много нежности... и он слушает меня, и слышит.

— Ты думаешь обо мне, я угадал? — его руки опускаются на мои плечи и аккуратно сжимают. Такой секундный расслабляющий массаж и одновременно объятие.

— Как самоуверенный, Фёдоров! — резко поворачиваюсь в его руках и успеваю поцеловать его в щеку. — Не всё же время мне думать о тебе.

— Почему? Я же о тебе все время думаю, — он улыбается какой-то невыносимо теплой улыбкой и у меня щемит в груди. Ну, надо же, кто бы мог подумать, что мы встретимся спустя столько лет, будем работать в одной (его) компании, а расставаться только поздно вечером и далеко не всегда. Мы *встречаемся*, так это до сих пор называется.

Вот уже неделя прошла после наших жизнеутверждающих, судьбоносных выходных, а я всё поверить не могу. Я его *люблю*. Надо же. Каждый день пробую это слово на вкус, но ни разу больше не произносила его вслух. Зато в половине случаев опять называет его по фамилии, потому что мне опять это нравится.

— А я думаю о том, кто дал твоей бывшей ключ. О том, что Лёша подозрительно затаился, но это еще явно не конец. И вообще, соблюдай субординацию!

— Я звонил ей сегодня, как раз хотел тебе рассказать. Она говорит, в почтовый ящик положили конверт с адресом, ключом и запиской. Там была какая-то пафосная речь, что любовь всей ее жизни (*это я*) пал от чар мошенницы (*это ты*) и надо его (*меня*) спасать. Всё чистое, концов нет, отпечатков тоже. На камерах просто курьер, возник ниоткуда, пропал в никуда.

— Это может быть дело рук Лёши. Я говорила, у него руки длинные, но как это

доказать? Нельзя же наказать невинного человека, отдав журналистам на растерзание, — пожимаю плечами я.

— А я бы отдал. Правда последствия непредсказуемы.

— Я подумаю, — отвечаю я, обнимая его еще раз. — А теперь топай работать. Субординация.

А когда в конце рабочего дня я выхожу на улицу, чтобы захватить кофе в ближайшем кафе, меня ожидает очередной сюрприз.

Я останавливаюсь с попытке выбрать, в какое кафе идти за кофе. Тут есть парочка хороших мест, в одном готовят чудесный тыквенный латте, а в другом не менее потрясающий лавандовый раф. В раздумьях, чего бы мне хотелось больше, я останавливаюсь на ступеньках и тут же вижу направляющуюся ко мне девушку. Я могла бы ошибиться, но не будет человек просто так целенаправленно идти прямо и смотреть мне в глаза, если просто прогуливается мимо.

Я немного напрягаюсь, в конце концов, Лёша многое сделал для того, чтобы расшатать мои нервы, почему бы им и сейчас не шалить.

На вид девушке лет двадцать, у нее светлые волосы, немного раскосые глаза и она вся, просто с ног до головы, бежевая. Внешность довольно экзотическая, слегка восточная, так что волосы точно крашеные. Зачем я это для себя подчёркиваю, интересно?

— Привет, Алиса. Я хочу, чтобы ты исчезла из жизни Лёши навсегда, — заявляет девушка, и я понимаю, что это та самая Анфиса.

Она говорит довольно уверенно, явно заготовленную и отрепетированную заранее фразу. Голос приятный, да и на вид, если убрать мое раздражение, вполне симпатичная девушка, снять бы еще с нее снять этот бежевый аутфит. Хотя, может, это просто защитная реакция и он вполне хорош? Но меня не покидает чувство, что ее лицо просто в фоторедакторе вставили в этот наряд. Слишком уж эти вещи для нее блеклые... Лёша всегда был фанатом этого цвета на женщинах и вот, пожалуйста, ходячий результат. Еще и имена так похожи, Алиса, Анфиса, очень созвучно. Интересно, специально выбирал?

Это немного улучшает мое настроение, но раздражение никуда не девается

— А ты, видимо, Анфиса. Ну, не могу сказать, что рада познакомиться. Это, конечно, фантастическая наглость приходить ко мне, да еще и с такими просьбами. Но, вот что интересно, я и сама многое бы отдала, чтобы исчезнуть уже из его жизни. И даже пару недель ничего о нем не слышала. К счастью.

Анфиса выглядит удивленной и настороженной. Наверное, она должна бы вызывать у меня что-то посильнее раздражения, например обиду, ярость, желание вцепиться ей в волосы или хотя бы просто послать к черту. Все-таки, мой мужчина изменял мне с ней довольно долгое время, а я тогда его любила, планировала детей и замуж.

Но в итоге все, чего мне хочется — чтобы она забрала Лёшу и держала где-нибудь подальше от меня, даже если для этого его придется приковать наручниками к батарее. Очень соблазнительная идея.

— Я думала, ты хочешь его вернуть, — настороженно говорит мне девушка, хмуря брови и явно что-то прикидывая в голове. — Всё время где-то всплывает твое имя, какие-то фото на его телефоне. Ты говоришь мне правду?

— Нет, конечно! Мне же необходимо стоять и вешать лапшу на уши любовнице моего бывшего, чтобы... чтобы что, подскажи?

Анфиса на секунду впадает в ступор, а потом как-то сдувается. Опускает плечи, выдыхает, ее брови становятся абсолютно круглыми, а лицо приобретает грустное выражение. Фантастика, расстроенная любовница, вот уж не думала созерцать такое.

— Я думала, это твои происки. А выходит, он сам не хочет от тебя отстать? — ее голос становится грустным и обиженным, как в плохой мелодраме, где второстепенная героиня,

обычно злодейка, объясняет свои планы по завоеванию мира главной героине. Чтобы зритель точно все понял, и не пришлось анализировать, ведь это такая тяжелая умственная работа.

— Анфиса, я ушла от Лёши, потому что он тиран и диктатор, я даже не знала, что он мне изменяет. Он стал портить мне жизнь, я попросила его этого не делать. В силу некоторых обстоятельств, он пропал с радаров, очень надеюсь, что навсегда. А теперь извини, меня страшно раздражает наш разговор, я хочу кофе, и меня ждут. Пожалуйста, если он так тебе нужен, держи его от меня подальше. Я с радостью никогда его больше не увижу.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и Анфиса не решается меня задерживать. Я почти вижу, как в ее голове активно вращаются шестеренки, как она взвешивает мои ответы, пытается понять, правду ли я сказала. Не хочу больше смотреть на нее, так что уверенно иду налево, в кафе, где продается лавандовый раф. Не хватало еще, чтобы этот разговор лишил меня этого сливочного удовольствия.

В последнее время я стала заметно счастливее и это явно связано с Димой. Выхожу из кафе с двумя стаканчиками, а он уже ждет меня в своей пафосной машине с золотыми дисками. Я уже несколько раз шутила на эту тему, но Дима героически отбивал все мои атаки. Все-таки, он мечтал именно о такой машине очень давно, сам на нее заработал, так что кто я такая, чтобы спорить с этим.

— Привет, свет очей моих. С напитками, собаками и на коньках в наш звездолет нельзя, — говорит он сквозь опустившееся стекло, хитро улыбается и ждет моей реакции.

— Осторожно. Свет очей твоих сейчас выльет тебе этот лавандовый раф прямо на дорогие штаны, в самую опасную зону, потому что раздражена одной внезапной встречей, — говорю я, останавливаясь рядом с пассажирской дверью, которую он тут же выходит для меня открыть.

— Жестокая, жестокая женщина! — он возводит глаза к небу и смеется, а потом захлопывает за мной дверцу. — Кого такого зубодробящего ты успела встретить, раз угрожаешь мне пытками?

— Лёшину любовницу.

На этом моменте Димины брови поднимаются так высоко, что грозят побить мировой рекорд, если такой существует. Я рассказываю ему все, как было и мы приходим к выводу, что она вполне могла быть искренней. И думать тут особо не о чем.

Но мысль о том, что Лёша опять что-то планирует, все активнее и активнее крутится в моей голове.

— Почему он бездействует?

Я расхаживаю по своему относительно новому кабинету, скрестив руки на груди. Аня впервые у меня в гостях на новом месте, восседает в мягком кресле и задумчиво покусывает нижнюю губу. Мы раньше часто обсуждали насущные проблемы вот так, диалогом, за чашкой кофе.

— Может он успокоился и все-таки решил оставить тебя в покое? — предполагает она.

— Маловероятно. К чему тогда любовница приходила? Говорила, что у него какие-то мои фотки, что говорит что-то обо мне... Не сходится.

Я хмурюсь, перебирая пальцами в воздухе. В груди разливается нервозность, она какая-то нетерпеливая и липкая, облизывает ребра изнутри. Мне страшно не нравится это затишье, оно обычно бывает перед бурей.

— Окей, давай вместе подумаем, что он может сделать?

— Попытайся еще раз меня уволить, — предлагаю я вариант. — Но тут разговором с боссом не обойдется, это все-таки Дима.

— Хорошо, увольнение не подойдет, тогда что? — Аня отпивает кофе из чашки, чёркая ручкой в блокноте.

Это такой формат брейнсторминга, который мы раньше часто использовали в учебе, а потом и на работе. Словесный пинг-понг, очень хорошо суммирует данные, собирает даже самые мелкие идеи в одну большую картинку, да и две головы всегда лучше одной.

— Разорить компанию? Но тут все кристально чисто, я проверяла, наши юристы смотрели, Ахмедова лично копала и ничего не нашла. Подставу мы раскусим, раз ждем. Как еще можно навредить компании?

— О, Ахмедова, это которая гений в сером бизнесе? Ну, тогда в самом деле чисто, она умеет раскапывать грязное бельишко. Что еще... Сайт хакнуть, базы данных клиентов, вот это вот всё.

— Тут вроде тоже все надежно, Дима же с Фадеевым дружит, помнишь, в нашей параллели был коротышка такой? Мы в школе все вместе учились.

— Конечно, помню, это же тот компьютерный гений. Его рожа еще со всех столбов одно время смотрела. Слушай, вот же выпуск у нас удачный, да? Сколько светлых голов.

Когда я думаю про светлую голову, я сразу представляю Лёшу, который гордился тем, что он натуральный блондин, которых сейчас немного осталось.

Он на полном серьёзе говорил что-то о нордической красоте, которая в дефиците и сокрушался, что у меня волосы темные, ведь для генетики это шанс на шаг влево от блондинистого наследия. Бррр. Аж мурашки по коже, как же я долго терпела это всё, не понимая, что он буквально красным флагом с надписью «абыюзер» передо мной размахивал.

— Вернемся к нашим баранам. Одному конкретному. Что еще? — вопросительно смотрю на Аню. Давай, мегамозг, думай. Мы же два самых крутых аналитика нашей параллели.

— У нет на тебя ничего серьёзного? Фото, видео, может письма какие компрометирующие? Не подумай ничего плохого, я просто и со шкафами с толпой скелетов буду тебя любить, — Аня улыбается так лучезарно, что я тоже начинаю улыбаться.

— Никаких компроматов. Я чиста аки ангел, никаких грешков за мной нет.

Это правда, у меня была довольно правильная и честная жизнь, все по правилам, никаких темных делишек и особых потребностей. И сейчас я очень себе за это благодарна.

— Умница, детка. Тогда что, самый вероятный вариант — по информационной безопасности. Просто предупреди Фадеева и дело с концом, он профессионал. Ну и сама по темным переулкам не ходи.

— Меня обычно Дима отвозит. Кстати, где он? Опаздывает, — смотрю на часы, и правда, уже полчаса как должен за мной заехать. В груди шевелится непонятная тревога, ведь он никогда не опаздывает, даже на пробки время закладывает правильно.

Именно в этот момент телефон пищит, оповещая меня о новом сообщении, и я судорожно сглатываю. На экране высвечивается сообщение от Лёши.

«Передавай привет своему птенчику. Надеюсь, он себя хорошо чувствует.»

Сердце падает, я начинаю судорожно соображать, что делать дальше. Показываю сообщение Ане, и она тоже начинает судорожно искать варианты.

Все наши мысли были о нанесении вреда компании, но ни одна из нас не задумалась о нанесении физического вреда ее владельцу.

Димин телефон оказывается вне зоны доступа, после отъезда с выставки его никто не видел, а было это три часа назад. Я думаю о самом плохом, заламываю руки, Аня отпаивает меня водой и Валокордином, который раздобыла у кадров, утверждая, что он не мог сделать ничего серьёзного.

Этого просто не может быть. Это просто Лёша, да, со связями, да, какой-то неадекватный, но все еще не криминальный авторитет, а мальчик из хорошей семьи. Возможно, у него извращенное понятие о справедливости, но до членовредительства он дойти не должен. Я слушаю ее и пытаюсь не скатиться в истерику.

Спустя еще час, в мой кабинет заходит секретарь. Несколько секунд она вся собирается с духом, тем самым просто уничтожив мои нервы, как-то мнетяся, но потом все-таки находит слова.

— Алиса, Дмитрий в больнице.

Я не помню, как собираюсь, как еду в больницу, как спрашиваю, где находится Дмитрий Фёдоров. Клиника большая, явно платная, потому что внутри нет ничего похожего на наши обычные больницы. Я насмотрелась на них, когда мама сломала ногу в нескольких местах, со смещением и всеми пирогами, так что отлично помню все эти страшные душные коридоры с окошком в самом конце. Иногда даже с решеткой, наверное, чтобы не сбежали.

А тут явно кондиционеры, много окон и отличный свет, правда, совсем белый, но больница все-таки, ничего удивительного. Я пытаюсь думать о всякой ерунде, рассматриваю жалюзи, халаты медсестер, лишь бы не сойти с ума от волнения. Где ты, Дима? Что он с тобой сделал?

— А вы кем приходитесь пациенту? — спрашивает меня строгая дама в приемной.

— Я его девушка, — сиплю я и понимаю, что меня к нему, наверное, теперь не пустят. Пускают ведь только родственников, я ведь откуда-то это знаю, хоть и не помню откуда. Но в этот момент выражение лица женщины в больничном халате меняется на сочувствующее и это просто выбивает меня из равновесия.

И вот я стою перед палатой в полной панике и никак не решаюсь войти. А вдруг он при смерти? А вдруг у него множественные переломы? Мозг рисует мне ужасающие картины, в горле стоит ком, и я каждую секунду одергиваю себя.

Не плачь, Алиса. Нельзя плакать.

Толкаю дверь и захожу в двухместную палату, такую белую и светлую, что даже непривычно. Пищат какие-то приборы, а многочисленные трубки и проводки из них тянутся к единственному, почти полностью перебинтованному человеку.

Сердце падает опять, грудь стягивает железным обручем так, что невозможно дышать. Да ничего вообще невозможно, в этот момент мне кажется, что даже кровь перестала циркулировать в моем теле и просто застыла, как и дыхание, как и сердцебиение. Я просто стою и бессмысленно смотрю на человека на больничной койке, не в силах шелохнуться. *Не плакать, Алиса. Нет.*

Боже. Я встречалась с человеком, который сделал такое. И сделал это с человеком, которого я люблю, без всяких «наверное» и «не уверена». Это просто катастрофа, какой-то кошмарный сон, нелепый и ненастоящий.

Я делаю крошечный шаг, потом второй, и ловлю себя на мысли, что даже ноги задеревенели и совсем не идут. Ну давай, шаг, еще шаг.

Все же подхожу к кровати, дрожащей рукой касаясь кусочка незабинтованной кожи на его руке, очень осторожно, боясь сделать больно. Но вдруг понимаю, что он спит или без сознания.

Без сознания, ну как же так, а?

Лёша, сволочь, чертов садист и бандит, ну держись, ну я тебе сделаю... Все сделаю, чтобы разнести твою жизнь на тысячу кусочков. Ничем не погнушаюсь.

Я сжимаю кулаки до красных полумесяцев от ногтей на ладонях, но это совсем не отрезвляет, делает только хуже.

Слезы сами катятся по щекам, размазывая тушь и пудру. Плевать. Он все равно не может сейчас этого увидеть.

— Алиса? — произносит голос за моей спиной, и я вся напрягаюсь, застываю соляным

столбом посреди палаты, не в силах даже вздохнуть.

Я не тороплюсь оборачиваться, потому что, стоит мне это сделать, и я узнаю, кто его обладатель. Вдруг я ошиблась? Вдруг воспалённое сознание играет со мной?

Зажмуриваю глаза напоследок и храбро оборачиваюсь.

Вот он, стоит в двух шагах от меня, Дмитрий Фёдоров, моя первая любовь и причина множества бессонных ночей, слёз в подушку и последних недель абсолютного, незамутненного счастья.

Тот самый, который вырос, возмужал, стал еще красивее и руководит компанией.

У него разбита губа, ссадина на скуле, сбиты костяшки пальцев, но он стоит на своих двух и даже улыбается.

Колени подгибаются от недоверия, возмущения и облегчения. И через секунду я уже в его объятиях, смеюсь, рыдаю и пытаюсь понять, можно ли его побить или у него есть какие-то повреждения, которые и так причиняют ему боль.

— А это тогда кто? — я всхлипываю, и тычу в пальцем в забинтованного мужчину справа.

— Это двухместная палата, других не было, а они отказались отпустить меня и положили на несколько часов сюда после МРТ и рентгена. Понаблюдать, — пожимает плечами Дима.

— Я думала это ты. Секретарь сказала, что ты в больнице, — я закрываю лицо руками и ожесточенно тру его. Конечно же, это нервное. Какое же еще.

— Я оставлял ее телефон как контактный для таких случаев, — согласно кивает Дима. — Мой они забрали сразу, даже позвонить тебе не успел.

— Да черт с ним, с телефоном. Я так испугалась, думала, поседею, пока сюда ехала. Никаких подробностей по телефону! А мы с Аней как раз обсуждали, почему Лёша затаился. Это же был он?

— Это была пара крепких ребят, которые передали от него привет. Ты заметила, он все время передает приветы? Просто идиотская привычка, — Дима как-то неосторожно дергает губой и хмурится, видимо, сделав себе больно.

— Он написал мне сообщение. Интересно, его можно использовать в суде? Наверное, нет... Что у тебя с повреждениями? — задаю я кривой и некрасивый вопрос, но он понимает о чем я.

— Все нормально. До свадьбы заживет. Так, трещина в ребре, ушибы, синяки, ничего страшного. Даже сотрясение мозга не подтвердилось.

— Я тебя люблю, — вдруг выдаю я. Мне почему-то очень нужно это сказать ему, вот в эту секунду, уверенно и твердо, потому что я в этом теперь абсолютно уверена. Теперь я понимаю, почему в ромкоммах часто используют трюк с признаниями в любви, когда герои думают, что самолёт падает. В последний час я, как будто, падала вместе с этим самолетом.

— Я тоже тебя люблю. Все будет хорошо.

Мы еще долго обнимаемся в палате, потом в коридоре, на посту старшей медсестры и на самом выходе. Я больше не хочу его отпускать. Никогда.

А компромат я солью всем известным мне должностным лицам, журналистам и Санниковым-старшим. Завтра.

Никто не имеет права покушаться на *моё*.

Все-таки решаюсь сделать то, что задумала.

Зря Лёша считал, что у меня нет друзей, ведь у меня их много и почти все они не просто классные люди, но еще и полезные. У меня есть и звездный кондитер, и знаток черного рынка, и блоггер-миллионник, и компьютерный гений, и популярный журналист.

Но сегодня я очень рада, что среди моих друзей есть еще и следователь.

Конечно, я бы рада сказать, что прямо следующий день начинается с тысячи пропущенных от Лёши и проклятий в сообщениях, но жизнь течет значительно медленнее, чем показывают в сериалах или пишут в книгах.

Так что тысячу пропущенных и отборные проклятия я получаю только спустя две недели.

К этому моменту я уже морально готова, Дима уже почти выздоровел и практически огурец, не считая трещину в ребре, но она вообще заживает недель за шесть, а то и восемь. Так что всё по плану. А пока я нахожу удовлетворение в том, что все время делаю ему замечания. *Не поднимай тяжелого, Дима. Тебе нельзя напрягаться, Дима.*

Он сначала терпел, а теперь очень смешно взрывается от этих комментариев. Но я знаю, как загладить вину, и успешно это проделываю почти каждый вечер.

В любом случае, мы наняли охрану от греха подальше, так что каждое утро с нами в машине ездит вооруженный человек, то довольно долго меня нервировало. С другой стороны, это почти что гарантия, что еще парочка безымянных качков внезапно не появятся в темной подворотне.

— Смотри-ка, началось, — я показываю телефон Диме, и он присвистывает от количества пропущенных звонков.

— Надо же, как ты ему хвост прищемила. Что ж там было такого, в твоём компромате?

— Ничего особенно страшного я Кузнецову не отдала, просто удар по репутации Лёши и его родителей. Уголовки там нет, если ты об этом. Но туз в рукаве я себе оставила, — нервно улыбаюсь.

Конечно, в документах для Антона, того самого следователя, я не показала ничего непоправимого, но я все еще не понимаю, как Лёша мог быть таким беспечным и оставить доказательства против самого себя на виртуальном диске. Это же облако! Вон даже откровенные фото звезд в сеть выкладывали, их облачные хранилища взламывали, весь мир тогда гудел. А тут просто на блюдечке с золотой каемочкой.

Телефон вспыхивает номером Людмилы Санниковой, Лешинной матери и я решаю взять трубку.

— Алло, — я отвечаю твердо и громко, по крайней мере, говорю себе именно это, хоть и очень нервничаю.

— Алиса, это Людмила. Мы получили неприятные известия и хотели бы прояснить, как такое могло случиться, — голос матери моего бывшего жениха такой спокойный и холодный, что меня и саму бросает в дрожь.

— Хорошо. Если кратко, мы с вашим сыном расстались. Он приложил все усилия к тому, что бы лишит меня работы. Дважды присылал ко мне на работу проверку и людей в масках. Он угрожал мне. Нанял людей, которые избили моего мужчину. Я несколько раз просила его остановиться, но это не сработало. Я звонила вам и Аркадию Семеновичу, не

никто из вас не взял трубку и не перезвонил. У меня не осталось другого выхода.

Я перевожу дыхание, ожидая, что смогла донести до Людмилы хоть часть несправедливости в этой ситуации, но допускаю ошибку.

— Я думала, ты умная девочка, Алиса, и это просто недоразумение, — цедит она.

— А я думала, что Лёша здравомыслящий мужчина, а его родители помогут донести до него простую истину — меня нужно просто оставить в покое. Я не хочу воевать. Я просто хочу спокойно жить дальше.

— Слишком поздно для спокойной жизни, не считаешь? — раздраженно произносит она, а меня просто взрывает от несправедливости. Вот это семейка!

— Людмила, мы же взрослые люди. Пожалуйста, предостерегите сына от опрометчивых шагов. У меня есть, чем еще его удивить, и это удивление может продлиться долго. До пяти лет. Вы уверены, что вам всем это нужно?

На той стороне виртуального провода повисает тяжелое молчание. Я тоже молчу, в напряжении сжимая зубы. Этот разговор оказался еще неприятнее, чем я могла бы себе представить.

— Маленькая дрянь, — выплевывает Людмила через несколько секунд.

— Если со мной что-то случится, все документы попадут к следователю, журналистам и парочке очень интересных людей. Повторюсь, я просто хочу жить спокойно и никогда больше не сталкиваться с вашим сыном.

Едва я договариваю последние слова, в трубке слышатся короткие гудки. Я перевожу дыхание и закрываю лицо руками. Ох, как будто играла на дудочке перед огромной коброй.

Дима, который все время стоял в паре метров от меня, подходит поближе и молча обнимает меня за плечи.

— Она могла бы стать моей свекровью, — я смотрю в пространство перед собой невидящим взглядом и качаю головой. Это что-то невероятное. Эта женщина — верховный судья, свирепый хищник и очень злой, опасный противник. Она могла стать частью моей семьи, бабушкой моих детей. Это просто до чертиков страшно.

— Не думай об этом, — он прижимает меня еще крепче, и от жара его тела мне становится немного теплее.

Я бы хотела не думать об этом, но никак не могу. За ним большая, влиятельная семья, а у меня есть только я сама, доказательства Лёшиных махинаций и пострадавшая самооценка. И Дима, который активно дает мне понять, что не отступит и закроет меня собой, если понадобится. Вот только конца и края не видно моим неприятностям, так что я обреченно шепчу ему в шею:

— Это еще не конец.

За последние несколько месяцев моя жизнь круто изменилась. Я бы многое отдала, чтобы она стала спокойнее и тише, но новая работа и новый/старый возлюбленный — выше всяких похвал.

— Я кофе сварил, — оповещает Дима, протягивая мне чашку.

— Еще и кофе хороший варить умеешь, вот же повезло мне, — хвалю его, сделав первый глоток. Казалось бы, что сложного, засыпал, перемешал, не дал сбежать, но куда там! Судя по моим наблюдениям, это целая наука, которая еще и не каждому дается.

Дима тепло мне улыбается, и, наверное, его улыбка выходит такой лучезарной потому, что у него улыбаются глаза. А ведь есть такие люди, у которых глаза остаются безжизненными, даже когда они пытаются показать благосклонность, радость или счастье. Всегда таких боялась.

— Я еще готовлю хорошо, — хвастается он, и я тут же представляю красивый, сочный стейк на тарелке, рядом лежит зеленый салат и картофель по-мексикански.

— Ты поосторожнее с заявлениями, я большой любитель мяса и сейчас неизбежно проголодаюсь.

— Тогда давай запланируем мясо на ужин, только у меня, если ты не против. Тут места маловато, а дома простор и мои японские ножи, — он обводит взглядом мою светлую студию, и виновато пожимает плечами.

Я не обижаюсь, моя студия невелика, но очень мне нравится. Да и я съезжала впопыхах, мне уж точно было не до сборов ножей и кухонной техники, даже турку себе новую покупала, взамен оставленной у Лёши. Сегодня выходной, можно позволить себе поздний ужин в гостях.

— Идеальный мужчина, — я целую его в щеку и думаю, не слишком ли много его хвалю, вдруг это не на пользу. А с другой стороны, хочу и хвалю, не хватало себя еще ограничивать.

Когда он уезжает искать лучшие ингредиенты в мире, я тоже собираюсь по делам. Звонок с незнакомого номера застает меня за выбором новой пижамы. В трубке раздается женский голос.

— Привет, это Анфиса. Удели мне пару минут, это очень важно.

Вот уж кого не ожидала услышать, надо сказать.

— Слушаю внимательно, — мой голос холоден, но я не могу скрыть любопытства. С чего новой девушке Лёши звонить мне, бывшей? Учитывая, что мы не так давно виделись, и я четко обрисовала свою позицию.

— Тебе не нужно сегодня появляться дома, — ошарашивает она меня.

— Я не понимаю...

Мысли начинают метаться в голове, как шары по сукну бильярдного стола. Лёша что-то задумал? Нужно ли ей верить? Все-таки она на стороне «врага», если можно так сказать.

— Лёша собирается приехать к тебе вечером. Я не знаю, когда, но на твоём месте я бы не ехала домой сегодня.

— Ты думаешь, я его боюсь? Зачем ты мне вообще это говоришь? — я не знаю, возмущаться мне или смеяться, что чувствовать и что делать.

И вообще-то я его боюсь, но ей не нужно об этом знать.

— Я знаю, что он больше не любит тебя, но почему-то не может отпустить. Ему просто нужно понять, что всё кончено.

— И для этого мне нужно не появляться дома? Откуда он вообще знает, где я живу?

— Не знаю. Просто... — в трубке слышится глубокий вздох, — я беременна. Я хочу семью, а не тень бывшей девушки за моим плечом.

Эта новость обрушивается на меня, как сто тонн цемента. Он затягивает, не дает дышать и двигаться, и мне приходится напомнить себе, что мы больше не вместе, а Лёша может распоряжаться своей жизнью, как он хочет. Просто это все слишком быстро. Слишком.

— Он знает?

— Я скажу ему на днях, — неуверенно говорит она, а потом продолжает более уверенно. — Ты говорила, что не хочешь больше его видеть. Я могу помочь.

Любовница моего бывшего, с которой они встречались, пока я еще была его девушкой, беременна. И говорит мне об этой первой. Зачем ей это? С другой стороны, а что я теряю?

Я так ошарашена этой новостью, что отвечаю не сразу.

— Хорошо. Спасибо, Анфиса.

Это растерянное спасибо, потерянное и тихое. Недоверчивое. Но, похоже, она это понимает.

— Прости. Я просто влюбилась, а оно вон как повернулось, — так же тихо и искренне говорит она.

Я еще долго думаю об этом разговоре, сидя за чашкой кофе в мягком кресле сетевого кафе. Слишком много событий, слишком мало времени. Решаю, что ничего плохого не будет, если сегодня я останусь у Димы и вызываю такси.

А на следующий день, возвращаясь домой, вижу воткнутую в угол двери записку.

Этот мир может просто оставить меня в покое? Я всего-навсего хочу позавтракать с любимым мужчиной, потом пообедать, потом поужинать. Однажды выйти замуж, однажды завести детей. И все с любимым мужчиной. И позавтракать, пообедать, поужинать. Да, любовь, дети, еда. Всё.

Это всё, что мне нужно в моей брэнной жизни.

Работа еще, возможно.

И друзья, окей.

Но нет! Мне угрожают, звонят, вон, записки оставляют. Ну почему именно я? Чем я так отметилась?

В записке нет угроз, это просто листок бумаги, где написано «надо поговорить», без подписи, печатным шрифтом. И я отлично знаю, что это Лёша.

Анфиса была права, он, в самом деле, приходил, но видеться с ним я не хочу, хотя, наверное, придется.

Мне всегда казалось, что максимум, который возможен при разрыве бездетной пары, это дележка посуды, мебели и нажитого добра. Возможно, домашних животных. В неадекватных случаях — разрезают одежду партнера, выбрасывают ее через балкон, разносят в пух и прах всякие дорогие сердцу бывшей половины коллекции Звездных войн или дисков с клубничкой. В самых неадекватных случаях — разбивают его машину битой, режут шины или шторы в квартире. Ну, что-нибудь с актами вандализма.

Но чтобы так, как у меня — не слышала.

Через пару дней, когда мое терпение почти лопається, раздается звонок от Лёши, и на этот раз я решаюсь взять трубку.

— Слушаю, — говорю я и готовлюсь слушать трэш, но почему-то этого не происходит.

— Здравствуй, Алиса, — на том конце трубки слышится знакомый голос, немного нервный, но вполне адекватный на первый взгляд. Или на первый слух. — Есть минутка?

Я очень жду подвоха, потому что тот мужчина, в которого он вдруг превратился, не мог бы разговаривать со мной вот так. Он всегда язвил, кричал, рассказывал, что я виновата и вообще продажная женщина. Напускал на меня какой-то... спецназ, иначе не скажешь. Кто вообще были эти люди, не знаю. Не разбираюсь я в них, что логично. Но сейчас что-то происходит иначе, голос напоминает тот самый, знакомый мне, почти родной.

— Да, Лёш. Я тебя слушаю, — говорю я по спокойно. И такая меня берет ностальгия, что даже горло немного сжимает спазмом. Когда мы в последний раз так разговаривали хоть минуту, чтобы без угроз, крика и ругани?

— Я хочу поговорить и все прояснить, раз и навсегда. Анфиса просит сделать это по телефону, а не лично, — его голос не дрожит, не меняется, но я чувствую, что этот разговор уже дается ему сложно. Он как будто читает по бумажке, и я не удивлюсь, если так оно и есть. Удивляюсь, что он говорит мне об Анфисе, возможно, считает это небольшой оправданной мстостью, а может просто вписал ее, наконец, в свою жизнь основательно.

— Хорошо, — отвечаю я.

— Я больше не буду преследовать тебя или твоего... парня, — это слово он выделяет, почти выплевывает, но не яростно или зло, а просто не зная, как его назвать. Отсюда растерянность и пауза, догадываюсь я. — И я прошу отозвать своего следователя. Я не стану

больше тебе вредить.

— Спасибо, — я отвечаю спокойно, без лишних эмоций и интонаций. Просто боюсь спугнуть удачу. — Я поговорю с ним и заберу заявление, если ты, правда, обещаешь больше не вредить нам. Но какие-то процессы, наверное, уже не остановить.

— Знаю. Я скоро стану отцом, — говорит он потерянно. — Больше не хочу воевать.

Я позволяю себе помолчать пару секунд. Это всё правда. И она ему сказала. Я ведь знала об этом уже несколько дней, но всё это так иррационально, так странно. Вот мы были вместе, несколько долгих лет, а вот мы по разные стороны баррикад, у него другая девушка и она ждет ребенка. Сюр какой-то.

Но вся ситуация обещает мне тот самый долгожданный покой, так что я быстро беру себя в руки.

— Я тебя поздравляю. Вас. Тебя и Анфису, — говорю я медленно, отрывисто, но довольно искренне, и слышу выдох в трубке.

Я еще не до конца поняла, что на самом деле думаю об этом, но горечи или разочарования не чувствую. В этом мире скоро появятся еще одни родители. Это, как ни крути, хорошо.

— Спасибо.

Он молчит некоторое время и я понимаю, что разговор подошел к завершению, когда он вдруг нарушает молчание.

— Я хотел еще раз спросить, ты изменяла мне? Скажи честно, — вдруг спрашивает Лёша, и я понимаю, что он просто хочет поставить точку в своих сомнениях. Чтобы начать заново, но уже не со мной.

— Нет, Лёш. Правда, не изменяла. Мы расстались потому, что слишком разные. Я рада что ты скоро станешь... папой. Ты будешь очень хорошим отцом.

Мой голос не дрожит, не ломается, я, в самом деле, уверена, что он станет хорошим отцом. Лёша, которого я знала три года, точно им бы стал. А тот странный мужчина, которым он был в последнее время... Ну, надеюсь, он не вернется.

— Спасибо.

Он кладет трубку без прощаний, но мне они не нужны. Я слышу в трубке короткие гудки, и мне очень хочется надеяться, что завтрашний день не принесет сюрпризов.

Но, он приносит.

Сюрпризы — это отдельная тема, которая заслуживает уйму внимания и обсуждений. Есть сюрпризы на миллион, правда не долларов, а проблем и люди, их устраивающие, вполне заслуживают свой индивидуальный котел в аду.

Например, однажды моя соседка снизу решила, что у нас в квартире что-то шумит, сверлит и вообще происходит непотребство. Это было года два назад, я в тот момент радостно печатала план по продвижению одного клиента на своем старом, выдавшем виды ноутбуке. Ноутбук, надо сказать, работал только от сети, батарея там давно пала смертью храбрых, но я всегда не любила перемены, так что старому другу оставалась верна.

И вот соседка решает, что стучать в дверь сложно, напряжно и вообще незачем. Зато отщёлкнуть автомат на счетчике в коридоре — идеальное решение проблемы.

Надо ли говорить, что план не сохранился, несколько часов и листов коту под хвост, а с соседкой мы больше никогда не разговаривали спокойно и вежливо, поскольку я решила показать, что значит шуметь на самом деле.

Но бывают и другие сюрпризы, более приятные.

Не далее как тридцать секунд назад Дима сделал мне предложение. Я как раз мыла половник и повернулась на зов с ним в руках. И вот я стою, в полном шоке смотрю на мужчину, который стоит передо мной, приклонив колено, а в руке у меня половник, с которого на пол капает вода.

Он молчит, то ли не зная, что сказать, что априори странно, ведь если уж ты решил сделать предложение и даже стал на колено, то надо выдать из себя само предложение. То ли увидел выражение моего лица и ждет, когда я отомру и положу этот самый половник. Тем временем, с него все еще капает вода, стекая по моей руке. А в моей голове со скрипом вращаются шестеренки.

Как можно было додуматься делать предложение дома, в такой необычной ситуации? У меня нет ответа на этот вопрос. Зато, есть подтверждение сего факта, потому что Дима держит в руке бархатную коробочку.

Я могла бы предположить, что там серьги, а это просто такая шутка, но нет, коробочка открыта и в ней, переливаясь всеми цветами, видимыми глазу, красуется тоненькое колечко с крупным бриллиантом. Ну, понимая состоятельность Димы и то, как камень рассыпает вокруг радужные искры, можно догадаться, что он настоящий, чистый, с карат, не меньше.

Не то, что бы я заделалась ювелиром, но кольцо для Ани вы с ее будущим мужем выбирали вместе, а поскольку он яры перфекционист, под конец я могла на глаз определить размер, чистоту и примерную стоимость. Не говоря уж о том, что меня просто тошнило от ювелирных магазинов.

Я отмираю еще через пару минут и опускаю половник на столешницу, нащупываю полотенце, что бы вытереть руки, и всё это не отрывая взгляда от Димы. Впервые вижу мужчину на одном колене так близко.

— Это что, предложение? — выпаливаю я и нервно сглатываю.

Дима улыбается и переводит глаза с меня на кольцо и обратно. Пожимает плечами.

— Оно самое, — отвечает он коротко и опять замолкает, тем самым заставляя меня нервничать.

И что мне делать дальше? Он что, собирается так и стоять в такой неудобной позе,

молча, с вытянутой рукой? Он серьезно, что ли? Вопросы роятся в моей голове, такие громкие и неразборчивые, они почти оглушают и не дают мне понять, что делать дальше.

— Ты хочешь за меня замуж? — спрашивает Дима и к рою вопросов добавляется еще один, самый сложный из всех.

— Я об этом как-то не успела подумать, — смущенно отвечаю я.

— Я тебя люблю. Ты любишь меня. Я не хочу больше терять время, — пожимает плечами он и еще ближе протягивает коробочку с кольцом.

— Мне нужно подумать, Дим. Ты видишь, во что сейчас превратилась моя жизнь, мне просто нужно немножко времени. Мы его не потеряем, честное слово, — я как будто оправдываюсь перед ним за то, что не могу сейчас дать ответ и сама на себя злюсь.

Я же не отказала, просто попросила немного времени.

— Я не буду тебя торопить. Ты — женщина, с которой я хочу провести всю свою жизнь. Я хочу проснуться ночью, протянуть руку и нащупать тебя рядом, сладко спящую. Хочу вместе ездить в отпуск, выбирать обои, забирать тебя с работы. Хочу детей. Когда-нибудь, когда ты будешь готова. Вот и все, что я предлагаю.

От этих слов что-то приятно сжимается в груди, ведь это ровно то, что я хотела бы услышать. Но я так растеряна, так *потеряна*, что просто застываю на месте.

Он встает и подходит ко мне, замершей у раковины с самым глупым выражением лица, и вкладывает в открытую ладонь бархатную коробочку.

— Пока ты будешь думать, пусть кольцо будет у тебя. Даже если счет пойдет на месяцы, я буду ждать твоего ответа, поняла?

Я киваю часто и бессмысленно, как китайский болванчик, сжимая коробочку в ладони крепко-крепко, а он только усмехается.

— А теперь расслабься, и пойдём, посмотрим «Реальную любовь», это же твой любимый? Я попкорн купил.

И я послушно иду за ним, удивляясь, откуда он может так хорошо меня знать. Я сжимаю коробочку в руках, пока идет фильм и потом, до самого позднего вечера, как будто боюсь выпустить из рук.

Но решение принять никак не могу.

И кто придумал эти сюрпризы?

— Ань, у меня тут кольцо, — говорю я подруге без приветствий, как только она берет трубку.

Меня разрывает от информации весь вечер и всю ночь, так что наутро я звоню Ане, а то писать такое рука не поднимается.

— О, то самое, что ты на выставке не купила? Ну, круто, поздравляю, долго же ты его искала, — щебечет трубка Аниным голосом, таким спокойным и радостным, что аж тошно.

А мне вот не до веселостей, между прочим, у меня тут коробочка, которая заметно оттягивает карман кардигана, наверное, потому что он вообще не предназначен для такой ноши. Ну, будем честны, карманы на кофтах, свитерах и кардиганах, вообще ни для какой ноши не предназначены, но я просто уже не могу держать этот бархатный кирпич в руке, он тяжелый, теплый и от него потеют ладони. Или они потеют от моей нервозности, но не признаваться же себе в этом, правда?

— Ань, у меня тут бархатная коробочка и каратник, — нетерпеливо объясняю я, и в трубке повисает молчание.

— Откуда? — растерянно спрашивает Аня в трубке. — Ты же разошлась с Лёшей. Я что-то ничего не понимаю.

— Разошлась, да. Его любовница беременна, так что он не хочет больше со мной воевать.

Я и сама долго не могла это переварить, потому и Аньке не рассказывала, да и никому другому, кроме Димы, но с ним все понятно — мы как попугайчики-неразлучники в последнее время. Наверное, у каждой влюбленной пары есть кусочек времени, в который они выпадают из жизни всех своих друзей и родственников. Да вообще из жизни, о чем это я. Вот эти парочки, которые на время прилипают друг к другу и никак не могут отлипнуть, все их видели на улицах.

У нас как раз такой период, кто-то даже успел мне сказать что-то вроде «такие милые, что аж тошнит». В обычное время я бы, может, и сама так сказала, но только не сейчас. Ну, лимон пожуйте, что я могу сказать, счастье — оно такое.

— Погоди, какая любовница? В смысле, беременна? — ее голос набирает громкость, но растерянность из него никуда не уходит, только добавляется еще неверие и даже чуть-чуть истеричные нотки.

— Анфиса, фотки которой мы смотрели. Лично мне сказала, а Лёша потом звонил, нормально поговорили, кстати, как в старые добрые времена.

— А кольцо-то откуда?

— Кольцо от Димы, — терпеливо поясняю я. В это есть что-то нелепое, ведь минуту назад я истерила, не понимала, как быть, куда деть руки, а теперь вот размеренно ввожу Аню в курс своей сумасшедшей жизни.

— Так, выходит, тебя все-таки можно поздравить? — спрашивает Аня в конце концов.

— Не совсем. Я еще не поняла, что об этом думаю, хочу ли замуж, не то что за него, а вообще. Ты помнишь мои последние месяцы, это же просто мыльная опера какая-то, еще и с вкраплением криминала.

— Я пока мало что понимаю и переварить тоже не могу. Но, посмотри на это с другой стороны. Мы пойдем выбирать тебе свадебное пла-а-а-тье! Ура! И потом, Фёдоров мне

нравится значительно больше Санникова. Он какой-то... нормальный.

Смеюсь. У Ани всегда с Лёшей не складывалось и, хоть она и не говорила ничего такого, но «я же говорила» было просто на лбу у нее написано, когда Лёша вдруг стал сумасшедшим сталкером. Метровыми буквами, скорее всего еще и неоновыми. А с Димой они вполне себе спелись, хоть я этого совсем не ожидала.

— Для этого мне еще нужно сказать «да», — отвечаю я сухо. Ну да, я все еще не знаю, что ответить, но Дима обещал меня не тормозить и дать время.

— Просто выдыхай, ладно? Придет время — скажешь. Я давно за вами наблюдаю, такие искры от вас летят, аж завистно. Так что просто не думаю об этом пока, оно само решится, просто попозже.

Легко сказать «не думай», а если все это мучительно крутится в голове? Ладно, надо просто заняться делом. И я упорно тружусь до самого вечера, периодически напоминая Диме, что он на другом конце города и встречать меня не надо, такси справится.

А вечером вместо такси за мной приезжает черный Майбах. Я сначала не понимаю, что это за мной, но тонированное заднее стекло опускается, и я вижу Аркадия Семеновича, Лёшиного отца.

Приехали.

Интересно, откуда у обычного налогового Майбах, да еще и с личным водителем? Это такое служебное авто? Ой, *не туда* я пошла учиться и работать, ой не туда.

Конечно, Аркадий Семенович не такой уж простой налоговый. Он большой руководитель, один из самых крупных, а еще у него есть специальное звание, «действительный государственный советник». Короче, сразу понятно, что птица крупная, хищная, летает высоко, и лучше к такой не соваться.

Однако, какой у меня выбор? Сажусь на заднее сидение, рядом с ним и машина медленно двигается с места, а двери со щелчком закрываются на замок. Я нервно сглатываю, но виду не показываю, в конце концов, ну не убьёт же он меня тут. Не убьёт же?

— Добрый день, Алиса. Думаю, ты догадываешься, о чем будет разговор.

Лёшин отец выглядит на все свои пятьдесят шесть, но годы добавляют ему солидности и важности. Это высокий и крупный мужчина в дорогом костюме, больше похожий на олигарха, чем на госслужащего. От него веет авторитетом и опасностью, по крайней мере, так мне кажется. На семейных ужинах я всегда опасалась его больше, чем жены.

— Добрый день, Аркадий Семенович. Да, я догадываюсь.

— Вы доставили нашей семье много проблем. А моя жена считает, что проблемы нужно решать основательно, раз и навсегда, — говорит он спокойно, смотря мне прямо в глаза.

Сердце падает, начинают потеть ладони, но я точно знаю, что показывать слабость нельзя. Тогда точно убьёт, непонятно только, в переносном смысле, или в прямом.

— При всем уважении, Аркадий Семенович, — я быстро собираюсь с духом и пытаюсь найти правильные слова, — я просто хотела уйти от вашего сына, тихо и спокойно. Он создал на моем пути все мыслимые и немыслимые преграды и я много раз просила его остановиться, прежде чем принять доступные мне меры. Но я не считаю себя проблемой, учитывая, что мы с ним недавно договорились и все-таки разошлись с миром.

Я делаю глубокие, медленные вдохи и выдохи, что бы скрыть свою панику и заполошное биение сердца. Один большой человек витиевато угрожает мне в дорогой тонированной машине, где личный водитель выглядит как Коммандо. Просто чудесно.

— Что ты хочешь этим сказать? — хмурится он.

— Только то, что мы, наконец, закончили наши сложные отношения. По соглашению сторон, так сказать. Я попросила своего друга закопать все обвинения и забрала все документы, что ему давала. Они у меня дома, я готова их вам отдать.

— И ты предлагаешь мне обо всем забыть? О том, что какая-то неблагодарная девка шантажировала моего сына?

— Господи, Аркадий Семенович, посмотрите на меня! Я никого не хотела шантажировать. Я просто хотела уйти от вашего сына. Ничего не просила, ничего не хотела, просто ушла. Он напустил на меня налоговую, каких-то людей в масках, звонил, угрожал, нанял людей, которые избили моего парня. Это поведение нормально мужчины в возрасте тридцати двух лет? Сына судьи и налогового? Он изменял мне целый год! И я не имела права от него уйти после этого? — я честно стараюсь сохранять спокойствие, но мой голос грозит сорваться на визг к концу этой нелепой тирады. Я беру секунду на то, чтобы отдышаться и он терпеливо ждет, что же еще могу ему сказать.

— Вы скоро станете дедушкой. Так займитесь реально важными вещами, а не травлей

одной беспомощной уставшей девушки, — смотрю на него устало и выжидающе, но вдруг понимаю, что он не знал об этом.

На лице обычно сурового и собранного мужчины проступает искреннее удивление и недоверие, а потом что-то еще, что я никак не могу идентифицировать. А ведь была совершенно уверена, что его ничем не проймешь.

— Лёша вам не сказал, — удивленно тяну я и это скорее утверждение, чем вопрос. Ну, в конце концов, никто не говорил, что это тайна.

— Не сказал. Виталий, поворачивай обратно, — обращается он к своему водителю и отворачивается к окну.

Несколько минут мы едем в молчании. Он задумчиво смотрит в окно, постукивая пальцами по сидению, а я сижу, ни жива, ни мертва, смотрю перед собой и надеюсь выйти из этой машины целой и невредимой.

Когда мы подъезжаем к зданию, где я работаю, я облегченно выдыхаю, а он всё же обращается ко мне еще раз.

— Я хочу, что бы ты отдала мне все документы на Лёшу. Абсолютно все, до единой бумажки. Что бы у тебя ни копии не осталось.

Он замолкает и оценивающе смотрит на меня, а я судорожно быстро киваю.

— Ты навсегда забудешь о нашей семье, — продолжает он, — тогда и наша семья о тебе забудет. Но если я узнаю, что ты не сдержала обещание и где-то всплывет неприятная информация... Я закрою тебя лет на десять. Все поняла?

Он говорит это совершенно металлическим тоном и только, дожидаясь моего кивка головой, немного смягчается

— Хорошего вечера, Алиса.

Раздается оглушительный щелчок и я понимаю, что двери машины открыты.

Выхожу на ватных ногах, по позвоночнику течет пот, сердце выпрыгивает из груди, но я понимаю, что хороший конец близок, так что беру себя в руки и шагаю в ближайшую кофейню.

Лечить нервы первоклассным лавандовым рафом.

Зачем человеку психолог, когда есть подружка и кофе? Ну, ладно, сдаюсь, это не очень уж экспертное мнение, но в моем случае комбинация «Аня и кофе» всегда срабатывает на ура, так зачем платить больше?

Мы болтаем часа полтора, не меньше, но тут разговор сворачивает не туда.

— Что ты решила с кольцом? — спрашивает Аня и я внутренне сжимаюсь. Хотя, оказывается, не только внутренне, ведь я понимаю, что зажмурила глаза, стиснула руки, зажатые в кулаки, и даже пальцы на ногах поджала. Вот это я понимаю, реакция так реакция.

Аня тоже это замечает и смотрит на меня удивленно.

— Ты что это вся скукожилась? Вопрос простой и не страшный. И если пока ничего не решила — тоже нормально, тебе же дали вагон времени.

— Я просто совсем не готова к свадьбе, — я хмурю лоб по привычке, и Аня тут же реагирует, неосознанно копируя мою мать, хлопая меня по нему ладонью.

— Не морщи лоб, морщины появятся! — восклицает она и я очень, очень удивляюсь.

Часто хлопая совершенно круглыми от удивления глазами, я смотрю на нее со смесью страха и восхищения.

— Ты что, врезала мне по лбу?

— Кажется, так оно и было, — смеется Аня.

Что ж, и это тоже кусочек моей личной терапии, потому что мысль о кольце и свадьбе перестает казаться такой уж опасной и страшной. Нет, я точно пока не готова принимать такие решения, но почему я не хочу замуж за Диму? Ну, вернее, почему я не хочу замуж в целом?

— Ань, а ты всегда замуж хотела?

— Думаю, да. Но я хотела платье, чтобы как кремовое пирожное, торт ярусом в десять и потом медовый месяц на островах. Лет с десяти хотела именно такой вариант свадьбы. А потом, после Саши, вообще ничего не хотела. Женя меня потом уговаривал.

— Я помню Сашу. Но он разве мог так отбить твоё желание выйти замуж? Ничего криминального не помню...

— Ничего и не было. Но однажды он заявил, что свадьба — единственный день, который принадлежит женщине, так что можно хоть платье-зефир, хоть торт размером с девятиэтажку. А потом, после свадьбы, женщина принадлежит мужу. И слышалось в этом, что вся ее счастливая жизнь заканчивается. Короче, бежала я от него так быстро, что пятки сверкали. Думала, все мужчины так считают.

— Вот это да. Ты никогда не рассказывала.

— Это дело прошлое, — она делает еще глоток кофе и улыбается. — Так почему тебе не хочется замуж? За Санникова ты хотела.

Я раздумываю над этим вопросом несколько минут, но так и нахожу ответа. Может быть, мне нужно побыть не чьей-то, а своей собственной? Может, я просто только вылезла из тяжелых отношений? А, может, на самом деле я просто не люблю Диму?

Эта мысль выбивает меня из колеи. Если такой шанс есть, как понять точно? Но озвучивать это я не тороплюсь.

— Может как раз потому, что за такого человека, как Санников, я хотела? Обжегшись

на молоке, на воду дуют.

— Твоя вода за тобой приехала, смотри не дуй слишком долго, — Аня приобнимает меня и отправляет навстречу Диме.

..

До самого позднего вечера я прокручиваю в голове эти мысли. Что если я, правда, не люблю Диму? Вдруг мне это просто кажется? В конце концов, я пережила столько всего за последние месяцы, такой стресс. Откуда я могу знать? Как могу продолжить себе доверять?

— Дим, откуда ты знаешь, что любишь меня? — спрашиваю я его тихонько, когда совместный просмотр фильма окончен, и мы просто сидим рядом в темноте.

— Просто знаю, — отвечает он, двигаясь еще ближе.

Он разворачивает меня к себе, в сумерках я вижу его хуже, чем при свете, но вполне различаю не только очертания, но и черты лица.

— Чувствую это вот здесь, — он прикасается пальцем к своему лбу, а потом прикладывает руку к груди, где бьется сердце. — И вот здесь.

Я улыбаюсь и даю поцеловать себя в висок. В темноте мне не так страшно задавать странные вопросы и разглядывать его, пока он не видит или делает вид, что не видит.

— Почему ты спрашиваешь? — этот вопрос застает меня врасплох, но Дима ждет ответа, внимательно меня рассматривая.

— Потому что в последнее время не доверяю себе, — признаюсь смущенно.

Несколько секунд Дима думает, что ответить и выглядит немного напряженным, но в какой-то момент расслабляется и кивает головой своим мыслям. Следующая его фраза звучит как гром среди ясного неба.

— Тогда нам нужно расстаться.

Вот это год! Говорят, тридцать третий год жизни — это год перемен, событий, судьбоносных решений и всяких шансов. Люди заканчивают давние отношения, находят любовь, решаются на путешествия, авантюры, новую профессию, детей...

Мне двадцать семь, у меня этот год — сейчас. Вот последние два месяца и конкретно сегодня.

Дима, значит, говорит мне, что нам нужно расстаться, и я сижу в ступоре, не зная, что сказать. Это вообще что такое? Второе расставание за месяц, или сколько там прошло? Прямо бойфренд-спринт какой-то.

— Зачем расставаться? — выдавливаю я и растерянно на него смотрю.

Я сказала, что не доверяю себе. В контексте разговора это означало, что я не уверена в своих чувствах. Он вполне мог бы сказать, что фигню я думаю и я бы, наверное, успокоилась. И тут на тебе, первая сложность — давай расстанемся?

Я начинаю злиться, заводиться прямо на глазах, а Дима явно это замечает. И его ухмылка окончательно выводит меня из себя.

— То есть ты, Фёдоров, балабол, каких свет не видывал? Весь такой галантный, «люблю тебя», «выходи за меня», колечко притащил. А как первая трудность, первое мое откровение, что я где-то растерялась и не уверена, так сразу в кусты? Расставаться? Козел ты, вот ты кто!

Эмоции бьют ключом, мне хочется орать, побить его чем-нибудь, высказать все свои претензии. Надумал он, значит, расставаться! Я тебе расстанусь! Гад какой! И вот тут эмоции отступают, на самый миллиметр, почти незаметно, но тут же появляется обида. Такая острая и тягучая, она просто заливает меня, и я тону, как муха в янтаре, захлёбываюсь ей.

— Что ты сейчас чувствуешь? — спрашивает он, игнорируя все мои обвинения, и я невольно задумываюсь.

— Злость. Раздражение. Обиду. Разочарование, — перечисляю я, сама не знаю зачем. Он просто слишком спокойно это спрашивает, подозрительно, что-то здесь не так.

— Значит, ты ко мне не равнодушна.

— И без тебя это знаю. Хорошо, что не съехались, сейчас бы опять чемоданы собирать.

Я пытаюсь встать, но он хватает меня за руку, и я опять плюхаюсь на диван.

— А ты думала о том, чтобы жить вместе?

Я начинаю злиться еще больше, и на эти дурацкие вопросы, и на падение на диван, и вообще на всё. Мне хочется поскорее убраться отсюда, в свою маленькую студию, где я не буду его видеть, слышать, так явно чувствовать его запах. Постираю к чертям все свои вещи еще раз, залью кондиционером для белья с запахом лаванды и пойду зализывать раны.

— Думала, конечно. Теперь-то какое тебе дело? Пусти, — огрызаюсь и пытаюсь слезть с дивана, все время цепляясь за Диму.

Это просто какой-то бред. Ну как мне может так не везти с любимыми мужчинами? Один мне изменял, все время имел мозг, внушая, что это со мной что-то не то. Второй, выдержав лавины моего сарказма, нападки и нападения бывшего, налоговые войны, кольцо без ответа, вдруг решает расстаться из-за одной дурацкой фразы! Да как так-то?

И тут я на секунду замираю. Как мне может так не везти с любимыми мужчинами. Любимыми мужчинами. Ага. Лёшу я не люблю, это мы уже выяснили, и именно это в итоге

принесло раздор в мою голову. То, как быстро я сумела разлюбить его.

Ну, он очень активно мне помогал, конечно. Но именно это в итоге заставило меня сомневаться в том, что я люблю Диму. Ну, и свадьба. Но сейчас я просто четко подумала о нем, как о любимом мужчине. И все это на автомате, не задумываясь, на фоне раздражения и злости. И обиды, конечно.

— Ты это специально сказал, что бы спровоцировать меня? — спрашиваю я, в момент успокоившись.

— Конечно. Метод жестковат, прости, но он созвучен с методом подбрасывания монетки. Когда ты не знаешь, чего хочешь, просто бросаешь монетку, и уже когда она летит, ты точно знаешь, какой вариант хочешь. А результат вообще не важен. И тут ты тоже наверняка только что подумала, что именно чувствуешь ко мне.

Он выжидательно смотрит на меня, пока я вынужденно не киваю. Да, окей, правда подумала, но ты все равно гад.

— Метод хороший. А ты бесчувственный и бессердечный, — я поджимаю губы и думаю, смогу ли простить его, но ответ приходит слишком быстро. Конечно, я его прощу. На самом деле, он смог развеять мои сомнения, а это дорогого стоит.

— Ты переедешь ко мне? — спрашивает он, вместо того, чтобы извиняться или рассказывать, что он вообще не бессердечный, а вполне себе чуткий.

— Хорошо, — отвечаю я, неожиданно даже для себя самой. Вообще не думала об этом, если честно.

— Прости, что заставил тебя нервничать, — он сжимает мою руку и притягивает к себе.

— Я тебя все-таки люблю. Оказывается, — говорю в ответ, и это правда.

И только теперь я понимаю, что моя жизнь изменила еще больше. Я согласилась переехать к нему. Какой смысл мне теперь бояться свадьбы, раз тест-драйв семейной жизни ждет меня?

О расставании мы больше не заговариваем.

Интересно, что нужно сделать, чтобы почувствовать себя свободной женщиной? Казалось бы, я в новых отношениях, на новой работе, в новой квартире, но есть какая-то ниточка, которая никак не дает мне полностью распрощаться с Лёшей.

Все компроматы я отдала его отцу, решив, что так будет правильно, да и чуть более безопасно.

А на прошлых выходных мы с Димой собрали мои вещи и перевезли к нему, так что теперь у меня полноценная большая кухня и вид на парк. Но кольцо я еще не приняла, оно лежит у меня в тумбочке, хоть и пугает с каждым днем все меньше.

— Ты любишь шакшуку? — раздается голос из-за плеча и теплая широкая ладонь ложится мне на талию. Да, это уже хорошее утро, а тут еще и еду предлагают, вместо требования приготовить завтрак. Жизнь прекрасна.

Очень хорошее утро плавно переходит в очень хороший день. Начинаю верить, что заслужила белую полосу, ведь в вазе на столе стоят подсолнухи, Катя приносит качественный и понятный отчет, а в нем еще и цифры говорят о том, что моя работа приносит пользу и прибыль, а в обед звонит Аня с хорошими новостями.

— Меня повысили! — говорит она радостно, — Я теперь не просто босс, а биг босс.

— Поздравляю, детка! Отличные новости. А я тут подсолнухами люблюсь.

— Ты в поле что ли? — я почти вижу, как Анькина права бровь взлетает вверх.

— Нет, они в вазе, а я в своем кабинете. Сейчас фотку пришлю.

— Помнишь свой проект по мебели?

Ну, как же не помнить, ведь мы его потеряли, когда я ушла. Димина компания потерпела значительные убытки, но он уверял, что это ерунда по сравнению с приобретением в лице меня.

— Так вот, теперь его веду я, — продолжает она, — и угадай кто наш поставщик? Бинго! Компания «Лес».

— Ого, Ань! Я даже не знаю что сказать, — говорю я растерянно. Я начинала этот проект с одной стороны и, видимо, закончу его, но по другую сторону. Вот уж, наверное, судьба.

Ну и дружба, да, куда без нее на наших рынках.

— Скажи спасибо и жди на кофе! — раздается веселый голос в трубке.

— Спасибо! И я тебя всегда жду, ты же знаешь, — говорю я, и это чистая правда.

— На то и расчет!

Мы разговариваем еще минут десять, обсуждаем новости, планы и мой классный завтрак, а потом приходит время обеда.

..

Я еще не привыкла называть Димину квартиру домом, но тут всё именно так, как мне бы хотелось. Тут нет минимализма, серых стен и острых углов, к которым я привыкла и это чудесно. Зато есть большой мягкий диван и пушистый ковер в гостиной, где я полюбила проводить время.

Да, это место вполне может стать моим домом.

Дима сегодня на переговорах, так что решаю порадовать его ужином, ведь, на самом деле, очень люблю готовить, когда это происходит без комментариев типа «почему ты

помешиваешь спагетти против часовой стрелки» и без спешки. Идеальное время наедине с собой.

Я повязываю фартук, который купила сто лет назад, но так ни разу и не использовала до этого момента, включаю бодрую музыку и начинаю творить. Через полтора часа у меня уже готово ризотто с гребешками, зеленый салат и брауни. Ну, вернее, гребешки я поджарю в последний момент, иначе будут резиновые.

Я гордо именую крутым себя шеф-поваром и иду переодеваться, потому что Дима должен быть дома с минуты на минуту, а мне очень хочется встретить его в приличном виде.

Слышу поворот ключа в двери и спешу на встречу, но увидев Диму в коридоре, резко останавливаюсь и смотрю на него во все глаза.

Наверное, белая полоса была коротенькой и прямо возле хвоста зебры, потому что первое, что я вижу — перепачканную помадой рубашку.

Мы стоим в коридоре, друг напротив друга и молча пялимся друг на друга. Время будто застыло между нами, Дима смотрит на меня неотрывно, не моргая. Его зрачки расширены, я вижу это даже с пяти шагов, которые нас разделяют. Сама я, наверное, тоже выгляжу странно, вся при параде, только босиком, стою и не двигаюсь, как на паузу поставили.

Я отмираю первой, говорить начинаю скорее по инерции, потому что всегда много говорю, когда нервничаю.

— Так. Я уверена, этому всему есть нормальное объяснение, но пока есть два варианта — истерить или шутить в духе «на тебя опрокинулся грузовик с помадой», пока не определилась, чего хочется больше. Я много говорю, когда нервничаю, ты помнишь, а еще надумаю сейчас с три короба полного трэша, так что начинай отвечать скорее!

Дима, наконец, моргает и отмирает. Конечно, я говорю так быстро, что ему пришлось вслушиваться в каждую букву, что бы мозг смог ее расшифровать. Я вообще могу говорить со скоростью сто слов в минуту, мы с Аней проверяли, правда, надо нервничать или точно знать, то говорить. Ну, сейчас я не знаю, что сказать, но нервничаю-то точно за троих.

— Это моя бывшая, Рита, — начинает он, и я разочарованно прикрываю глаза. Ну, нет, это даже звучит как в какой-то мыльной опере. Черт, да я *живу* в этой мыльной опере, с каким-то вздорным сценаристом-истеричкой, который нас из стороны в сторону болтает! Что вообще происходит с этим миром?

— Пока не очень оптимистично, — комментирую я, всем своим видом показывая желание слушать дальше.

— Она ждала у дома, говорила, что ей тяжело, плохо и ее психолог сказала нормально попроситься...

— С кем попроситься?

— Со мной. Она никогда психологов не признавала, вообще над ними смеялась и тут вдруг психолог. Я подумал, наверное, что-то серьезное.

— Ну, конечно, ты решил, что у нее любовь до гроба и она не может пережить ваше расставание, так?

Дима смущенно опускает глаза, а я ставлю себе галочку. Какая изобретательная дама, надо же, надо сделать себе пометку где-нибудь, что мужчины охотно на такое ведутся. Ну, по крайней мере, один конкретный. Сначала она вломила в мой домик в парк-отеле (кстати, тема ключа так и осталась тайной), теперь вот караулит моего мужчину у его дома, что дальше? Угрозы, молчаливые звонки, зеленка?

— Ну да, она примерно это и сказала. А потом попросила обнять меня на прощание, сказала, что ей надо правильно завершить наши отношения, — говорит о виновато и делает небольшую паузу, как перед главной новостью, и спустя секунду я понимаю какой. — Обнимала меня пару минут, а потом полезла целоваться.

Вот же какая... коварная! У меня в уме пролистывает упрощенный словарь русского матерного с красивыми, а главное, очень подходящими словами. Я зверею, кулаки сжимаются, брови наезжают на переносицу. Мой кровожадный взгляд, наверное, многое говорит Диме в этот момент, и он поспешно принимается объяснять дальше.

— Ничего не было! Я от нее сразу метра на два отпрыгнул, даже в стену врезался, правда! — он комично выставляет вперед руки, и я отмечаю про себя, что это смотрится

немного комично: большой мужчина в панике закрывается от маленькой, хрупкая, но кровожадной женщины. Хотя, что тут смешного? Кто не знает, что существа страшнее разъярённой женщины просто не найти.

— Ну, распрощался издали, зашел в лифт, смотрю — помада вообще везде. Я даже не понял, как так вышло, и целых тридцать секунд думал, как это тебе объяснить.

Он тяжело дышит, будто марафон бежал, да и выглядит почти так же, сразу видно, что очень нервничает. Я решаю, что такое не выдумаешь, тем более ему незачем это делать.

— Звучит, конечно, как абсурд, — резюмирую я, и его плечи мгновенно опускают, а сам он становится ниже и... очень грустным.

— Мне незачем тебя обманывать, я только тебя перевез в свою квартиру и планирую никогда отсюда не выпускать, — он говорит это каким-то тусклым, безжизненным тоном, что я даже немного удивляюсь, как он контрастирует со смыслом слов. — Но звучит ужасно, согласен.

— Я пока думаю, что звучит ужаснее — твоя история или «никогда отсюда не выпускать», — я улыбаюсь и громко вздыхаю, заставив его оживиться. — Ох, Фёдоров, что за истории у нас с тобой, а? Иди, снимай рубашку и к столу, я тут играла в Гордона Рамзи на досуге.

Но он никуда не идет и сбрасывает рубашку прямо там, где стоял, а потом перешагивает через нее и делает несколько шагов ко мне. Да, ровно пять, как я и думала. Заметно осмелев, он тут же прижимает меня к себе так сильно, что выбивает весь воздух из легких, но это то, что нам обоим сейчас нужно.

Ну да, у него тоже стресс, как и у меня. Не привык человек, что женщины бывают коварные и изобретательные, что поделат.

— Будет что детям рассказать, — шепчет он мне на ухо, прежде чем поцеловать, горячо и голодно.

И я думаю, да. Будет что рассказать нашим детям. А потом мы забываем про ризотто, гребешки и брауни. Совсем не они нам сейчас нужны.

Окей, Гугл, где лучше спрятать тело?

Нет, у меня его пока нет, то однозначно будет к концу вечера.

А началось все очень оптимистично, мы решили поехать на пикник, потому что мне показалось, что в моей жизни не хватает простой романтики. Не той, которая «сто роз, ресторан, кабриолет», а которая «пикник, речка, шашлык». В общем, решили по-студенчески выбратся на шашлыки с играми в крокодила и спорами, какой маринад круче. Позвали Аню с Женей, раз не так давно Дима грозился дружить семьями, загрузились в их машину, потому что семейный внедорожник имеет больше шансов выбратся из ямы, чем Порше с золотыми дисками, за которые я периодически зову Диму пижоном, ну и поехали покорять ближайшую реку.

Мариновали в аджике, кефире и минералке с лимоном, чтобы сравнить и выработать собственное мнение, что лучше. Но, скажу сразу, все варианты были перепутаны и исчезли в желудках быстрее, чем мы смогли заметить разницу.

— Это корова? Нет? А, почему тогда пятна? Две коровы? — выкрикивает Аня, пока я выжимаю из себя весь возможный артистизм и показываю небывалые фигуры.

— Две, но не коровы? У них кольца? Как у Сатурна? Сам я Сатурн? Понятно. Ань, давай лучше ты, она ругается без слов, но слишком очевидно, — смеется Женя.

— У них есть крылья? Да ладно, пятнистые и с крыльями? А! Божьи коровки!!! — орет Аня и я тыкаю в нее пальцами, кивая головой, как болванчик. Да, да! Ура. Осталось совсем немного.

Крокодил — сложная игра, особенно если загадывает приложение, да не на самом легком режиме. Никогда я еще не показывала такого.

— Дима? Ну...мужчина? А ты женщина. Разнополюе божьи коровки? — хмурится Аня когда я тыкаю то на Диму, то на себя. — У нее волосы что ли? Нет? Это паранджа? Фата? А! Божьи коровки молодожены! Божьи коровки молодожены?!

На лице Ани читается полный ужас и восторг одновременно, а я устало сажусь прямо на траву. Ура! Это был сложный и нечестный бой, но я побели этот телефон с его божьими коровками.

Спустя полчаса мы с Аней решаем пройтись за водичкой к ларьку, который видели неподалеку.

— Телефон сегодня просто перлы выдает, — смеется Аня.

— Ну ладно, божьи коровки это странно, но жалкая устрица — вообще кошмар, — вторю ей я. — А как тебе Шаромыжник? Я даже не знала кто это...

— Я знала, но не угадала бы все равно. Хорошо, что Дима по буквам буквально показывал.

— Меня бальзамический уксус добил.

Когда я пытаюсь расплатиться за лимонад, ни одна моя карта не проходит. Аня предполагает, что размагнитились, но я мало в это верю. Решаю разобраться потом, тем более вождеденный напиток со мной, благодаря Ане и ее финансам.

Приезжаем домой за полночь, так что в банк я звоню только наутро и узнаю, что все мои карты заблокированы, а счета арестованы. В полной уверенности, что это какая-то ужасная ошибка, лезу на сайт государственных услуг, а там моя полная тезка из Сибири,

только на десять лет старше, вот уж совсем не я.

Когда нахожу само дело, понимаю, что очень уж у судьи знакомая фамилия. Санникова.

И вдруг такое бессилие меня окутывает, такое уныние и чувство несправедливости, что я опускаюсь на пол прямо по центру комнаты. Слезы льются сами, я даже не могу их сдерживать. Ну что за жизнь? Что за стерва?

Чувствую, как Дима опускается на пол рядом со мной и обнимает крепко.

— Дим, это просто невыносимо, невозможно. Это мать Санникова, она судья, большая шишка. У меня ведь больше нет компромата, нечем на нее надавить. Ну как так, они же обещали все это прекратить! Это не честно, не честно.

Я плачу просто навзрыд, потому что не плакала так давно, считая это слабостью. Но теперь не могу сдержаться. Ну, да, пусть слабость, но я женщина. Мне положено иногда быть слабой, особенно, если со мной сильный мужчина. Но и злость тоже сюда примешивается, поскольку прибить эту дамочку мне очень хочется.

Успокаиваюсь минут через десять, полностью залив его рубашку слезами. Вспоминаю, что нельзя мне так плакать, только недавно нервы сдавали и вот опять. Дима аккуратно сажает меня на диван, дает в руки чашку с какао, каким-то волшебным образом появившуюся на нашей кухне и отходит к окну с телефоном.

— Нодар, вечер добрый. Рад слышать, мир твоему дому, — говорит Дима в трубку с каким-то вселенским спокойствием. — Вот в моем доме не совсем мир теперь. Да. Думаешь, сможешь помочь? Там крупная птица... Слышал ли ты о судье по фамилии Санникова?

Дима разговаривает на знакомом мне языке, но так, что я совершенно его не понимаю. И голос у него другой, спокойный, какой-то благостный. Я смотрю на него совсем другими глазами и думаю, кто же на самом деле этот человек?

Спать ночами — бездарно тратить время! Наверное, примерно так думает мой мозг, потому что я всю ночь не могу сомкнуть глаза. Да, у меня был нервный срыв, но все это время у меня не было проблем со сном и тут оп! Сюрприз, Алиса. Посчитай-ка трещинки на потолке.

Я пытаюсь лежать неподвижно, с закрытыми глазами и считать вдохи-выдохи, в надежде, что мне станет так скучно, что я смогу, наконец, провалиться в сон. Но проваливаюсь в итоге в подозрения.

В какой-то момент Дима встает и уходит на кухню. Сначала я думаю, мало ли, водички попить, но потом слышу тихий разговор, и всё во мне просто вспыхивает, сердце взрывается бешеным ритмом, дыхание сбивается, волоски на руках становятся дыбом. Ух, кому же мужчина может звонить в три часа ночи? Любовнице? Ну, тогда понятна его рубашка в помаде. Но, вообще-то она и раньше была понятна, совсем по другой причине. Мне незачем сомневаться в Диме, да и Рита уже раз показала свой темперамент, так что он, вероятно, говорил правду.

Тогда кто это?

Когда он возвращается, я решаю спросить, кому он звонил.

— Тебе приснилось, зайчик, — с совершенно невозмутимым видом говорит он.

Я решаю не спорить, послушно укладываюсь ему на плечо, но сон так и не приходит. Я до самого утра гоняю в своей голове мысли, пока не встает солнце. Почему-то именно с рассветом я засыпаю.

..

— Ань, он кому-то звонил ночью, и это какая-то фигня, — говорю я Ане на той стороне трубки. Я привыкла бежать к ней в такие моменты, ведь две головы всегда лучше, чем одна, да и просто проговорить свои опасения вслух — дорогого стоит.

— Это подозрительно. Совсем не хочется разочаровываться, Фёдоров казался мне хорошим вариантом, — выдает Аня, и я про себя киваю, мол, да, мне тоже в итоге казался хорошим.

— Я могу себе представить любовницу, но это было бы странно.

— Или у него есть вторая, какая-нибудь зловещая криминальная жизнь. И он такой, скажем, черный плащ, *ужас, летящий на крыльях ночи*. Или якудза, да! У него есть тату на всю спину?

— Нет, тату точно нет. А вот первый вариант может быть, если черного плаща не считать... Он недавно звонил какому-то Нодару и речь его была такая... спокойная. Так, мне кажется, священники разговаривают. Иди буддийские монахи. И он говорил про мать Санникова.

Мы обе замолкаем ненадолго, переваривая сказанное. Хм, в самом деле, я ничего не знаю о том, как он жил эти десять лет. Ну, кроме его этой Риты. Как он пришел к владению большой компанией, откуда взял деньги.

— Ну, ты имеешь что-то против того, чтобы судья больше не лезла в твою жизнь? — спрашивает она, а я не могу сказать точно.

— Не знаю. А вдруг это значит, что она просто физически не сможет на меня влиять?

— В смысле физически, потому что у нее будут связаны руки? В переносном смысле

этого слова.

— В смысле, физически, потому что она не будет дышать. Если это криминал, такое же возможно? Вдруг там всё только так решается? Блин, Ань, это как-то страшновато.

— Давай мы пока не будем выдумывать, ладно? Уверена, у него просто есть какие-нибудь знакомые знакомых в суде. Помнишь эту тему про пять рукопожатий? Вот, может быть, этот Нодар — его первое рукопожатие на пути к твоему спокойствию.

Скоро мы заканчивает этот разговор, но вот мозг себя накручивать не перестает.

..

— Дим, а кто такой этот Нодар, с которым ты говорил?

Дима удивленно оборачивается ко мне и на секунду откладывает готовку. Сегодня он кормит меня ужином из трех блюд.

— Не думал, что ты его запомнишь. Просто давний, знакомый ничего интересного, — он притягивает меня к себе и крепко обнимает, но я не даю сбить себя с толку.

— Почему вы говорили о Санниковой?

— Потому что ты плакала. Я попросил его найти какие-нибудь ниточки, за которые можно подергать. Он раньше работал следаком, но сейчас занимает местечко повыше, но неофициальное.

Я думаю спросить что-то еще, но звучит таймер и Дима спешит вытащить из духовки ростбиф, а потом всем своим видом показывает, что не настроен на разговоры.

В целом ужин проходит хорошо, учитывая, что Дима хороший повар, а я — страстный любитель мяса. Я как раз пытаюсь прожевать огромную картофелину, которую от жадности запихнула в рот целиком, когда в новостях показывают мать Лёши, а ведущий говорит, что она арестована за взяточничество.

Я пораженно вдыхаю и тут же закашливаюсь. Вот тебе и Нодар.

Интересно, кто такой этот Нодар? Если то, что Санникову закрыли, связано с ним, то он какой-то божественно быстрый. Два дня, по сути, даже не полных и тут же арест. Сколько готовятся такие операции? Ночь?

Ну, или кто-то точил на нее зуб давным-давно. Или операция по поимке на горячем уже была в процессе и это просто совпадение. Ох, как не умереть от любопытства.

Но одно я понимаю точно — Дима не так прост, как кажется. Я совсем его не знаю.

Конечно, в моей голове живет образ, который я составила его десять лет назад, а сейчас он дополнился новыми характеристиками, в основном хорошими, но что было в эти десять лет? Это ведь целая жизнь, самый важный ее этап. Становление. Достижение целей. Я на свои цели просто пахала, но делала это законно, долго и утомительно. А как он достигал своих?

В голове роятся мысли и каждая из них оставляет неприятное послевкусие. Я только думала, что знаю его. Он показывал мне только хорошую обертку, а что скрывается под ней?

И главное, как я могу выйти за человека, которого совсем не знаю?

Дима как будто чувствует мои сомнения и метания. Он становится еще более обходительным и заботливым, отменно готовит, разминает мои плечи, а на днях предложил завести кота.

И все это время я чувствую, что он отвлекает мое внимание, как будто уводит от важной темы.

Все мои вопросы о том, кто такой Нодар и связан ли он с арестом Санниковой, остаются без ответа. Дима изобретает тысячу и один способ, как уйти от ответа, чтобы это казалось случайностью.

Спустя несколько недель я узнаю, все из тех же новостей, что Людмила Санникова получила штраф (в размере сорокакратной суммы взятки, а значит штраф ее имеет не менее шести нулей) с лишением права занимать должность судьи на пять лет, но в ее случае это уже навсегда. Судей-взяточников не возвращают.

Мне становится тошно. Да, она ужасная женщина, звонила мне, поспособствовала блокировке счетов, с которыми мне еще разбираться и разбираться, но это не особо испортило мою жизнь, а вот ее — испортило. Судя по богатству Санниковых, взятки она брала давно, так что когда-то должна была оступиться. Но слишком уж хорошее совпадение.

— Дима, и всё-таки, кто такой Нодар? — в очередной раз завожу разговор я.

— Да так, один знакомый.

Я уже вижу, как прячется в ракушку, но на этот раз отступить не намерена. Я стала хуже спать, прокручиваю в голове какие-то странные мысли раз за разом, фантазия так вообще отрывается по полной. То мне кажется, что Дима связан с каким-нибудь криминалом, и я фантазирую, что он в длинном плаще и шляпе скрывается от погони, непременно под дождем и в стиле Города Грехов. Но фантазия, может, и романтизирует это, а трезвый ум поднимает красные флаги и орет «беги».

Так что я не могу больше ждать.

— Чем он занимается? — я медленно иду по комнате, почти по кругу обходя Диму, и фантазия тут же подбрасывает эпизод о том, как хищник загоняет жертву. Вот только хищник не я, хоть сейчас и охочусь. Хищник, по-видимому, передо мной.

— Он бывший следак, — пожимает плечами Дима и идет в обратную сторону.

— Это он поймал Санникову? — я пресекаю этот маневр и иду параллельно ему, движения плавные, глаза прищурены. Не упустить

— Нет, — он качает головой и делает попытку пойти в другую сторону.

— Но он связан с этим? — я тут же зеркально отражаю его движение, так что он никак не может выйти из комнаты, не протиснувшись мимо меня. Но он этого не делает, а просто останавливается. Наконец. Хватит уже бегать от моих вопросов.

— Не без этого, — отвечает он, но мне этого мало.

— А теперь давай заново, подробнее и перестань скрывать от меня важную информацию.

Он выдает мне необходимый минимум, на этот раз подробнее и понятнее. Нодар был следователем, потом бизнесменом, а теперь он информатор у структур, но не совсем легальный и очень, очень влиятельный. Они с Димой провернули вместе пару дел пять лет назад, потом разошлись, но связей не потеряли. На вопрос что за дела, он не ответил, но намекнул, что это было нечто не до конца законное. И вот, выходит, связи возобновились.

И я, наконец, задаю свой главный вопрос. Вопрос о том, подставили ли они Людмилу.

— Мы никого не подставляли. Просто предоставили ситуацию, в которой она повела себя так, как повела. Ну и последствия предсказуемы.

— Это было... незаконно?

— Немного. Но она тоже поступила незаконно, — говорит Дима.

Но это больше, чем я хочу знать. Всю свою жизнь я была законопослушной, правильной, никогда не жульничала в играх, не списывала в школе, не отлынивала от уроков или работы. Мне казалось что люди, которые все это делают — какой-то другой вид, потому что они обманывают, так или иначе, что-то получают нечестно, за счет других людей. Мне всегда говорили — делай так, как правильно, и получишь свое вознаграждение. Я всегда была хорошей девочкой.

И что-то внутри меня сейчас дает трещину. Я шантажировала Лёшу, хоть это и было моим последним шансом, но я это сделала. А Дима, выходит, был связан с чем-то незаконным, и вернулся на кривую дорожку. Из-за меня. Для меня.

Я не знаю, как жить с этим дальше. Как переварить то, что я не гнушаюсь грязными методами для достижения цели? Как принято то, мой любимый мужчина делает то, что я считаю неправильным? Только один вариант приходит мне в голову прямо сейчас.

— Я сегодня переночую у Ани.

Я, в самом деле, приезжаю к Ане, вот только этой ночью совсем не сплю. Сон не просто не идет, он даже не виднеется в конце тоннеля.

Аня, которая никогда не подает виду, сегодня не может сдержать удивления. И после того, как я рассказываю ей все, она удивляется еще больше.

— Ты приехала ко мне...почему? Дима тебе помог, Санникова жива, здорова, но больше не судья. И отлично, она больше не станет тебя цеплять. С такими людьми только так и можно, они ведь не понимают ничего, кроме силы. Уверена, она уже сопоставила, за что ей прилетело, и оценила, что ее не упрятали на долгие годы. А теперь, видя за твоей спиной влиятельного покровителя, они забудут о тебе.

Аня говорит, явно сдерживая эмоции, которые периодически прорываются в мимике и жестах, но ее голос остается спокойным. Сама я сижу, как на иголках.

— Этот Нодар — темная лошадка, явно криминальная и Дима имел с ним какие-то темные делишки, Ань. Как мне ему верить? Они за сутки организовали арест! Как так вообще можно? Кем для того нужно быть? И это же просто... это просто какие-то девяностые!

— Но он помог тебе! Дима попросил его об услуге, потому что нужно было спасти тебя! Я не понимаю, детка, что не так?

Я нервничаю так, что руки начинают трястись. Что-то внутри растягивает меня, как канат, рвет на две части по живому. И я рассказываю ей, сбивчиво, нервно и прыгая от темы к теме.

Я долгое время жила с бабушкой, которая все время твердила мне, как правильно жить.

Правильно — это золотая медаль в школе, красный диплом в университете, хорошая работа в офисе. Правильно — это не списывать, никогда не жульничать, не врать себе и родне. Если ты нашла кошелек — верни, если можешь помочь — помоги, если человеку плохо — вызови скорую. Если мужчина изменил, его нельзя прощать, если ушел — нельзя принимать обратно. Если тебя ударили по щеке, то подставь вторую щеку, если попали и по ней — ударь в солнечное сплетение и беги. Нельзя забывать обиды. Если любить, то мозгом, а не сердцем.

Моя бабушка была очень сильной женщиной, железной леди и приличной семьи, а вот дедушка был не только редким красавцем, но еще и бабником, и авантюристом, так что дорожка его недолгой жизни скоро стала кривой и привела к не самым благонадежным занятиям. Дедушку я не знала, но всю жизнь бабушка упоминала его, как самую большую ошибку в своей жизни, темное пятно на ее репутации и просто «пропавшего».

Я так привыкла к этому, что и не думала, что это как-то на меня повлияет. Но однажды, в студенчестве, я потеряла билет в автобусе и, как назло, зашли контролеры. Огромная тетка в форме просто заломала мне руку, пока я пыталась лепетать, что не могу найти билет. Наверное, думала, что я решу сбежать на приближающейся остановке.

Штраф, который они выписали, а самое главное, слова, которые они говорили, стали самым страшным воспоминанием того времени. Я была в панике, ведь штраф — это что-то вопиюще ужасное. Я заикалась неделю, пила успокоительные и потом отработывала все это с психологом, чтобы вернуться в норму. Какое-то время панически боялась опаздывать, просыпалась ночью от страха, что не прозвонит будильник. Конечно, это всё сгладилось,

прошло, но сейчас, видимо, после нервного срыва, сразило меня еще раз.

Сейчас я чувствую, что весь мой мир уходит из-под ног, потому что Леша играл нечестно, сколько нервов он мне потрепал, а теперь вот и Дима пошел по этой же дорожке. Да, во благо мне, но... Откуда мне знать, что будет дальше, если уже сейчас во бьется этот бешеный страх.

— Алиса, мне очень жаль, что это сидит в тебе. Я не психолог, конечно, но... Просто посмотри со стороны. Кто не без греха? Дима любит тебя, он пошел на это ради тебя, потому что в борьбе с Санниковыми вы сами бы не выстояли. Это просто тяжелая артиллерия, к которой никто бы не прибегнул просто так. Она играла нечестно и заслужила это!

— Но, получается, и он играет нечестно. Он позвонил кому-то и сказал, что надо устранить проблему и оп — Санникова в тюрьме! Он... он как мой дед... Так нельзя поступать с людьми.

— Остановись, Алиса! Не впутывай сюда это. Твой дед и бабушка — это детские травмы, с ними надо пойти к психологу и отпустить уже вот это всё. Но Дима — это другое. Ты сама-то шантажировала своего бывшего, помнишь? Ты тоже пошла по кривой дорожке?

— Я не знаю. Я уже ничего не знаю, Ань.

— Ты решила, что шантаж это нормально, потому что Лёша стал вести себя странно, а потом оказался на стороне «пропащих» из-за измены. Димина-то вина в чем? Он и в восемнадцать тебе не изменял.

Я не сразу понимаю, что из глаз катятся слезы. Я рыдаю совсем бесшумно, но в три ручья, и мысли мои роятся в голове, как пчелы. Аня обнимает меня, успокаивает и в конце концов оставляет меня наедине с собой.

Я всю ночь лежу без сна, смотрю в потолок и пытаюсь решить для себя, что я на самом деле думаю по этому поводу. Я ужасно скучаю, хочу под теплый бок и вообще, просто все обнулить и начать заново. Я люблю его, но что сильнее, эта любовь или мой страх?

И перед рассветом все-таки засыпаю.

Что такое любовь? Это не только прекрасное чувство, но и зависимость, как говорила моя бабушка, а потом и мама. И я на самом деле это чувствую.

Чувствовала с Лёшей когда-то, теперь чувствую с Димой, и это пугает. Я беру отгул на работе и днем возвращаюсь домой, чтобы точно не столкнуться с ним, все обдумать спокойно и понять, как быть дальше.

Я точно обидела его этой ночевкой у Ани, да и вообще вела себя странно, но мне очень нужно было разобраться в себе. И вот я в его квартире, которую неосознанно уже называю домом, а решения так и нет.

Я сижу на ковре посреди гостиной, когда телефон оживает и высвечивает знакомый номер.

— Привет, Лёша.

Я не очень рада его слышать, но и страха у меня больше нет, напряжения тоже. Я почти спокойно беру трубку, даже с интересом, но и так знаю, что он хочет спросить. Странно, что спустя столько времени.

— Здравствуй. Удобно?

Его голос совсем не изменился, но в нем уже нет ноток сарказма, злости или горечи. Просто спокойный разговор давних знакомых. Ностальгия проклевывается где-то в груди, но я поспешно давлю это странное чувство. Нет уж.

— У меня есть немного времени, говори, — киваю я трубке, хоть собеседник этого и не видит.

— Ты знаешь, что у нас происходит?

Ну да, это ровно то, о чем я подумала. Он звонит спросить, в курсе ли я и услышать в моем голосе, как я к этому отношусь. Причастна ли, рада ли, чувствую ли себя отмищенной.

— Да, об этом трубили в новостях, — расплывчато отвечаю я.

— Ты связана с арестом моей матери? — его голос звучит чуть более напряженно, чем секунду назад.

Что мне правильно ответить? Всю жизнь меня учили говорить правду, но это можно квалифицировать как ложь во спасение. Ну и формально я просто поплакалась в жилетку Димы, а он рассказал об этом знакомому. Я ничего не делала, как и он сам.

А вот Нодар делал, но никому не стоит об этом знать.

— Нет, — говорю я, изо всех сил контролируя голос, но это кажется одним из подвигов Геракла. Я тут краснею, белею, меня бросает в пот и начинает трясти, но я упрямо вонзаю ногти в ладони и держусь. Или ты, или тебя, я это уже поняла.

— Как я понял, она решила подложить тебе свинью и буквально сразу после этого ее поймали на взятке. И ты хочешь сказать, что не причастна к этому? — его голос все еще звучит напряженно, но я всё для себя решила и не хочу дальнейшей войны, так что за секунду вспоминаю всё, что когда-либо знала о лжи.

— Лёш, я причастна, только если верить в большой бумеранг и кругооборот справедливости в природе. Я не рада, что так вышло, и уж точно не думала, что твоя мать промышляет взятками.

Я говорю *почти* правду о бумеранге, ведь я так на него надеялась все это время. И чистую правду следом, потому что, честное слово, совсем не рада. Наверное, чем больше

говоришь фактов, тем достовернее выглядит ложь. Ну вот, теперь я лгуныя и небо не рухнуло на мою голову. И все, что я считала правильным, сейчас рассыпалось на мелкие кусочки.

— Я не знал, что она пойдет вершить вендетту, — слышу в трубке в ответ. Из голоса Лёши тут же ушло напряжение, он стал усталым и глухим, и я, кажется, верю, что он ничего не знал. Очень страшно верить, но очень хочется. Может быть, зря, но мне очень хочется видеть людей хорошими, особенно тех, кто когда-то был мне близок и дорог.

— Я так и думала. Ты ведь скоро станешь отцом. Это значительно важнее всего остального. И маме твоей тоже скоро будет, чем заняться, — улыбаюсь в трубку, а Лёша, судя по голосу, улыбается мне в ответ.

— Это точно.

Мы быстро и скомкано прощаемся и я надеюсь, что больше не будем друг другу звонить. Наверное, вот они — самые последние ниточки и если их порвать, останется «Алиса до» и «Алиса после». Очень хочется закончить это раз и навсегда, потому что эта история и так слишком затянулась.

Когда я кладу трубку, то вдруг понимаю, что всё для себя решила. Я больше не та Алиса, которую видела в зеркале несколько месяцев назад и это не так уж плохо.

К приходу Димы я успеваю приготовить ужин и переодеться в красивое платье. Я хочу всё исправить и начать с самого начала. С чистого листа, без моих страхов и домыслов, без недомолвок и секретов. Только хочет ли он этого? Своей ночевкой у Ани я его, скорее всего, обидела.

В двери поворачивается ключ, и я замираю на месте, даже не дыша. Дима заходит в квартиру, и я отмечаю, что он бледный, а под глазами залегли тени. Наверное, как и я, плохо спал.

Он видит меня и становится каким-то растерянным, будто не уверен, что я в самом деле тут, но быстро берет себя в руки. Но не делает ни шагу ко мне, так что я понимаю — мой выход. Накосячила, так исправляй.

— Я пришла извиниться. И остаться, если ты позволишь.

Дима молчит, он совсем не двигается, как будто примерз к полу. Это очень меня пугает, но я понимаю, что не начну сейчас — возможно, попрощаюсь с ним навсегда. Я не могу себе этого позволить.

— Я ушла, чтобы подумать. И мне жаль, — я то смотрю на него, то опускаю глаза в пол. — Мне очень жаль, что я обидела тебя, была такой неблагодарной и недоверчивой. Но я совсем тебя не знаю. Не знаю, чем ты жил эти десять лет. Мне с детства внушали, что ложь это недопустимо, плохо и вообще настолько вопиюще ужасно, что даже по мелочи никогда не лгала. С ложью связано всё незаконное, спорное и... Ну, сам понимаешь. Сначала по мне ударил Лёша со всем тем, что он сделал. Он поступал ужасно, врал мне, использовал нечестные методы, чтобы только отомстить мне, а сам изменял мне. Его родители еще подбросили дровишек в огонь. И когда я узнала, что ты помог мне... Спасибо, я кстати, так и не сказала, но говорю сейчас. Так вот, когда я узнала, что есть такой человек по имени Нодар и он что-то сделал, а в итоге Людмилу арестовали, я испугалась.

Дима стоит, не двигаясь, и просто слушает, что я говорю. Не кивает головой, не хмурится, не улыбается, просто стоит статуей там же, где остановился. Но я не могу этого так оставить, так что продолжаю.

— Мне было очень сложно в последнее время, и я была... душой, да. Я решила, что, не смотря на свои принципы, на свою картину мира, я тебя люблю. И даже если ты замешан в чем-то незаконном, я буду тебя любить. И плевать на всё.

Я перевожу дыхание и на секунду закрываю глаза, но понимаю, что сказала еще не всё. И даже если он прогонит меня, я буду жалеть, что не попробовала.

— Я прошу прощения за то, что столько раз оставляла тебя. За то, что вела себя, как маленькая. Сегодня звонил Лёша и спрашивал, связаны ли мы с арестом его матери. И я впервые в жизни, наверное, солгала. Я сказала, что мы с этим не связаны. И только потом поняла, что больше не боюсь. Но то, что я хочу быть с тобой, я решила еще до этого. Вот. Это то, что я хотела сказать. Пожалуйста, если ты решил меня послать, сделай это сразу. Не тяни.

Я смотрю на него выжидательно, наблюдаю, как он оттаивает, как вздымается его грудь, как он делает маленький шаг в сторону, и жду его решения.

— Я не знаю, Алиса, — говорит он с таким видом, что глаза наполняются слезами. Он все уже решил, и совсем не в мою пользу. Это все вполне понятно, зачем ему такая нерешительная девушка, да еще и с толпой тараканов в голове, которые периодически еще и

фейерверки взрывают. Проблемная, сложная, недоверчивая и со странными пунктиками. Это ожидаемо, Алиса. Не плачь.

— Я понимаю. Тогда я пойду соберу свои вещи, это не займет много времени, — роняю я и поворачиваюсь к нему спиной, в надежде не показать своих слез. Горло сковывает спазм, а колени подгибаются, я иду сейчас только на силе воли. Но и она испаряется, когда меня вдруг обнимает крепкая горячая рука.

Я всхлипываю, пытаюсь подавить рыдания, но это просто невозможно. Дима разворачивает меня к себе, смотрит в мокрые от слез глаза и тепло улыбается.

— Я же сделала тебе предложение. Хотел провести с тобой всю жизнь. Думаешь, несколько твоих истерик могут это изменить?

Я растерянно быстро машу головой, надеюсь, что он увидит в этом движении «нет», хотя это не точно, ведь я сейчас похожа на даму средних лет с нервным тиком. Но его это, кажется, не волнует.

— У тебя был нервный срыв, особое воспитание и вообще довольно сложные полгода. Я все понимаю и не собираюсь тебя бросать.

— Тогда давай с самого начала? Без тайн. Расскажи мне все-все, и я тебе в ответ тоже все расскажу.

Мы долго обнимаемся, потому что я не могу его отпустить и цепляюсь за него руками и ногами, как только он пытается отстраниться.

Я узнаю очень много нового.

Оказывается, однажды Дима спас Нодару жизнь. Совершенно случайно вытащил его, когда тот тонул. Но тонул он не просто так, а был обмотан тяжелой металлической цепью, а потом брошен в озеро. Воля к жизни была так велика, что часть цепи спала, так что ногами барахтаться он частично мог, потому и не утонул сразу, а смог дожидаться случайно приехавшего на это же озера паренька на велосипеде.

Дима смог его вытащить, знатно нахлебался при этом воды и чуть не утонул сам, так что Нодар решил, что будет должен Диме три услуги.

Дима организовал бизнес сам и в первый раз попросил помощи, когда его приехали крышевать какие-то странные братки шесть лет назад. А эта услуга была второй.

Что до Санниковой, тут нужно было просто поспособствовать. Наверху как раз происходит чистка, ее место давным-давно приметили другие влиятельные люди, а тут потянули за ниточку, и вскрылась информация о закрытом деле на ее сына, об «ошибочно» заблокированных счетах его девушки, а потом и о новой попытке подпортить мне жизнь. Видимо, одной ей показалось мало. Это ее и сгубило.

А никакого страшного криминального прошлого у Димы нет. Однажды он угнал кабриолет, на целых полторы минуты, думая, что это его машина. Ключи были в зажигании, модель и цвет совпадали, ну просто совпадение на миллион.

Пару раз распивал спиртное в неположенных местах и был за это наказан. И списывал на экзамене по физике. Успешно. Совсем не такое ужасное прошлое, которое я себе представляла.

— Ну что, теперь тебе не страшно? — спрашивает Дима.

— Ну, может немного. Мне все время кажется, что ты поймешь, как я мотала тебе нервы, и уйдешь в закат.

— Я уже уходил в закат, мне там не понравилось. Давай у нас уже просто всё получится?

Я только киваю. Давай.

Я смотрю на свадебное платье в витрине и не могу отвести взгляд. Создатели реклам стирального порошка передрались бы, лишь бы показать у себя такую идеальную белизну. Тысячи страз и жемчужин переливаются под софитами, подчеркивая пышность юбки. А я смотрю на него, не могу не смотреть, и меня тошнит от страха.

Почему я так боюсь этого момента? Я даже еще не согласилась выйти замуж! Но стоит мне подумать об этом, начинают трястись колени. Если я примерю это платье, то хлопнусь в обморок прямо в нем.

Буквально отдираю себя от витрины и иду по улице дальше. Постепенно градус моей паники повышается до уровня «терпимо», а за чашкой кофе настроение вообще выравнивается. Я предпринимаю попытку посмотреть платье еще раз, на этот раз на фото в интернете, но опять не очень удачно.

— Ань, у меня паника, когда я смотрю на свадебные платья, — говорю я, как только слышу её «алло».

— И тебе привет! О, как интересно. А на любые, или те, что на других невестах, воспринимаются нормально?

Я задумываюсь. В основном я смотрела на платья на манекенах или на модных показах, но живых, реальных невест в последнее время как-то не видела.

— Не знаю. А в чем разница?

— Мне кажется, если ты боишься только тех платьев, которые в теории «свободны», а вот платьев других невест — нет, то с этим можно что-то придумать.

— Я не знаю. Где мне сейчас невесту взять, для чистоты эксперимента? — спрашиваю я. Где обитают невесты? Наверное, их можно поймать где-то в центре, скорее всего в выходные. Но что делать дальше? Ехать куда-то в центр и искать зланные свадебные места, а потом подходить к невестам с просьбой их потрогать или что? Звучит, конечно, странно.

— Я придумала! — восклицает Аня, и я вздрагиваю. — Приезжай сейчас ко мне, все расскажу на месте.

Я долгих сорок минут добираюсь до нее, еду в метро, потому что пробки в последнее время просто адские, буквально намекают на то, что в них можно провести всю свою жизнь. Так что я меняю удобные сидения авто на душное и шумное подземелье. Десять минут от метро я шагаю подозрительно бодро, везде высматривая дам в белом, но, наверное, в спальных районах сейчас не сезон.

Тыкаю пальцем в дверной звонок, забрызганный краской, и дверь резко открывается, являя мне подругу в огромном и пушистом, как облачко, белом платье.

Я громко взвизгиваю и, видимо, инерции, резко и громко захопываю дверь, а потом, опомнившись, открываю ее опять.

— Ань, блин, предупредить же надо.

Аня стоит на пороге и даже не смеется, а громко, заразительно ржёт.

Следующие полчаса она выступает то манекеном, то моделью, то трогательной подругой, в смысле, заставляет меня трогать платье. Мы обе приходим к выводу, что боюсь я только если платье, в теории, может стать моим, а если оно уже кому-то принадлежало, то страх почему-то уходит.

— Но почему ты не боишься моего платья? Оно ведь тоже может стать твоим, если я его

сейчас тебе подарю.

— Не знаю! Этот страх это что-то необъяснимое, я же вообще без проблем думала, какое платье надену на нашу с Лёшей свадьбу, даже выбирала, — говорю я, а Аня тут кривится, будто лимон съела, прямо с кожурой, косточками и вообще целиком.

— Вот это меня и пугает. На свадьбу с этим маньяком, значит, не страшно платье выбирать, а с нормальным мужиком — истерика. Давай-ка ты мое платье еще и примеришь, а?

Я крепко задумываюсь. В конце концов, Аня в платье меня не пугает, само платье тоже нормально ощущается, почему тогда не пойти немножко дальше?

Спустя пятнадцать минут и одну адскую шнуровку, мы героически впихиваем меня в это белоснежное облако. Я боязливо подхожу к зеркалу и понимаю, что всё нормально. Внезапно.

Конечно, на мне платье сидит иначе, оно сильнее меня утягивает, да и ростом я ниже, но в целом это красиво, комка в горле не вызывает, как и мыслей о побеге с этой планеты.

— А может ты в нем под венец и пойдешь? — вдруг предлагает Аня. — Ну а что, красивое, почти новое, не вызывает панических атак.

— Я еще не согласилась замуж идти, — неуверенно возражаю я, но она только отмахивается.

— Ну, у вас любовь же, согласишься, куда денешься.

— Некоторые вон и по десять лет гражданским браком живут, и ничего. Страшновато мне как-то. Такая ответственность.

— Глупостей не говори. Это просто колечко и штамп в паспорте, чего тут бояться? — Аня вытягивает перед собой руки, и на ее безымянном пальце я вижу тонкое колечко. Сейчас она носит его, будто всегда так и было. Но я помню, как Женя уговаривал ее, а она не хотела замуж.

— И это мне говорит женщина, которая сама замуж не хотела, а пошла только с уговорами и ультиматумами!

— Я не хотела, а не боялась, это раз. И Жене это было важно, вот тебе два. Отсюда и платье, и кольцо, и штамп. Для него это означает, что он теперь несет за меня ответственность, что называется, перед богом и людьми. А колечко — это чтобы все знали, что эта девушка занята, — и она расплывается в такой счастливой и широкой улыбке, что я и сама улыбаюсь. И задумываюсь пуще прежнего, да так сильно, что сама не понимаю, как добираться до дома.

— Дим, а зачем ты позвал меня замуж? — выдаю я ничего не подозревающему мужчине.

Он выглядит удивленным и пару минут молчит, словно обдумывает правильный ответ. Но мне нужен не правильный, а настоящий, ведь как-то он к этому пришел.

— Потому что я тебя люблю, а на любимых женщинах женятся, — отвечает он.

Я сначала не нахожу что ответить, всё очень логично звучит, но все-таки мозг лихорадочно выдает мне все новые и новые вопросы.

— Ну, ведь можно просто жить вместе. Посмотреть, совместимы ли мы, притереться. Никуда не спешить. Чем тебе важен штамп?

Дима задумывается еще на пару минут, а потом пожимает плечами.

— Ну, он мне не особо важен. Другими словами, мне вообще все равно, будет он стоять в паспорте или нет, но раз это так, почему бы ему там и не стоять? Вроде как, я беру тебя в

жены, такую красивую, в белом платье, перед богом и людьми.

— Это только перед людьми. И почему сразу платье, замуж сейчас и в джинсах выходят, — пытаюсь спорить я, сама не знаю зачем. Но с Димой вообще сложно спорить, ведь чаще всего он просто соглашается.

— Значит, надо еще обвенчаться, а туда в джинсах нельзя. Зато в ЗАГС в них вполне можно, какие проблемы? Я тебя и в платье люблю, и в джинсах, какая разница? Думаю, для девушек это важно.

— Я тут поняла, что до коликов боюсь свадебных платьев. Только Анькиного не боюсь, даже примерить смогла.

Признаюсь и так страшно становится, как будто какой-то страшный, стыдный секрет открыла. Пытаюсь поймать Димину реакцию, но ее толком и нет. Он просто обнимает меня, а я тут же растекаюсь в его объятиях послушным тестом. Таким безвольным, прилипчивым, только оставьте меня вот тут, как есть.

— Значит, если скажешь мне «да», можешь пойти к алтарю в нем. Или в джинсах. Ерунда это всё, детка. А со страхом можно к психологу сходить, если тебя это волнует, я оплачу.

Я оплачу. И все вопросы у него так просто решаются, что хочется поаплодировать и в самом деле пойти к алтарю в джинсах.

Но я пока не решилась.

Сейчас я — тесто, и мне хорошо там, где я есть. И Дима не возражает.

Утро не задалось. Будильник не прозвонил и теперь, в полной панике перелезая через спящего Диму, я тороплюсь выбраться из постели. Не очень удачно, надо сказать. Спешка для меня самый плохой вариант, я тут же становлюсь рассеянной и неуклюжей, и в подтверждении этого, тут же растягиваюсь на полу.

Так, это явно какой-то клонированный день, видела такое в Матрице, там еще было два одинаковых кота, а потом на героев напали. Ну, а у меня вот будет два одинаковых синяка на филейной части, спасибо большое. Завести что ли кота?

По крайней мере простыни у нас не шелковые, ненавижу их, мало того что скользят, так еще и охлаждают, когда и так холодно. Хорошо, есть Дима под боком, он вполне подходит на роль моей портативной грелки. Такой горячей, приятной, которую можно еще и как подушку использовать. Правда, жестковата такая подушка, там же все мышцы, как на анатомическом пособии.

— Детка, ты не ушиблась? — сонно спрашивает он из-под одеяла.

— Все хорошо, спи, милый, — отвечаю я, тормозя свои интересные мысли, и тихонько выхожу из комнаты. Ну, наделав только шума, наверное, это уже не поможет, но ради приличия даже дверь прикрываю максимально тихо.

Иду на кухню варить кофе. Ну, вернее, готовить завтрак, пока варится кофе, потому что за меня это сделает кофемашина. Она слушается меня с полуслова, потому что подключена к умному дому и это просто чудо из чудес. Нет, правда, моя прежняя машинка была с характером, не всегда даже включалась от нажатия кнопки. Там нужно было станцевать ритуальный танец, нажать на кнопку и одновременно пихнуть ее боком, а потом еще и по крышке хлопнуть. И это могло гарантировать только процентов семьдесят хорошего исхода. А теперь, вот оно, счастье.

Готовлю омлет с сыром, это самое быстрое в мире блюдо, которое не раз выручало меня в моменты критического отсутствия времени. В основном, когда надо было накормить Лёшу, сама-то я обычно оставалась без завтрака, а иногда и без кофе, но ему всегда полагался завтрак, хоть чума, хоть конец света.

Дима же пока приятно меня удивляет, он не просто умеет готовить, а еще и часто радуется завтраками, даже когда мы опаздываем.

Омлет почти готов, когда я слышу шаги за спиной и оказываюсь в крепких, теплых объятиях. Слышу горячее дыхание на макушке и счастливо съезживаюсь. Это как надеть любимый, мягкий свитер в холодный день. Сплошная нежность.

— Ты что так рано встала в выходной? У тебя какие-то планы? — шепчет он мне в затылок, и я пораженно замираю. Да блинский же блин, вот и причина, почему не прозвонил будильник!

Дима смеется, когда видит выражение моего лица и спешит утешить меня поцелуями, тут же подоспевает свежий кофе и день становится чуточку лучше. Ну и встали рано, ну и ладно. Значит, поедем гулять!

Мы неспешно завтракаем, обсуждая, как бы поехать, а потом я собираю с собой бутерброды и чай в термосе, вдруг там не окажется приличного кафе или даже завалящего ларька.

Но темная полоса зебры не сдастся, пытаюсь хоть так, хоть сяк испортить мне день.

Сначала не заводится машина, потом я сажаю пятно на майку, которую тут же в машине переодеваю, а Дима присвистывает, как это делали в старом кино.

Потом не могу найти телефон, который мирно лежит у меня в кармане, а следом оказывается, что термос благополучно забыт дома.

Дима смеется, глядя, как я бешусь и почти подпрыгиваю на сидении от злости и говорит, что это даже мило, а потом предлагает обдумать, что мы забыли и что захватить из квартиры, чтобы это было быстро и четко.

И вот, спокойно сидя в машине и вспоминая, что еще могли забыть, мы вдруг видим Риту, бывшую девушку Димы, которая решительно идет к нашему подъезду и открывает дверь своим чипом. Откуда у нее этот чип, если у нее и ключей-то никогда не было, и что она тут делает?

Мы озадаченно поворачиваемся друг к другу и одновременно, а главное, безмолвно, решаем, что нам очень нужно вернуться домой вот прямо сейчас.

Поднимаясь в лифте, я лениво думаю, что ничего хорошего ждать не стоит, а с другой стороны, со мной ведь Дима, что может пойти не так?

Но то, что я вижу в итоге, превосходит все мои ожидания.

А вижу я Риту, которая на ходу раздевается и бросает свои вещи прямо по пути, оставляя дорожку, как Гензель и Гретель из сказки. Только одежная дорожка это как-то уж слишком современно, переходит в ранг фильмов для взрослых. Как и ее белье, между прочим, совершенно не оставляющее простора для воображения. Я даже слегка розовею, на более не способна, как и Дима. Мы оба стоим и молча пялимся на происходящее.

Рита, совершенно не слыша нас, в одном прозрачном белье разгуливает по моему дому. По. Моему. Дому. Дрянь. Такая. Сил ждать дальше у меня не остается.

— Какого это фига ты тут делаешь, да еще и полуголая? — рявкаю я, сама удивляясь силе своего голоса. Никогда не думала, что умею звучать *так*, иначе точно использовала бы это, не знаю на сколько во благо, но в корыстных целях — однозначно.

Рита забавно подпрыгивает на месте, как делают кошки, только те используют подушечки на лапах, а эта — огромные тонкие каблуки. Она начинает судорожно искать одежду, которую только что так вольготно разбрасывала. Не очень удачно, но в какой-то момент под руку попадается рубашка и она быстро надевает ее и криво застегивает пуговицы, так что одна сторона свисает ниже другой. И все это молча, пока мы смотрим на нее в недоумении.

— Повторяю, что ты здесь забыла и откуда у тебя ключи? — рявкаю я опять, тем самым классным голосом. Наверное, он появляется от нервов, мелькает фоновая мысль и тут же исчезает.

— Не твое дело, — визжит она. Ее голос напротив становится очень высоким, она буквально пищит, и это было бы довольно комично, если бы не ситуация, в который мы все оказались. Посоветовать ей, что ли, пойти мультики озвучивать?

— Вообще-то как раз моё. Это мой дом, мой мужчина и даже вот этот ковер, который ты портишь своими нелепыми шпильками — тоже мой. Говори, пока цела, Рита. Сейчас у меня сдадут нервы и я пойду тебя бить, — спокойно говорю я и наблюдаю, как она вздрагивает.

— Это был мой дом и мой мужчина, — с вызовом говорит она, скидывая подбородок и скрещивая руки на груди.

— Был. А теперь я выхожу за него замуж, так что будь добра, на выход. И дорогу сюда

забудь. А ключи можешь оставить себе, мы все равно поменяем замки.

Рита застывает на месте и вопросительно, с совершенно потерянным видом смотрит мне за спину, видимо, в надежде получить у Димы подтверждение.

Я поворачиваюсь к нему, чтобы хочется поймать его взгляд и получить поддержку, но я замечаю, что он удивленно на меня смотрит и молчит. Ничего не комментирует, просто внимательно и удивленно смотрит.

Ладно, потом растормошу и спрошу, в чем дело. Пока надо справиться с полуголой проблемой, которая стоит посреди гостиной, с дрожащей губой, явно сдерживая слезы. А такая была храбрая, так уверенно тут ходила в своих кружевных трусах...

— Рита. Соберись. На выход, — говорю я почти по слогам и она ускорится, неуклюже натягивая юбку.

Несколько иррационально неловких минут, и она направляется к двери, еле слышно всхлипывая. Она спотыкается и тащит сумку за одну ручку, так что по полу за ней елозит чулок.

На пороге она медлит, поворачивается и сморит на нас.

— Это еще не конец, — говорит она тихо и выходит, закрывая за собой дверь.

— Как думаешь, что это было? — спрашиваю я, смотря на Диму, но он и не думает мне отвечать. Зато вопросы у него явно остались, хоть и звучат они как утверждения.

— Ты сказала ей, что выходишь замуж. А мне не сказала, — он приподнимает бровь и облокачивается о косяк двери, скрещивая на груди руки. Сердится что ли? Но я и сама не знала, что выхожу замуж пару минут назад, но, видимо, соперница дала меня понять, что мне очень надо окольцевать вот этого мужчину, пока его у меня ночью через форточку не вынесли. Тем более, он сам хочет. А хочет ли?

— Ты еще хочешь на мне жениться? — спрашиваю я его, собрав всю свою смелость. И голос мой теперь совсем не громкий и не твердый, он скорее похож на блеяние овечки.

— Хочу, — говорит он, и я выдыхаю от облегчения. Долго же я не могла понять, что мне нужно, хорошо, что не стало поздно.

— Тогда я согласна. Только дату мы попозже назначим, ладно? Я еще не все по... — он не дает мне договорить, закрывая рот поцелуем.

Так неудачный день становится очень удачным, не смотря на то, что на природу мы так и не выбираемся. Несмотря на Риту, пару набитых синяков и пострадавшую в пылу страсти книжную полку. К черту это всё. Есть вещи значительно более важные, из которых и складывается удачный день.

Но я слишком занята, чтобы разглагольствовать.

Окей, я могу с уверенностью сказать, что вот этот мужчина — идеальный. Он добрый, нежный, страстный, в меру властный, в самом деле, решает мои проблемы, готовит завтрак и никогда не упоминает мои неудачи. А тело у него такое, что потянет съемки в киношках для взрослых. Полностью потянет, да. Но кто б ему разрешил!

Ладно, это не самое важное. Важно как раз то, что внутри, но и с этим тоже нет проблем. Сама себе завидую и тысячу раз уже об этом думала. Рита меня, конечно, слишком уж замотивировала.

Я уже договорилась с Аней, так что ее платье — всё мое, просто висит у нее, чтобы заранее меня не волновать. Я сама себе лучший визажист и парикмахер. Ну, серьезно, у меня волосы сами по себе ложатся так, что мой парикмахер кусает локти и смущается каждый раз, когда ему приходится делать мне укладку. Шесть месяцев в году, как минимум, я ухожу от него с мокрой головой, чтобы через час-второй прислать ему фото «после». После того я всегда получаю в ответ сообщение, которое неизменно кричит «ведьма!». Да, у меня выются волосы, я научилась с ними жить, а они в ответ научились меня радовать, вот и весь секрет.

Конечно, мы не определились с датой, да и вообще я пока привыкаю к статусу невесты, который на этот раз ощущается как-то иначе. И уж очень меня волнует его эта бывшая...

— Дим, чего можно ожидать от Риты?

Мы валяемся на толстом ковре в гостиной, на который я набросала подушек, все очень романтично, но меня слишком гложет эта мысль, чтобы просто так об этом забыть.

— Не знаю, детка. Она всегда была адекватной, понимающей и совсем не истеричкой.

— Ну, то, что я здесь увидела, не было похоже на истерику. Это был план, правда я не разобралась до конца, какой именно, — я потягиваюсь, и Дима обнимает меня крепче. По телевизору фоном идет что-то от Миядзаки, а я всего его пересмотрела раз семьдесят, так что можно и поговорить.

— Думаю, она хотела сделать вид, что я тебе изменяю, — он пожимает плечами и всем своим видом показывает, что это что-то совершенно невероятное и невозможное. Что ж, это приятно.

— Раздевается она быстро, надо отдать должное, — я смотрю на него, приподнимая бровь.

— Я не знаю, что должен на это ответить. *Я тебя* люблю, уймись, — он улыбается тепло, но в голосе чувствую зарождающуюся сталь, так что отпускаю этот диалог. Пусть так. Я, в конце концов, его тоже люблю.

— Ладно, — я примирительно целую его в щеку и возвращаюсь к Миядзаки. Хорош он, все-таки.

..

— Ань, я не хочу организовывать свадьбу. Нет, вообще не хочу. Да распишемся и всё! Нет, вообще не важно. Да детям это тоже неинтересно будет! Мне вот вообще плевать было на фотоальбом родителей. Ну, прекрати, никакая я не бесчувственная. Хорошо, но сама тогда это и организовывай. И никакого тамады, поклянись. Клянись, я сказала! Так-то лучше.

Я кладу трубку и смотрю на Диму, который истерично ржет, прислонившись к двери. Нет, это немыслимо, они все надо мной смеются!

— Ты хочешь конкурсы типа «перекати яйцо» или «лопни воздушный шарик без рук»? Вот и молчи тогда. У меня, может, моральная травма, — сердито говорю я.

— А у тебя моральная травма? — удивляется он.

— Пока нет, то скоро точно будет, — еще больше сержусь я. Ну кто придумал тамаду, выкуп и родственников на свадьбе? Я хочу просто сказать «да» и свалить в закат. Но это мало кого волнует. Всем подавай банкет и невесту.

Жизнь — боль.

..

Меня зовут Алиса и я унылая вафля. Ничто меня не радует, и все лишь расстраивает. Наверное, и это тоже нервы.

На работе все нестабильно, то и дело приходится убеждать клиентов, что у нас все хорошо. На личном фронте все время что-то происходит, это, и правда, какой-то фронт, в прямом смысле этого слова.

То *мой* бывший строил козни, теперь *Димина* бывшая появилась. Не живется же людям спокойно! Меня буквально преследует ощущение, что скоро появится кто-нибудь еще.

А тут еще вопросы свадьбы.

Мне кажется, если уж выходить замуж, то с минимальным количеством людей, без традиционных забав, без ресторана со столами буквой «п» и трехэтажного торта. У меня квартиру вот только сдали, ключи получать через неделю-другую, деньги бы на ремонт тратить, а не на местную кавер-группу и установку для пуска мыльных пузырей.

Диме все равно, он сказал, что все что нужно — штамп и кольцо на моем пальце, а где он все это получит — безразлично. Аня настаивает на креативной свадьбе, без тамады, но с ведущим и классным сценарием, мама настаивает на классической, с платьем и гостями, дабы было что вспомнить. Благо, все сошлись на отсутствии тамады и выкупов, что меня здорово обрадовало.

В какой-то момент мы выбрали дату, подали заявление и отсчет пошел.

Правда, с тех пор я стала напоминать себе не белку в колесе, а хомяка. Ведь белка в колесе бежит, да, путь из последних сил, но она бежит. А хомяк уже давно упал, но колесо его крутит, как центрифуга, и там нет особой разницы, ты двигаешь лапками или нет, тебя просто несет дальше и прикладывает пушистой пятой точкой куда придется.

Так вот, кроме пушистой пятой точки, с которой у нас, честное слово, нет ничего общего, многое в этом хомяке мне знакомо.

— Ань, я хочу десять человек, из которых двое — это мы с Димой. И ресторан у воды. И еще я нашла фотографа, раз ты так убеждала, что фото очень нужно будет нашим будущим детям. Но я просто хочу поужинать с вами и всё, для меня сейчас любой стресс — как чеку у гранаты сорвать. Без понятия, как среагирую.

Аня в трубке соглашается, что последние месяцы были очень нервными, и мы решаем сделать всё просто, а организацию она берет на себя. Так что я выдыхаю и просто периодически кручу волосы так и сяк перед зеркалом, прикидывая, надо ли их забирать в прическу, или оставить как есть.

За этим занятием меня и застаёт неожиданный звонок.

— Привет, это Анфиса. Есть минутка? — слышится в трубке знакомый голос, и я резко начинаю нервничать. Вот уж кого не ожидала услышать, так это любовницу Леша. Хотя, сейчас она официальная дама его сердца, пора привыкнуть к этому.

— Говори, — отвечаю я без предисловий, не потому что невежливая, а потому что

удивлена.

— Мы расписались, я теперь Санникова, — говорит она и мне остается только удивляться собственной реакции. Я не чувствую вообще ничего, ни раздражения, ни злости, мозг ставит отметку «ну, это логично» и всё.

Ну... Это, правда, логично, она же от него ребенка ждет.

— Я тебя поздравляю, — отвечаю спокойно. Интересно, почему ей кажется, что мне нужно было это сообщить?

— **Спасибо. Но есть проблема.**

— Проблема? — недоумеваю я. Любовница, а теперь жена моего бывшего звонит мне, чтобы сказать, что у них проблема. Я чего-то не понимаю в этом мире.

— Лёша все время недоволен, каждые пять минут сравнивает меня с тобой. Алиса то, Алиса сё, а вот Алиса делала так, пару раз меня твоим именем назвал. Я не понимаю, что с ним случилось. Вы общаетесь? Пожалуйста, ну ты же нормальная, скажи как есть.

Ох, только не опять. Хотел испортить жизнь, теперь вот сделал эталоном. В целом, Лёша никогда не был доволен тем, что я делаю. Убиралась я неправильно, готовила не по рецептам, забывала вещи не на своих местах — бардак, а если в процессе выпечки на столе было слишком много всего, я потом неделю выслушивала, что лучше мне вообще не печь, раз я такое развожу вокруг себя. И вдруг эталон, вдруг я оказываюсь примером для подражания. Смешно и неприятно вспоминать. Удивительно, как трансформируются воспоминания и как человек ко всему привыкает. Пока я жила с ним, мне казалось, что всё нормально. Ну, мало ли, у каждого человека есть свои тараканы, эти — не самые плохие, нужно просто приспособиться, не злить его лишний раз и быть более собранной.

Чушь. Конечно, все это полнейшая чушь. Но узнала я об этом значительно позже. И, чисто по-женски, хочется её как-то успокоить. Любовницу моего бывшего. Куда катится этот мир?

— Анфиса, мы конечно не подруги, но вот что расскажу. Я всегда выслушивала, как плохо всё делаю. Готовлю не так, убираю не так, да вообще всё не так. Так что мне странно слышать, что я вдруг стала ролевой моделью. Мы не общаемся. Я замуж выхожу.

После секундного молчания голос Анфисы звучит озадаченно.

— Поздравляю. Ну... Спасибо. Пока.

Она отключается, даже не дождавшись ответного прощания, хотя оно мне было и не нужно.

Разговор оставляет какие-то смешанные чувства. Что себе думает Лёша? Знать не хочу! Лишь бы, не решил опять выйти на связь. Санниковых я все ее побаиваюсь, слишком много они попили у меня кровушки.

Вскоре черед предсвадебных событий затягивает меня, так что об этом странном разговоре я скоро забываю. Как позже оказывается, очень зря.

Я невеста. Я — невеста. Серьёзно? Я стою перед зеркалом в платье, которое мне одолжила Аня, оно такое красивое, кружевное и тюлевое, но при этом сдержанное. Белое-белое, на тонких бретелях, юбка не слишком пышная, но я и не хотела быть тортом или колоколом. Но надо до пяток, потому что я в кедах. Плевать на предрассудки, кеды — это удобно и вполне свадебно.

— Детка, давай туфли, а. Ну каблук же, походка вообще другая будет, — отговаривала меня Аня.

Но я стояла насмерть. И вот они, мои красивые, плоские и удобные. Теперь можно и бегать в платье, это же супер.

Мои волосы в своем обычном состоянии художественного беспорядка, к ним чудом прикрепили фату, самую простую, без узоров, просто треугольник из тюля, но это всё... так сказочно.

Не хотела замуж? Не хотела платье? Беру свои слова назад. Даже немного жаль, что платье я не смогла выбрать сама, так и не преодолела свой странный страх. Ну и ладно.

Сейчас за мной должна приехать машина и отвезти на место, но что-то я сомневаюсь, что обойдется без сюрпризов. Всё утро у меня мандраж, истерия и трясущиеся коленки. Говорят, это нормальное состояние для невесты, но, по-моему, только в иностранном кино так. У нас пошла, расписалась, пошла деньги считать, и никаких нежностей.

Машина и правда ждет, так что я спускаюсь в гордом одиночестве, ведь мы договорились, выкупа нет, тамады нет, значит, все ждут меня, самую главную персону этого вечера, на месте, возле ЗАГСа.

Машина особенная, Дима решил, что это должна быть карета, так в народе называют одну из моделей Крайслера, так что сегодня я принцесса. Ну, если Крайслер не превратится в тыкву.

Уже в машине я понимаю, что водитель не тот. Меня должен был везти Димин друг, Антон, но он же высокий и широкоплечий, а тут, будто подросток сидит. И номер машины я сверила. Да и много ли белых Крайслеров останавливается у моего подъезда? Спину обдаёт жаром, руки судорожно сжимаются. Где подвох?

— Простите, а где Антон? — обращаюсь я к водителю.

Вместо ответа водитель поворачивается, и я понимаю, что это женщина. Я узнаю Риту, бывшую девушку Димы. Она еще что тут забыла?

Я судорожно дергаю ручку возле себя, но понимаю, что двери заблокированы. Машина стартует с места и за секунду разгоняется, а Рита смеется.

— Попробуешь что-то сделать, разобьемся обе. Мне терять нечего.

Паника опутывает по рукам и ногам. Я как в ужасном кошмаре, за секунду до пробуждения, когда не можешь ни говорить, ни шевелиться, и только страх пульсирует внутри. А машина несется вперед, и ни одного чертова светофора, ни одной пробки. И тонированные стекла.

Счастливой, блин, свадьбы, Алиса.

Машина выезжает на загородную дорогу, вроде шоссе, но уже не пять полос, а всего две.

Скорость чуть снижается, но я понимаю, что этого мало. Я не смогу ничего сделать, я

не героиня, не храбрая, не смелая, просто девушка в свадебном платье, которую умыкнули со своего же праздника.

Куда она меня везет? Что сделает? В зеркале заднего вида вижу ухмылку Риты, и она просто до ужаса мрачная. Наверное, именно такие улыбки бывают у психопатов.

— Рита, я же ничего тебе не сделала, — нарушаю я молчание.

Из ее груди вырываются леденящие душу звуки, это не смех, это ногтями по стеклу, и я внутренне съеживаюсь еще больше.

— Ты украла любовь всей моей жизни. Мне кроме него никто не нужен, — она говорит это таким тоном, будто песню поет. Весело и грустно одновременно, со странными ударениями. С ней точно что-то не так, но я пока не могу понять, что именно. Да я думать не могу, не то, что анализировать.

Меня выкрала психопатка, бывшая девушка моего несостоявшегося мужа. Слезы начинают душить с новой силой, но Рита мчится по дороге, периодически виляя влево-вправо, наверное, чтобы я ничего не надумала.

— Рита, отпусти меня, пожалуйста, и я забуду об этом случае. Никому не скажу, честное слово, — пробую я еще раз. В моем голосе столько просьбы, столько мольбы, сколько я за всю жизнь не испытывала.

— Ага, уже. Заткнись и смотри в окошко, невестушка. Скоро всё это закончится.

Через какое-то время мы съезжаем с дороги и я думаю, может сейчас машина замедлится и получится что-то придумать, но Рита достает из кармана складной нож и многозначительно на меня смотрит.

Что ж. Пока активности откладываются. Мы в чистом поле, и у нее наверняка есть что-то покруче этого ножа... Боде, помощи. Меня трясет, зуб на зуб не попадает, а платье не только помялось, но и запылилась. Не так я представляла день своей свадьбы.

Мы наконец подъезжаем к какому-то сараю прямо в поле. Я понимаю, что внутри зреет какое-то чувство «ну наконец», мне не хочется оттягивать момент, мне хочется, чтобы все уже решилось. Слезы душат, но ладони сами собой сжимаются в кулаки. Я никогда не сдавалась и не сдамся! А если и сдохну, то утащу тебя за собой, коза сумасшедшая.

Но весь мой запал улетучивается, стоит мне увидеть Лёшу, который направляется к машине, чтобы открыть мне дверь.

Санников. Ну все, теперь мне точно конец.

— Решил отомстить бывшей, да? — буквально выплевываю я ему в лицо.

Он смотрит на меня серьёзно и молчит, от этого становится еще страшнее. Что они, убьют меня в этом поле и закопают? Я трясусь все сильнее и не улавливаю момент, когда Рита выходит из машины. На ней строгий пиджак, волосы убраны под кепи, которую она тут же снимает.

— Ну что, добегалась, красотка? Посмотри на себя, вся в соплях, в пыли. У тебя же свадьба должна была быть, как ты выглядишь? — откровенно потешается Рита, разглядывая меня.

— Где Антон? Что ты с ним сделала? — я в такой панике, что не могу полноценно вдохнуть. Мое дыхание короткое и неровное, а голос звучит прерывисто и сипло. Сто сигарет скури, не достигнешь такого эффекта.

— Просто вырубил, я не убийца, в конце концов. Валяется за гаражами, — пожимает она плечами. Мелькает мысль, что все не так уж плохо, как могло бы быть. Антон жив, может, и меня не убьют. Но какой тогда смысл?

— О, я вижу, ты задумалась, что тебя ждет? — широко улыбается Рита и я вздрагиваю.

Может быть, меня уже начали искать? Наверное, как-то можно найти человека по его мобильному? Он у меня в кармане платья, которого не должно было быть.

— Ты посидишь годик в погребе, подумаешь над своим поведением. Да ты не бойся, я тебе туда одеял набросала, кое-какой еды. А Леша за тобой присмотрит, да Лёша? У него тут дача рядом. Это даже не будет подозрительно, — Рита, явно довольная своей идеей смотрит на Лёшу и удовлетворенно кивает. Да, ей кажется, это отличная идея.

И выражение лица Лёши меня тоже нисколько не радует. Я стою спиной к сараю, буквально загнана в угол, а по две стороны от меня, на расстоянии чуть больше вытянутой руки, два совершенно сумасшедших человека, которые точно желают мне зла.

Еще никогда в жизни я не боялась так сильно, как в этот момент.

Ну, по крайней мере, пока Рита не сделала ко мне первый шаг.

Страх сковывает меня и почти не дает двигаться.

Это очень напоминает момент во сне, когда ты кричишь, но из горла не вырывается ни звука, пытаешься бежать, а ноги не слушаются.

В реальности это очень похоже, тело тоже не хочет слушаться, но в отличие от кошмаров во сне, голос все еще при мне.

— Лёша, пожалуйста, — я смотрю на него и вдруг понимаю, что не могу подобрать слова.

Он взрослый мужчина, после некоторых поступков которого, сложно представить, что от него можно ждать. Но он никогда не выглядел сумасшедшим. Мы жили вместе несколько лет, как я могла не заметить?

Лёша смотрит на меня спокойно, его лицо не выражает вообще ничего и это пугает сильнее всего.

— Лёш, ты же скоро станешь отцом! Ты достаточно наказал меня. Это же уголовщина, Лёша. Я просто хочу жить, — под конец голос срывается, и я заливаюсь слезами.

Мозг судорожно перебирает варианты, как быть, но ни на одном не удается сосредоточиться. Я могу попробовать бежать: хоть платье и длинное, но я в кедах. С другой стороны, мы в каком-то поле, их двое, ключей в машине точно нет, да я и не умею водить.

Взгляд падает на Риту. В руке у нее что-то есть, и если это пистолет, то я далеко не убегу.

На этом месте слезы начинают катиться еще сильнее, а горло сжимает болезненный спазм. Как, как я попала в такую ситуацию?

Рита продолжает движение ко мне, в полной уверенности, что меня никто не спасет. Я и сама уже в это верю, так что спастись нужно самой.

Я пару раз кратко вдыхаю и пытаюсь собраться, сжать кулаки, как-то сгруппироваться, чтобы дать отпор.

Да, их двое, но от этого зависит моя жизнь.

И тут вдруг происходит что-то совершенно невероятное. Лёша резко бросается к Рите и замахивается. Секунда, и вот она уже лежит на земле, а возле нее валяется электрошокер.

Я непонимающе смотрю на Лёшу, он останавливается и примирительно выставляет руки перед собой, показывая, что не будет приближаться.

— Все нормально, Алиса. Я уже вызвал полицию, у меня там знакомые, скоро приедут. И запись есть. Нельзя ее оставлять на свободе, у нее совсем шарики за ролики закатились.

— Так ты не был с ней заодно? — спрашиваю я, отказываясь соображать.

— Алиса, я не сумасшедший. Да, я был очень зол и портил тебе жизнь. Хватил лишку, признаю и извиняюсь. Она пришла ко мне, просила помощи, рассказала о своем плане. Я все понимаю, ну любовь, ну бабские хитрости, но запереть человека в подвале... Я понял, что она не успокоится и поднял свои связи.

Я молча смотрю на Лёшу, обдумывая, верить ему или нет. Хотел бы засунуть в погреб, зачем бы ему вырубить Риту, да? Немного расслабляюсь, когда слышу полицейскую сирену и перевожу взгляд на Лёшу, который так и не подошел ко мне больше ни на шаг. Дистанция — это отлично.

— Я задолжал тебе, Алиса, — говорит он.

И я, в белом платье, с размаху плюхаюсь прямо на землю. Плевать. Будет еще платье когда-нибудь.

На деревянной стене за спиной отражаются блики от полицейских мигалок, а чуть вдалеке я вижу машину со знакомыми золотыми дисками. Дима меня нашел.

..

Вечером мы сидим на диване в обнимку. Весь день ушел на визит в отделение полиции, написание заявления и множество всяких бюрократических процедур. Но одно меня радует, Риту задержали, и домой ее, видимо, так просто не отпустят. Лёша уже дал показания, приложил запись с камер и, пожелав нам удачи, уехал домой.

И вот мы тоже дома, я честно пытаюсь отойти от всех этих странных событий, но выходит плохо.

— О чем ты думаешь? — выдыхает мне в макушку Дима.

— Пытаюсь переварить всё, что произошло, — отвечаю я, прижимаясь к нему крепче. Мне очень не хватает тепла, никак не согреются ноги и руки, так что я все ближе двигаюсь к нему.

Сейчас у меня чувство, что всё, наконец, закончилось. Чувство тревоги, никак не отпускавшее меня последние недели, наконец, утомилось, улеглось в груди, и оставило после себя долгожданное облегчение.

— Тебе не кажется, что это всё было каким-то шоу? Я пытаюсь уложить все в голове, но... Это же напоминает чей-то трэш-сценарий на кабельном, когда надо подогреть аудиторию.

— Мне кажется, такое не придумаешь. В жизни бывают ситуации и похлеще. Мою мать в девяностые сутки в подвале допрашивали. Потом выпустили и она продолжила жить обычной жизнью. Тоже сюр, казалось бы. Тема для криминального детектива или книжки какой.

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами. Вот это история, а я тут на свою судьбу жалуясь. Хорошо, мы живем не в девяностые, там бы я точно отхватила приключений на пятую точку.

— Ты что замолчала? Думаешь, как круто, что мы в девяностые живем? — улыбается Дима и я смеюсь в ответ. Ну да, иногда парочки учатся читать мысли друг друга, но скорее всего, всё это очень ярко написано у меня на лице.

— Что дальше будем делать? — спрашиваю я Диму, устраиваясь еще удобнее в его теплых объятиях. Я уже почти сижу на нем, но все еще пытаюсь придвинуться ближе, отвоевать лишний миллиметр у дивана.

— Просто жить, что же еще. Купим тебе платье, поженимся, детей заведем. Мне резко захотелось тихой семейной жизни, — он обнимает меня еще крепче, но я только за. И на тему тихой семейной жизни тоже.

— Отлична я идея. Мне кажется, я после всего этого точно не побоюсь надеть новое платье.

И я оказываюсь права.

Новое платье мы покупаем буквально через пару дней, вместе, наплевав на все возможные глупые стереотипы. Я перемеряю двадцать штук, прежде чем найти свое, но Анька, почему-то, плачет на каждом третьем.

В ЗАГС нам удастся попасть через две недели, и туда мы едем с Димой, Аней и Женей нашими свидетелями. Никто больше не рискует отпустить меня одну.

На этот раз к счастливому будущему я еду в компании друзей.

Мы сидим небольшим кругом в ресторане у воды, как я и хотела, а вокруг горят мелкие лампочки, освещая наши счастливые лица. ЗАГС и «добрый союз двух любящих сердец» позади, теперь мы расслаблено сидим за столом, вспоминая нашу первую встречу в школе, а потом и десять лет спустя. Я сняла туфли и сижу босая, положив свои ноги на Диму.

— Окольцевала я тебя, Фёдоров. Десять лет мне на это понадобилось, надо же, теряю хватку, — смеюсь я.

— Ты меня еще десять лет назад окольцевала, просто кольцо надеть забыла, — улыбается он в ответ.

И я вдруг понимаю, что десять лет назад мы были совсем другими. Кто его знает, скорее всего, ничего бы не вышло, потому что тогда мы еще не выросли друг для друга, не доросли.

А сейчас мы две половинки одного целого, если верить в эту теорию.

Я улыбаюсь и прикрываю глаза на секунду, чтобы в полной мере осознать, что безгранично счастлива. Здесь и сейчас. А что нас ждет потом — кто его знает?

Вот и посмотрим. Вместе.

— Это награждение вообще некстати! Я не могу ни в одно платье влезть, а все что для мамочек производят — просто ужас, одни розовые оборки. Дима, я — *дирижабль*! Дирижабль со сладкой ватой!

Я непрерывно ною и пытаюсь поправить на себе обилие торчащих оборок, но никак. Магазины для беременных мне совсем не нравятся, иначе, почему уже в третьем я вижу только милоту и платья цвета сахарных пони?

Дима мужественно ходит со мной, Аней и Женей по торговому центру уже несколько часов. Беременность дается мне довольно легко, но иногда просыпаются странные желания и эмоции. Арбуз посреди ночи, «что такое драгонфрут» в пять утра и поиск быстрой круглосуточной доставки в шесть, «пойдем гулять» в полночь под дождем и разные другие хотелки. Вот, например, сегодня мне было нужно именно тройное сопровождение в поход за платьем, и ребята пошли со мной. Три магазина, сто тысяч мотков нервов на каждого и пока никакого итога, но на их лицах нет осуждения или раздражение. Надо, значит надо. Наверное, это и называется дружбой.

Кручусь вокруг зеркала и понимаю, что даже не полностью вижу себя в нем, особенно если поворачиваюсь боком. До седьмого месяца я была кругленькая и аккуратная, скакала, словно мячик и была совершенно неутомима. А восьмой месяц застал меня ленивым морским котиком, круглым, как планета Земля.

Наконец, Аня прибегает с радостной новостью, что в этом леденцовом царстве нашлось строгое платье и просовывает в примерочную вешалку.

Кстати, о награждении. Мы так хорошо поработали в прошлом году, что заработали престижную награду, которую завтра поедем забирать. Ну, если я найду, в чем мне поехать, конечно. Вот на это платье большая надежда!

Я честно пыталась придумать что-нибудь с обычными вещами, но из-за огромного живота ничего приличного не находится, вещи моего размера так не тянутся, а большие хорошо сидят только в районе живота. Помню, когда видела Анфису беременной, она явно обычные наряды выгуливала со своим аккуратным животом.

Не могу сказать, что мы общаемся, так, изредка узнаю от нее какие-нибудь новости, когда ей хочется пожаловаться. Никак не пойму эту привычку, жаловаться на своего мужа бывшей своего мужа, но, видимо, подруг у нее немного, а семейство там — мама не горюй.

У них с Лёшей родился сын и ему вот-вот исполнится год. Бабушка и дедушка вышли на пенсию, в связи с известными скандальными событиями, и теперь очень помогают в его воспитании.

Анфиса, как и я в свое время, выслушивает Лёшин бубнеж, но моё имя там больше не мелькает, так что можно расслабиться. После рождения сына она знатно пилит его в ответ, так что ссорятся они довольно часто. Правда, по свидетельствам очевидцев, которые находятся в моем окружении, потом ходят подозрительно довольные.

Лёша, кстати, таки открыл свою сеть фитнесов, так что я очень за них рада. И успешно пытаюсь сталкиваться с этой семейкой поменьше, от греха подальше.

Наконец, я влезла в платье и оно сидит идеально, так что я сразу выдыхаю, ведь больше не напоминаю розовый дирижабль, с этим можно жить.

У Ани, кстати, новое увлечение, она прошла курсы по дизайну интерьеров и собирается

работать с нами. Ну, пока с Димой, а я присоединюсь, когда выйду из декрета.

Наша компания очень выросла и трансформировалась в большой холдинг, так что помощь очень нужна.

Не зря же мы тут награды выигрываем, вообще-то.

Я стараюсь не вспоминать о Рите, да и Дима обычно мне не напоминает, но сам следит за ее историей. Она осуждена условно, провела полгода на принудительном лечении, хотя я не слышала, чтобы принудительное лечение сейчас вообще существовало, а потом родители забрали ее куда-то в Данию. Видимо, постигать Хюгге.

Я слышала только обрывки из его разговоров, что-то о диссоциальном расстройстве личности, подозрении на шизофрению, но подробностей он мне не рассказывает. С другой стороны, зачем мне их знать, если я точно знаю, что я в безопасности, а она принимает лечение далеко отсюда и врачи признают ее неопасной. Но место жительства в рамках города мы все-таки поменяли.

Почти через месяц на свет должен появиться наш первенец, мои мысли в большей степени заняты именно этим. Ждем девочку, правда спорим пока насчет имени, почему-то Диме кажется, что Забава — неудачное имя для маленькой принцессы, так что он предлагает назвать ее Евой. Сошлись на том, что сначала посмотрим на дочь, а потом будем решать, на кого она похожа больше.

Все анализы в норме, тесты проходят на отлично, так что мы даже слетали на море, к еще одному нашему бывшему однокласснику и близкому Диминому другу, Егору.

— Ты готова ехать домой, любовь моя? — приоткрывает шторку примерочной Дима и присвистывает. — Отличное платье, любимая.

— Я всё равно огромный и неповоротливый морской котик, но вроде всё выглядит прилично, — я морщу нос, еще раз поворачиваясь вокруг своей оси.

— Ты не морской котик, Алиса. Ты — целая планета. Мой дом, мой смысл и моё всё. А скоро ты обзаведешься спутником, — указывает он на мой живот, и я улыбаюсь еще шире.

— Да, маленькой, вечно кричащей Луной. Иди уже сюда, астроном-философ, меня очень нужно поцеловать, — шутливо ворчу я и тащу его поближе к себе.

И нет ничего лучше в мире, чем целовать моего любимого мужа в этой просторной примерочной, в магазине одежды для розовых дирижаблей, вроде меня.

Ну, может быть, только если сюда принести арбуз.

Но это не точно.

Больше книг на сайте - Knigoed.net